

521691

К

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

Этюды

о переводах

Ульяса

Бужансугурова

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

ЭТЮДЫ О ПЕРЕВОДАХ
ИЛЬЯСА ДЖАНСУГУРОВА

АЛМАТЫ
"ФАЛЫМ"
2001

ББК 83.3 Каз.

Б44

521691

Б43 Бельгер Г.К.

Этюды о переводах Ильяса Джансугурова. Алматы: Галым,
2001. – 258 с.

Новую книгу казахстанского писателя, переводчика, литературоведа Герольда Бельгера составляет цикл этюдов о переводах выдающегося казахского поэта Ильяса Джансугурова на казахский язык произведений русских и зарубежных классиков. Книга рассчитана на внимание филологов, переводчиков, переводоведов, любителей изящной словесности.

Б $\frac{460202400}{465(05) - 01}$

ББК 83.3 Каз.

ISBN 9965-593-02-7

© Г. Бельгер, 2001

© "Галым", оформление, 2001

*Книга выпущена при содействии
Фонда Сорос-Казахстан , Фонда Ильяса Жансугурова,
а также посольства Королевства Нидерландов
в Казахстане.*

*Автор выражает благодарность
Ильфе Ильясовне
Джандосовой-Джансугуровой,
подвигшей его на этот труд.*

Ж.Б.

АЛЬХИССА-ЗАЧИН

*Вступительное слово к циклу этюдов
о переводах Ильяса Джансугурова*

И

Несколько месяцев я жил исключительно Ильясом. Ильясом Джансугуровым. Его поэзией. Его переводами. Жизнью и судьбой. Я был переполнен Ильясом. Ни о чем другом я думать не мог. Мне даже снились его строки, диковинно переплетаясь со строками Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гейне. «Онегинская строфа» и традиционный казахский одиннадцатисложник (он бір буынды кара-өлең) мчались в моем воспаленном сознании наперегонки, и бешеный, неукротимый поток казахских поэтических слов бушевали, ярились, захлебывались, искрились, сверкали, переливались, оглушали причудливыми рифмами, сплошным созвучием, водопадом метафор и сравнений, восхищая и потрясая мою немецкую душу.

Поэзия как снадобье. Как отравы. Как услада. Ею надлежит пользоваться осторожно. С большими паузами. Вкушая ее дурман малыми дозами. Наслаждаясь. Упиваясь ее магией.

Умом я это знал. А сердцем жадно впитывал переводы могучего казахского поэта, которого – я это понимаю, ощущаю – мое поколение казахов знает явно недостаточно, а другие – неказахи – и вовсе не знают или знают весьма поверхностно, приблизительно по таким же поверхностным и приблизительным, худосочным, обескровленным, приглушенным переводам на русский язык.

Но речь не о том.

Речь исключительно о переводах самого Ильяса Джансугурова с русского языка на казахский, о чем я и попытаюсь поговорить в своих этюдах более предметно, конкретно, подробно и обстоятельно. При этом я постараюсь не сбиваться на сугубо мудреный ученый воляпюк, не забивать голову читателя нарочито усложненной квазинаучной заумью, а искренне, в вольном и непритязательном жанре эссе доверительно побеседовать с гипотетическим читателем, поделиться с ним своими наблюдениями, замечаниями, сомнениями по ходу внимательного и прилежного чтения поэтических переводов недюжинного таланта, яркой личности, каким, бесспорно, являлся Ильяс Джансугуров.

Л

Но с чего началось мое неожиданное, отнюдь мною не запланированное увлечение поэтическими переводами? Где истоки первого импульса?

Весной 2000 года неожиданно позвонила мне Ильфа Ильясовна Джансугурова-Джандосова, обаятельная, рано поседевшая, рассудительно-мудрая, познавшая жизнь, степенная женщина, ученый-языковед, германист. Доселе я встречал ее всего два или три раза, однажды, на вечере памяти ее ученика, переводчика «Фауста», моего друга Медеубая Курманова. мы оказались за одним дастарханом, хотя и почти не общались. Помню, я сразу проникся к ней особым уважением и симпатией. Так и стоит перед моими глазами умилившая всех нас, собравшихся на открытие мемориальной доски Медеубаю, картина: идут под ручку с букетом цветов в руках, по оледеневшему тротуару, заботливо поддерживая друг друга брат и сестра – Ильфа Джансугурова и Мурат Ауэзов, дети поразительного обаяния и красоты, таланта и судьбы прославленной в памяти народа Фатимы Габитовой. Они издали бросаются в глаза чем-то неуловимым, отличающим их от нас, простых смертных: может, своей родовитостью (тем, что казахи называют коротким, но ёмким словом ТЕК), печатью избранности, мудростью, степенностью, осанкой, интеллигентностью, духовностью, своеобразной судьбой – не могу точно определить. Но они – брат и сестра, чьи отцы являются гордостью казахской культуры, поневоле привлекают сразу посторонний глаз.

Вообще этот духовно-интеллектуальный клан Суле-вых-Джансугуровых-Ауэзовых, скрепленный, сцемен-

тированный духом, любовью и волей неординарной, уникальной личности Фатимы-апа, – недюжинное явление в казахской культурной жизни. И я знаю многих из этого внушительного клана. Тесно знавал Азата Сулеева, полиглота, талантливое переводчика, так и нераскрывшего полностью свой дар, годами общался с ним в Союзе писателей Казахстана; десятилетиями постоянно общаюсь с Муратом Ауэзовым; по телефону не однажды разговаривал с Умит Джансугуровой; часто вижу на разных культурных акциях седовласого и замкнутого, сурово сосредоточенного, крупного статью, видно, в отца, Булата Джансугурова-Габитова; знаком с Ильфой Ильясовной; знаю кое-кого из третьего поколения этого могучего, разветвленного клана; читал книги воспоминаний Фатимы Габитовой, книгу о С. Джандосове; имею, наконец, неплохое представление о творчестве Ильяса Джансугурова и – само собой – Мухтара Омархановича Ауэзова, которого имел счастье видеть и слушать при его жизни.

Все эти встречи, знакомства, знания, вся эта высокая аура духа являются, несомненно, подспудной основой моего неожиданного, повторяюсь, внимания к переводческому искусству Ильяса Джансугурова.

И когда мы встретились с Ильфой Ильясовной по ее просьбе у моего излюбленного места – у памятника Чокану Валиханову, и она, в то время президент Фонда И. Джансугурова, показала мне список мероприятий,

планируемых к очередному юбилею выдающегося казахского поэта, ее отца, я мгновенно сообразил, что и мне отводится какая-то роль, некое участие в этом юбилее. Да, оказалось, что мне предлагалось сказать где-то о переводах Ильяс Джансугурова. Может, выступление по телевидению или в печати. Какой разговор? Охотно! Мне это знакомо, привычно, близко, интересно.

Но когда Ильфа Ильясовна тут же снабдила меня объемистым однотомником отца, в котором опубликованы многие его переводы, и ксерокопии всего «Евгения Онегина» и – вот чудо! – «Гавриилиаду», да еще лирику Пушкина, отпечатанные еще латинским шрифтом, я захлопотался от радости, от предвкушения сладостной работы, от несомненно поджидавших меня – пусть маленьких – открытий. И еще я тут же понял, что труд предстоит серьезный и, по-видимому, одним телевизионным или газетным выступлением никак не обойтись. «Времени до юбилея еще много, – заметила Ильфа Ильясовна, – можете работать без спешки».

Дома я тщательно просмотрел весь попавшийся мне в руки материал и ощутил более явственно, что работа предстоит, в самом деле, объемная, дотошная, скрупулезная.

Казахи в таких случаях говорят: «Шешінген судан тайынбас», т. е. «раздевшийся воды не боится». По-русски это означает: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Б

Вскоре меня осенило: буду писать не ученый трактат, не стану увлекаться излишне дотошным лексическим, морфологическим, фонетическим, синтаксическим, лингвистическим анализом, как это, например, блистательно делал в свое время академик Л. В. Щерба, разбирая «по косточкам» иные классические стихи в сопоставлении с их переводами, а напишу, пожалуй, нечто эссеистское, ограничиваясь главным образом исследованием лексического соответствия оригинала и перевода. И не буду излишне педантично-нудным, квази-объективным, удовольствуюсь, по мере возможности, сугубо своим видением, ощущением, чувством, пониманием. А уж читатель волен – согласиться со мной или нет. Но рассчитываю я на читателя неравнодушного, вдумчивого, любопытного, кому интересно, как мысль, фраза, слово звучат на ином языке, какая при этом происходит трансформация, смещение понятий и представлений, что доступно или недоступно переводу, переосмыслению, в чем выражается близость или адекватность перевода, переклада, передачи, переноса. Иначе говоря, я рассчитываю на читателя, главным образом, двуязычного, или имеющего хотя бы какое-то представление о казахском языке. Правда, я не отторгаю и читателей одноязычных. Для них я время от времени буду давать обратные дословные переводы. Надеюсь, что мои писания могут представлять интерес для филоло-

гов, преподавателей, переводчиков, учащихся, вообще любителей и поклонников изящной словесности. Их, уверен, всегда в какой-то мере сыщется в любом обществе и строе.

Здесь, полагаю, уместно напомнить, что в области художественного перевода Ильяс Джансугуров успел сделать очень многое. В его одностомном и пятитомном сборниках сочинений можно встретить переводы всего «Евгения Онегина», «Гавриилиады», три десятка лирических произведений Пушкина, пять стихотворений и поэму «Черкесы» Лермонтова, переводы из Некрасова («Железную дорогу» в двух вариантах и еще три стихотворения), из Крылова (2), Державина (1), Горького (два варианта «Песни о Буревестнике»), Г. Тукая (2), Э. Потье (1), Маяковского (1), Демьяна Бедного (2), Уткина (1), Жарова (2), Тихонова (1), Крайского (1), Безыменского (3), Лахути (1), В. Рождественского (1), Бальмонта (1), Янки Купалы (1), Петефи (2), Маная (1), Гюго (1), Гейне (3). Но это еще не все. В журнале «Когаршын» мне как-то попался его перевод из Майна Рида. Думаю, есть и другие, мне не известные переводы.

В моем представлении, то, что я намерен написать, – неприязнительные этюды. Вероятно, проанализирую, затрону следующие темы:

– «Евгений Онегин» в переводе Ильяса Джансугурова (Заметки и наблюдения);

– Лирика Пушкина в переводе Ильяса Джансугурова (Заметки на полях);

- «Гавриилиада» в переводе Ильяса Джансугурова («Поговорим о странностях любви»...);
  - Лермонтов в переводе Ильяса Джансугурова;
  - «Песня о Буревестнике» М. Горького в переводах Ильяса Джансугурова;
  - «Железная дорога» Некрасова в переводах Ильяса Джансугурова;
  - Ильяс Джансугуров – переводчик Генриха Гейне.
- Попутно, возможно, пойдет речь и о других сторонах творчества славного казахского поэта, о его времени и литературном окружении.

Я

Это был красивый человек. Колоритная, внушительная личность. Броской внешности мужчина.

Жена, Фатима Габитова, рисует его в своих воспоминаниях так: «Выше среднего роста, широкоплечий, крупный в кости».

О том же говорят и те, кто знал его: степенный, благородной осанки, молчаливо-сосредоточенный, деятельный, сильный, батырского склада.

Вот свидетельство Мухамеджана Каратаева:

«В 42-ю аудиторию вошел не спеша плечистый, крупный человек и буднично сел на одно из средних мест. Судя по широкой груди и плечам, его можно было принять за батыра или балуана-силача. Косая сажень в плечах, широкоскулый, с высоким, ясным лбом и темными

соколиными бровями. – словом, настоящий былинный батыр. Было ему тогда лет 35–36» (М. Каратаев. Вершины впереди. М., Сов. Писатель. 1977, стр. 367).

Вот каким его видел переводчик и литературовед Саидил Талжанов: «Ұзын бойлы, алпамсадай нар денелі, өзі мейлінше кішіпейіл адам екен» (т. е. «рослый, богатырски крупный, поразительно скромный человек») – см. С. Талжанов, «Өткен күндер сөйлейді». А., «Жазушы», 1979, 172-бет. И еще С. Талжанов пишет: «Бәйгі бермеген поэзияның құлагері, ақындықтың тәңірі Ілияс аға» («непревзойденный призовой скакун-кулагер поэзии, вершинный пик акыинства») – там же, стр. 185.

Сам о себе Ильяс Джансугуров говорил так:

Родился я, рос и мужал среди звонковолных равнин,
Без края широкая степь.
Ты мать мне, я кровный твой сын,
Как весь мой казахский народ, мужающий, как исполн,
Идущий под стягом труда, законный, любимый твой сын!

(Перевод К. Алтайского)

Вот его фотография 1936 года. Короткая стрижка. «Английские» усики. Большая голова. Крупный нос. Густые брови. Широкий, чистый лоб. Задумчиво-спокойный взгляд.

Вот фотография 1923 года. В шубе, пышном треухе-тымаке. Холеные усы. Открытое, крупное лицо. Спокойный, умный взгляд. Видный джигит!

Коллективный снимок 30-х годов с красавицей-женой, с ухоженными, опрятными детьми, с домочадцами. Все тот же крупный, уверенный в себе мужчина. Что-то горское, кавказское, орлиное во всем облике.

Не стану здесь излагать его биографию. При желании читатель найдет нужные сведения в биобиблиографических справочниках Союза писателей, в энциклопедиях, в предисловии Х. Бекхожина к изданному в 1958 году однотомнику И. Джансугурова, в книге воспоминаний Фатимы Габитовой, в многочисленных статьях и исследованиях.

Скажу только, что это был очень крупный, талантливый, выдающийся поэт, стоявший у истоков казахской профессиональной литературы нового времени. И еще прозаик. Драматург. Фельетонист. Очеркист. Общественный деятель. Культуртрегер в широком и благородном понимании.

Начало и конец его жизни: он родился 19 мая 1894 года в нынешней Алматинской области, Аксуйском районе. Арестовали его 13 августа 1937 года. «До полуночи они (НКВД-шники) обыскивали все комнаты. Конфисковали все рукописи и книги из кабинета Ильяса». – вспоминает Фатима-апа.

В апреле 1938 года он был расстрелян.

За короткую жизнь успел оставить пять огромных томов сочинений. Шестой том был подготовлен, но так и не увидел света. Но и в это собрание вошло еще далеко не все его литературное наследие.

Прежде чем написать эти строки, я заново перечитал многие произведения Ильяса Джансугурова, сделал множество выписок из его лирики и поэм «Күй», «Күйші», «Құлагер». Конечно, времена изменились, многие мотивы, отражающие эпоху классово-борьбы, советизации, коллективизации, индустриализации и прочие идеологические химеры, ныне устарели, ушли в небытие, но сделано, написано все это исключительно искренне, прочно, убедительно и талантливо. Даже трактор, экскаватор, заводские трубы воспеты свежо, броско, образно. А выше названные поэмы – несомненно, кладезь национальной поэзии и духовности, высокий, вдохновенный памятник бесконечно богатого, искрометного, необузданного, стихийного казахского речестроя. Такого буйного половодья, бурного потока казахской языковой стихии, вобравшей в себя все краски, все богатство, все разнообразие, мощь, напор, красоту казахского художественного слова, представить и сыскать трудно. В дальнейшем по ходу анализа переводческого мастерства Ильяса Джансугурова я, вероятно, о том скажу подробнее. Сейчас попутно ограничусь лишь одним своим субъективным мнением. Я искренне полагаю, что «Күйші» Ильяса – одна из вершин мировой поэзии. К сожалению, эта поэма абсолютно непередаваема на других языках, настолько она пронизана национальной ментальностью и колоритом. Духом степняка. Философией кочевника. И в этом трагедия Поэта: мощь казахского речестроя не поддается переводу.

Еще одно частное замечание. Я вырос в казахской языковой среде, окончил казахскую среднюю школу (1953). У меня были прекрасные преподаватели по казахскому языку и литературе. Однако по известным причинам в школе я не слышал даже имен Сакена Сейфуллина, Беимбета Майлина, Ильяса Джансугурова. Да и многих других. Лишь студентом старших курсов я впервые услышал эти имена. И вот дар судьбы: после аспирантуры я перевел на русский язык одну небольшую книжицу С. Кирабаева о Сакене Сейфуллине, и тем самым открыл для себя творчество мужественного казахского поэта, общественного и государственного деятеля. Несколько лет спустя вместе с Юрием Домбровским я перевел толстенный том повестей и рассказов своеобразного Беимбета Майлина. С гордостью ношу звание лауреата премии его имени. А вот теперь намерен по-сильно анализировать переводческое наследие Ильяса Джансугурова. Разве это не счастье для российского немца, волей судьбы и причудливых обстоятельств окупившегося в океан казахской словесности?

Кстати, об этом самом океане. На мой взгляд, особенно вольно и вольготно чувствовали себя в этом океане Абай, Аймаутов, Ауэзов, Джансугуров. Вот кто знал, чувствовал стихию родного языка во всех его параметрах, кто владел этим безмерным богатством свободно, раскованно и артистично и оберегал, охранял его самозабвенно.

Увы, ныне и океан этот значительно обмелел, ужался, и мореходцы явно помельчали, оскудели.

Но это уже другая тема.

С

И еще одно необходимое уточнение. Переводы – даже самые удачные – имеют обыкновение устаревать. Меняются времена, меняются вкусы, пристрастия, меняются отношения к тому, что некогда казалось прекрасным и безупречным. Именно этим объясняется множество переводов Шекспира, Гёте, Гейне, Пушкина, Абая.

521691
Сколько существует переводов и трактовок на одном лишь русском языке «Гамлета», «Фауста», «Германии. Зимней сказки»? Сколько раз переводился на иностранные языки Пушкин, Толстой! Кто только не пытался хотя бы приблизительно передать нюансы «Восьмистишия» Абая?!

Трудное это искусство – перевод. Высокое искусство! «Монблан» литературы существует на эту тему.

Я говорю об этой банальной истине лишь потому, что именно с осознанием этой правды следует относиться и к переводам Ильяса Джансугурова. Представьте: выше-названные поэтические переводы он осуществил 70–80 лет тому назад. В то время в Казахстане не существовало никакой переводческой школы, не разработаны были сама теория, принципы художественного перевода, не было опыта, традиций, небогата была сама нацио-

нальная литература, и знание русского языка не было всегда на высоте, и интеллектуальная аура была зыбкой, перевод часто осуществлялся наощупь, по наитию, по мере способностей и таланта, по субъективному восприятию, не всегда оказывались под рукой различные словари, справочники, комментарии, не было научных консультантов. И вот в таком положении казахский поэт, еще не овладевший всеми премудростями филологии, главным образом на волне своего природного таланта, опираясь исключительно на мощь поэтической стихии, берется за перевод «Евгения Онегина», «Гавриилиады», лирики Пушкина, Лермонтова, Гейне, Гюго, стремясь на казахском языке максимально точно воспроизвести их творения по содержанию и форме. Вообразить такое трудно!

Передать «Онегинскую строфу» на казахском языке, соблюдая все версификационные формальности, признаки, оттенки, воссоздавая иную эпоху, иной быт, иные нравы, иные жизненные устои и порядки, иной дух – это дерзновенное бесстрашие, это мужество, творческий порыв, осознание гражданского долга!

Ильяс Джансугуров решился на это. И, как мы увидим и убедимся позже, во многих отношениях успешно.

Но за эти десятилетия в Казахстане народилась и переводческая школа, накопился опыт, сложились традиции, выросла общая филологическая культура, появились профессиональные переводчики, и я знаю, что многое из того, что в свое время перевел на казахский язык

Ильяс Джансугуров. ныне переведено заново многими. Куандык Шангитбаев, например, в течении тридцати-сорока лет создал два варианта казахского «Евгения Онегина». И, зная Куандыка-ага как взыскательного, самобытного поэта (увы, ныне покойного), я априори допускаю, что его перевод «Евгения Онегина» – качественно новая ступень. И это естественно.

Литературовед Жумагали Исмагулов рассказывал мне, что в 50-х, кажется, годах, будучи главным редактором «Қазақ әдебиеті», он опубликовал отрывки из «Евгения Онегина» в переводе К. Шангитбаева. И вдова И. Джансугурова, Фатима Габитова, пришла к нему с возмущением и упреками, доказывая, что перевод этот был осуществлен ее расстрелянным супругом и, следовательно, кощунственно давать новые переводы. Фатима-апа в этом вопросе, конечно, была неправа. Переводы нуждаются в обновлении.

То же самое и с переводами стихотворений Пушкина. Некоторые лирические произведения русского классика переведены на казахский язык разными поэтами по три, четыре, пять раз. И это похвально. Однако, я в своих этюдах отнюдь не задавался целью анализировать, сопоставлять переводы И. Джансугурова с более поздними переводами. В мои цели и задачи это не входит. При всем соблазне и любопытстве я, например, не стал даже читать перевод Куандыка-ага. К нему я вернусь при случае позже. Ибо я веду сейчас речь исключительно о переводах Ильяса Джансугурова. И только. Все

остальное может быть темой и предметом других исследований и исследователей.

Понятно также, что я сужу о переводах Ильяса с колокольни нынешнего времени. Я не могу окунуться в эпоху 30-х годов и рассуждать исключительно сознательно с позиций и установок тех времен. Да это, полагаю, никому и не нужно. Уже то, что о переводческом искусстве Ильяса Джансугурова с увлечением и благодарностью говорят семь десятилетий спустя – факт достойный и примечательный.

Словом, собирая черновой материал для цикла статей (этюдов) о переводах И. Джансугурова, я испытываю приятное волнение и радость и, будучи человеком иной веры и языка, я по обычаю и привычке казахов, приступая к желанному и серьезному делу, сам себе невольно говорю: «Бисмилля!»

Август 2000 года.

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

в переводе Ильяса Джансугурова

(Заметки и наблюдения)

I

Предлагаю гипотетическому читателю этого этюда посылить вообразить, представить себе то время, когда была осуществлена впервые дерзкая попытка озвучить не фрагмент, не отдельные строфы, а весь от начала до конца роман «Евгений Онегин» на казахском языке. Роман, заслуженно названный энциклопедией русской жизни. Роман, написанный строгими классическими стихами, втиснутый в звучные «онегинские строфы», подчиненный лаконичной поэтической форме. Роман, вобравший в себя подлинно русский дух, ментальность, мировоззрение и мировосприятие, уклад дворянского, помещичьего бытования, страстей общественной, социальной, политической жизни начала XIX века, облик целой эпохи, культуры, философии и т. д. и т. п. Роман, в котором все-все, или почти все совершенно чуждо, отстраненно или – по крайней мере – далеко тому или от того, что составляет суть духоустройства абсолютно

иной, кочевой жизни степняков, совсем иных по духу, по вере, по языку, по ощущению и восприятию.

И вот находится Поэт, вознамерившийся все это инобытие достойно и по мере возможности точно – по форме и содержанию – воссоздать художественными средствами родного языка, являющегося разноструктурным, разносистемным тому языку, на котором был написан этот исполинский оригинал.

А на дворе 1936 год. Письменная казахская литература еще совсем молода. Многое в мире искусства и эстетики только-только формируется. Общий культурный и образовательный уровень еще низок. Переводческой школы, можно сказать, никакой, или, точнее, она в зародышевом состоянии. Опыт пересадки классических произведений на национальную почву тоже невелик. А тут приближается знаменательная дата – столетие со дня смерти великого русского поэта, и гигантская Страна Советов со всеми своими окраинами надумала с небывалым размахом отметить эту грандиозную дату. Кучка казахских поэтов горит желанием не отстать от кочевья времени, не ударить лицом в грязь, выдать национальному читателю трехтомное собрание сочинений русского гения, дабы прозвучали в нем, в собрании сочинений на казахском языке, самые лучшие творения его, и в том числе, разумеется, казалось бы абсолютно непере译имый «Евгений Онегин». И решился на это выдающийся казахский поэт Ильяс Джансугуров. Ка-

кая нужна была для этого отвага, смелость, дерзость! Какая вера в свои силы и талант! Какое чувство долга перед временем и народом! Какая ответственность перед Поэзией!

О таких отважных и дерзновенных храбрецах казахи говорят «жүрегінің түгі бар». Но не только храбростью отличился казахский поэт, но и талантом, впоенным мощью и красотой народной поэзии.

II

По свидетельству Мухтара Ауэзова, Ильяс Джансугуров испробовал разные версификационные формы в поисках наиболее оптимального варианта адекватного воссоздания оригинала. Наконец, определился в выборе: остановился на «онегинской строфе». Решение было смелое: казахская версификационная техника такой формы не знала. Даже великий реформатор казахского стихосложения Абай, придумавший и внедривший в практику более двух десятков новых для казахов форм рифмовок и строфических рисунков, не написал ни одного стихотворения в строгом «онегинском» размере. Джансугуров пошел на такой эксперимент, сделал эту форму приемлемой для казахского слуха. Конечно, это было трудно. Разумеется, это было непривычно. И, естественно, ради сохранения этой формы приходилось идти на разные стилистические и синтаксические ухищрения, нередко – на жертвы, на «изнасильствования».

Поневоле возникали сомнительные решения, явные языковые погрешности, натужные рифмы, ломка через колено. А тут еще обилие французских, английских, немецких, латинских слов и выражений, множество исторических имен и реалий, наименований, напрочь отсутствующих в казахском языке, литературных, философских, мифических, религиозных реминисценций, старославянских и древнерусских слов. Необходимо было и сохранить все это, чтобы быть максимально близким к оригиналу, и стараться, чтобы стих не превратился в воляпюк или абракадабру, чтобы он был в большой степени доступен и понятен казахскому читателю и как-то соответствовал его эстетическому восприятию. Трудно разрешимая, почти неодолимая задача! И, понятно, переводчику не всегда удавалось успешно справиться с нею.

III

Попробуем объяснить читателю, что представляет из себя «онегинская» строфа и как она звучит и смотрится по-казахски. Один пример наугад:

Осыны ойлап жас еумесер,
Шапты жолда батып шаңға.
Туысқанға ол мұрагер,
Жазған солай Зебіс-алла.
Досты Руслан Людмилаһын,
Романымның, қаһарманын

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа

Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель.
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель:
Там некогда гулял и я;
Но вреден север для меня.

Айналмастан баскы сөзге
Таныстырам әзір сізге:
Онегин бір жақсы досым,
Туды Нева жағасында,
Бәлкім, тудың, сен де сонда,
Әлде жүрдің онда, оқушым!
Серуендегем мен бір заман,
Бірақ, сол түс зәрлі маған.

Это и есть «онегинская строфа». Она состоит из четырнадцати строк; форма рифмовки – абаб вв гг деед жж; иначе говоря: первые четыре строчки организованы с помощью перекрестной рифмы (казахской поэзии она не чужда со времен Абая); следующие четыре строчки рифмуются попарно (в качестве элемента такая форма рифмовки имеет место в традиционном казахском одиннадцатисложнике); следующие четыре строки подаются в форме обхватной рифмы (у казахов встречается значительно реже) и заключают строфу две строчки, срифмованные попарно. И в таком стихотворном размере написан весь роман. Этой же строфики строго придерживается и переводчик. Тоническому русскому четырехстопному ямбу наиболее близко подходит силлабический казахский восьмисложник. В такой ритмомелодике воссоздан перевод от начала до конца. Сознательно подчинить себя форме оригинала для переводчика и похвально, и мужественно, и ответственно. И невероятно трудно!

IV

Роман «Е. О.», как известно, начинается обращением к другу Пушкина – П. А. Плетневу (1792–1865), которому поэт посвятил немало стихов. Среди пушкинских стихов, переведенных И. Джансугуровым, оно приведено на казахском языке под названием «П. А. Плетневке» («Плетневу»), хотя в романе посвящение начинается со стиха «Не мысля гордый свет забавить». Уже это вступление к «Е. О.» (17 строк у Пушкина и 18 строк у переводчика) свидетельствует о таланте, лирической мощи, переводческой хватке, принципиальной установке Ильяса Джансугурова, его стремлении к точности, адекватности и выразительности. Чтобы не быть голословным, обратимся к русскому и казахскому текстам посвящения:

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной
Высоких дум и простоты:
Но так и быть –
        рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,

Алдандырмай қауымды паң,
Татулықты тәтті сүйе,
Тартпақ едім сыйды саған
Татырлықтай көңіліңе..
Сыйды аяулы жаныңа шақ,
Шын қыялдан шалқып шыққан
Асқар ойдан, сөзден тақ-тақ
Ойнақы, айқын ақындықтан;
Достым, осы-ақ,
  келген қолдан:
Шала сықақ, шала мұңнан,
Ел сөзінен, ұлы арманнан,

Простонародных, идеальных
Небрежный плод моих забав
Бессонниц, легких вдохновенней
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Жас жемісім жұбанудан,
Таң күзеттен, толғанудан.
Өшпеуімнен, өшкен жылдан
Салқын ақыл байқауымнан,
Ала-құла жазылған сөз
Құмарлана қолынды соз!

Пушкин сам очень четко и метко определил смысл и содержание своего творения. Конечно, «небрежный плод моих забав» сказано из скромности, ради красного словца. Но то, что роман – «собрание пестрых глав», «полусмешных, полупечальных, простонародных, идеальных», «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», – истинная правда. И о «поэзии живой и ясной, высоких дум и простоты» сказано уместно, кстати, честно и искренне. Все это и составляет квинтэссенцию романа. И переводчик это ощутил, понял и передал бережно и достойно. Все эти детали, являющиеся основополагающими, камертонными, ключевыми, нашли языковое выражение и воплощение в переводе. Зачин точно уловил тональность, размер, ритмомелодику оригинала, и перевод звучит по-казахски естественно, органически, ибо передает дух оригинала легко, вдохновенно, в стихии казахского стихосложения.

Вчитайтесь в перевод, сравните каждую строку, каждую фразу, каждое слово с оригиналом и вы убедитесь, как пушкинский гений высек ответную искру в поэтической душе казахского собрата.

При чтении перевода «Е. О.» поневоле возникают разные вопросы. Ну, например: какой литературой, чьими комментариями пользовался Ильяс Джансугуров при переводе? И пользовался ли вообще? С кем консультировался? В какой степени не только как поэт-переводчик, а как историк, литературовед, филолог вникал в самый сложный текст романа? В какой мере углублялся в пушкинскую эпоху? Все ли он понял осознанно, как исследователь? Какое издание «Е. О.» находилось у него под рукой? Чьи комментарии, помимо пушкинских, стали его путеводителем?

По словам литературоведа, кандидата филологии Есенгельды Жакупова, Мухтар Ауэзов рассказывал своим студентам о том, что, будучи в Ленинграде и зная о намерении Ильяса Джансугурова переводить «Е. О.», он прислал ему какое-то пособие в помощь. Е. Жакупов не очень уверенно назвал это пособие – ««Евгений Онегин» для среднего читателя». Но я ни такого пособия, ни ссылку на него в трудах пушкиноведов не встретил. А у литературоведа Ю. М. Лотмана (в книге «Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», комментарии, изд. 2-ое. Л., 1983) я вычитал: «Е. О.» входил в IV-том М., изд. АН СССР, 1937 («Большое академическое издание»). Сомневаюсь, что И. Джансугуров пользовался этим изданием. (Оно появилось уже после перевода «Е. О.») Он мог пользоваться каким-нибудь отдельным

изданием пушкинского романа или Полным собранием сочинений Пушкина в шести томах (Приложение к журналу «Красная нива», т. VI, путеводитель по Пушкину. М.–Л. . 1931 г.).

Все остальные известные ныне исследования, комментарии Д. Благого, С. Бонди, Г. Винокура, Б. Томашевского, В. Набокова, Ю. Лотмана и многих-многих других увидели свет после гибели И. Джансугурова.

Переводчик, предполагаю, мог пользоваться пособием для учителя Н. Л. Бродского «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина» (первое издание 1932 г.). Вполне возможно, что именно эту книжку прислал Джансугурову М. Ауэзов из Ленинграда. Но и это весьма проблематично: ведь в это время М. Ауэзов находился не в Ленинграде, а в Алма-Атинской тюрьме. А в 20-ые годы они только переписывались, еще не будучи лично знакомыми. Да у меня и нет никаких сведений о том, что уже в 20-ые годы И. Джансугуров присматривался, приравнивался к «Е. О.». В одной из статей М. Ауэзов утверждает, что перевод «Е. О.» был осуществлен И. Джансугуровым за шесть месяцев в канун столетнего юбилея Пушкина. И сам переводчик указывает годом издания казахского «Е. О.» 1936-й, о том же он говорит и в после словии «От переводчика». И Ф. Габитова вспоминает: «Евгения Онегина» он перевел в 1936 году в учительском городке «Просвещенец» .

Тот же Есенгельды Жакупов утверждает, что на каком-то вечере, посвященном Ильясу Джансугурову,

Мухтар Ауэзов отметил, что при переводе «Е. О.» он много помогал переводчику советами и разъяснениями, и, якобы, подчеркивал, что «Ильяс брал не столько знаниями, ученостью, сколько природным даром, поэтической мощью, языковым богатством».

А встретились эти гиганты казахской словесности впервые летом 1927 года, когда М. Ауэзов приехал в Семиречье и вместе с И. Джансугуровым объездил весь край, собирая материалы для повести «Қараш-қараш» и романа «Қилы заман». Эта дата – 1927 год – называют в своих воспоминаниях и В. Н. Ауэзова, и Фатима Габитова. О том же сказано в «Летописи жизни и творчества М. О. Ауэзова» (стр. 101). Вполне возможно, что во время путешествия по Семиречью у друзей мог возникнуть разговор о замысле перевода «Е. О.» Впрочем, с уверенностью сказать это невозможно, и на вопрос «Чем руководствовался И. Джансугуров при переводе «Е. О.»? С кем он консультировался?» я с определенностью ответить не могу. Возможно, работа в сохранившихся архивах И. Джансугурова приоткроет завесу. Фатима Габитова пишет, что, работая над переводом «Е. О.», И. Джансугуров переписывался с татарским поэтом Борнашем – переводчиком «Е. О.» на татарский язык. Это был своеобразный творческий обмен опытом двух переводчиков. Мне неизвестно, сохранилось ли что-нибудь из этой переписки. Не знаю также, сохранились ли рабочие тетради И. Джансугурова по переводам, есть ли сведения о том, как он преодолевал оригинал, как

справлялся с творческими задачами, есть ли письменные свидетельства об этом трудоемком творческом процессе. Ведь все это было бы и интересно, и поучительно.

VI

И еще любопытный вопрос: в какой мере Ильяс Джансугуров знал русский язык? Сказать, что плохо, разумеется, никак нельзя. Сказать, что превосходно, на уровне Мухтара Ауэзова, будет тоже неверно.

Судя по переводам – как по количеству, так и по качеству – знал русский язык все же, скорее, прилично. Ведь переводом он начал заниматься еще с 20-х годов. И нюансы, тонкости русской поэтической речи улавливал чутко. И чаще всего находил точный адекват. Правда, чувствуется, что казахский акцент был замечен, многие русские слова он приспособливал к казахской фонетике, придавал им казахскую окраску, о чем свидетельствуют и некоторые рифмы, и сингармонические формы, и написание, т. е. орфографическое изображение. Вот как звучат в его переводах некоторые русские слова: катлет (котлета), пилосóп (философ), шётки (щётки), кабалерд (кавалергард), Элбион (Альбион), прант (франт), нэне (няня), будкé (будка), панар (фонарь), шепшік (чепчик), элбем (альбом), банна (ванна), калэскé (коляска), жерапа (жираф), болиборан (боливар) и т. д. огромное количество озвученных на казахский лад русских или иностранных слов. В таком же искаженном виде

предстали читателю и собственные имена: Аполан (Аполлон), Керторы (Гертруда), Қаныс (Ганс), Кеңірік (Гендрик), Зебіс-алла (Зевс), Поблас (Фоблас), Клепатр (Клеопатра), Понбизин (Фонвизин), Кинәжін (Княжнин), Шаадайып (Чаадаев), Іленскей (Ленский), Бертер (Вертер), Напалион (Наполеон) и т. п.

Правда, тут следует сделать существенную оговорку. Подобное искаженное воспроизведение русских и иностранных слов и имен чаще всего не прихоть переводчика, и не следствие его произношения, и даже не фонетическое свойство казахского языка, а просто-напросто издержки латиницы, введенной накануне в Казахстане, которая не в состоянии оказалась точно воспроизводить звуки и буквы иноязычных слов. Так что не будем грешить на Поэта.

По свидетельству Сайдила Талжанова (см. «Өткен күндер сөйлейді». А., «Жазушы», 1979, стр. 174), Ильяс Джансугуров как-то говорил Санжару Аспандиярову: «Мен орысшаға мүлде шоркакпын» («Я совсем слаб в русском языке»). Думаю, это сказано все же скромности ради. Человек, слабо знающий русский язык, вряд ли бы смог переводить Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Горького, Маяковского и других.

Но самого себя он на русский язык не переводил. Его поэму «Степь» перевели Мухтар Ауэзов и Зоя Кедрина. (Поэма, кстати, вышла в 1931 г. в г. Херсоне; переводчиком указан М. Ауэзов). А позже И. Джансугуров обратился к С. Талжанову с просьбой перевести его по-

эму «Күйі» («Күйіді» аударып берші) – см. выше названную книгу С. Талжанова, стр. 172).

VII

Основные требования к художественному переводу, его теоретическую концепцию, пожалуй, впервые систематизировал и изложил специально для переводчиков Пушкина на казахский язык Мухтар Ауэзов в своей энергичной и основополагающей статье, опубликованной в газете «Социалды Қазақстан» в 1936 году. Статья называлась «Об опыте перевода Пушкина на казахский язык» (М. Ауэзов, 20 томдық шығармалар жинағы, 14-том, 1983, 306–310 беттер). Русскому читателю эта статья, кажется, неизвестна, и потому я напомню здесь ее основные тезисы. Суть требований М. Ауэзова к переводчикам Пушкина такова:

- в переводе на казахский язык Пушкин должен звучать естественно, как на родном языке;
- нужно отказываться от перевода-пересказа, от вольного и произвольного изложения голого содержания, от насильного, искусственного приспособления оригинала к пресловутому казахскому слуху, от излишней адаптации к национальным образцам, чем увлекались переводчики прежних времен (Абай, Шакарим, а также поэты алаш-ордынского толка);
- необходимо стараться, насколько это возможно, довести до казахского читателя форму, образность, поэти-

ческий речестрой, словесные узоры, ритм, мелодику ординала, а не загонять, втискивать содержание в традиционную национальную колодку;

– вникнуть глубже в форму и содержание переводимого текста, понять, осмыслить его суть, а не увлекаться набором трескучих словес, не нагнетать «красивостей», наслаивая велеречивые шешенские (ораторские) досужие фразы.

И лучшие казахские поэты 30-х годов, очень увлеченно, бурно переводившие русских и зарубежных классиков, неуклонно следовали этим советам Мухтара Ауэзова, который внимательно следил за творческим процессом художественного перевода и чутко реагировал на его успехи и огрехи.

VIII

Точность воспроизведения пушкинского текста стала для Ильяса Джансугурова основным переводческим критерием. На этом пути у него случались поразительные открытия, удачи; нередко его настигали – опять-таки во имя точности – очевидные провалы. Постараюсь проиллюстрировать это на конкретных примерах.

Толпою нимф окружена
Стоит Истомина; она
Одной ногой касаясь пола
Другую медленно кружит

Нимпа тобы коршауында
Тұр сахнада Истомина;
Бір аяқпен жерде жылжып,
Бір аяқпен айналар жай.

И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

Эол үрген мамырындай;
Бірде ұшып, бірде ырғып,
Бір бірігіп, бір жазылып,
Аяқты аяқ қағып лып-лып.

Что тут скажешь? Это и есть та самая точность, к которой стремился переводчик И. Джансугуров. Все на месте, все присутствует: и форма, и мелодика, и ритм, и динамизм, и образность, и выразительность. Что еще можно требовать от переводчика? Конечно, и нимфы, и Эол не из казахской поэтической стихии. Так не заменить же их некими существами из казахского мифа или мистики!

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят.

Әлі амур, сайтан, жылан
Сағнада жүр ойнақтап -
Тыста лакей шаршап талған
Тонға оранып жатыр ұйықтап.

Сохранены и словесный состав, и рисунок, и форма рифмовки. Может, кому-то угодно заменить русского лакея на казахского малая? А с амурами как быть?

Царей портреты на стенах
И печи в пестрых изразцах
Все это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему,

Патшалардың түр суреті,
Пештің, оймық шұбар беті
Қазір мұның тозды бәрі
Неге екенін біле алмадым:

Да, впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал,

Ал достыма осылардың
Қажеттігі тым шамалы,
Ескі, сәнді зал үйлерде
Ол зерікті мұнда мүлде.

Еще пример:

Простите, игры золотые!
Он роши полюбил густые,
Уединенье, тишину
И ночь, и звезды, и луну,
Луну, небесную лампаду.

Қош болыңыз, алтын ойын!
Ол ұнатқан орман койнын
Оңашаны, тыныш жайды,
Түнді, жаңа жұлдызды, айды,
Айды, аспанның әсем шамын.

Во имя точности переводчик старательно следует даже порядку слов в строке: «И ночь, и звезды, и луну» – «түнді, жаңа жұлдызды. айды,», «уединенье, тишину» – «оңашаны, тыныш жайды,»; даже калькирует: «игры золотые» – «алтын ойын» (для казахского слуха, кажется, немного непривычно); воспроизводит точь-в-точь повторы: «айды, Айды» – «луну, Луну».

И диалоги, перебивку строк в оригинале переводчик старается передать тщательно, во всех нюансах.

«Куда? Уж эти мне поэты!»
– Прощай, Онегин, мне пора.
«Я не держу тебя, но где ты
Свои проводишь вечера?»
– У Ларинных. «Вот это чудно.

«Қайда? Эй осы ақындарым!»
– Мен кетемін, қош, Онегин.
«Ұстағым жоқ, ықтиярсың
Кетер қайда кешің сенің?»
– Лариндарда. «Міне, қызық.

Помилуй! И тебе не трудно
Там каждый вечер убивать?»
– Нимало. «Не могу понять».

Жаным-ау! Бос кешті өткізіп
Жүру саған жүк емес пе?
–Һеш! «Осының кірмейді ішке»

Добиться такой точности в воспроизведении лексического материала, да еще все это зарифмовать, выстроить соответственно оригиналу, вплоть до восклицаний («Помилуй! – «Жаным-ау!»), до коротких фраз устной речи («Нимало» – «Һеш!») – конечно же, неизмеримо трудно. Но это и есть тот самый переводческий принцип, о котором говорил поэт в своем послесловии к казахскому «Е. О.»: не Пушкина приспособлять к уровню массового казахского читателя, а читателя дотягивать до пушкинского уровня.

И еще пример:

Итак, она звалась Татьяной,
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная, боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей
Дитя сама, в толпе детей

Сүйтіп аты Татьяна
Сіңлісіндей көркіменен
Не өңімен ажарлана
Тарта алмас ед көзді көрген.
Мұнайыңқты, үнсіз, тағы
Үркек бұлан ормандағы.
Өз туғаны арасында
Ұқсар жаттың баласына.
Әкесіне, шешесіне
Еркелеуді білмейтуғын,
Секіріп, ойнап жүрмейтуғын,

Играть и прыгать не хотела,
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

Көп баламен ол нәресте
Көбінесе ұзақ күнге
Телмірейтін терезеде.

Точность точностью (советую внимательно сравнить оригинал и перевод), но и по-казахски все звучит безупречно. А уж о полном соответствии версификационных форм и речи нет.

Еще один пример:

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своем родном.
Итак, писала по-французски. . .
Что делать! Повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Ол орысша білген жалаң
Жорналымызды оқымаған,
Ана тілге мүдіретін
Сөйлей алмай күрмелетін,
Жазатугын пранцузша. . .
Не қылмақпыз! Қайта айтамын
Күні бүгін ғашық ханым
Хатын жазбас еш орысша,
Күні бүгін өз тіліміз
Почта сөзге тым икімсіз.

В точности перевода читатель при желании может убедиться сам. Я же тут хочу обратить внимание на актуальность пушкинской строфы и ильясковского перевода в отношении к современным казахским татьянам (в переводе Есета: «тәгішам»), которые сплошь и рядом выражаются с трудом на языке своем родном. «Что де-

лать!» – восклицал еще тогда Пушкин. «Енді не болдык? Енді қайттық!» – вопрошал в свое время Абай. «Не кылмақпыз!» – вторил вслед за ними Джансугуров. «Иә, амал канша?!» – бормочу десятилетия спустя и я, с горечью вспоминая знакомых и незнакомых прелестниц-казашек, которые щебечут всюду исключительно по-русски, ибо «ана тілге мүдіретін, сөйлей алмай күрмелетін».

Примеров удачных и точных переводов можно привести множество (роман-то большой!), но надо ограничиться. Все же приведу еще один пример блестящей пейзажной картины.

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные дуга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синяя блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой,
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Жаздың лебі қарды ақтарып,
Тауларынан айналаның
Ылай сулар бұлақтанып
Сел астында қалды шабын.
Қайнап, күліп бар табиғат
Жыл таңына оянды ұйықтап,
Көк көгілдір қайнап нурда
Орман әлі мөлдір, сайда
Жамылғандай жасыл мамық
Алым жинап, шықты қырға
Омартадан ұшып ара.
Күрғады алқап, шұбарланып;
Шулайды мал, міне, бұлбұл
Мылқау түнде аңқытты жыр.

Прекрасно, сочно красочно переведено! Строка в строку, сохранены ритмомелодика, все детали и нюансы. Иногда даже более выигранно: в оригинале «пел соловей», в переводе «аңкытты жыр», т. е. «восторженно распространял, оглашал свою песню, благоухал песней».

Конечно, подобные удачи нередко перемежаются – опять-таки во имя максимальной точности – с явными неудачами, очевидными буквализмами, комичными кальками. Избегать их, понимаю, было сложно, а иногда и невозможно. Всего несколько примеров, дабы не утомить читателя:

Все белится Лукерья Львовна,
Все то же жлет Любовь Петровна.
Иван Петрович так же глуп.
Семен Петрович так же скуп.

Лбобна элі бетін бояйд
Петробна элі суайт.
И. Бетробіш элі есалаң
С. Бетробіш элі сараң.

Вроде бы и то, да не совсем. Исчез юмор оригинала. Вместо насмешки – корявая констатация. И стишки в переводе, скорее, смахивают на пародию. Точность обернулась противоположностью.

Или вот еще:

И стал теперь ее кумир
Или задумчивый вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный
Иль Вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.

Енді ол кызга болды Кумир
Я болмаса ойшаң Бампир,
Я Мельмот, мүң, тентіреткен,
Я мәңгі жид, әлде Корсар
Я болмаса сырлы Сбогар

Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

Байрон лайық серілігінен
Жазған шерлі романтизм,
Үміт үзген егамизім.

Вроде бы все озвучено точно, даже рифмы сохранены в первозданном виде – кумир – вампир, романтизм – эгоизм, Корсар – Сбогар, но ничего не понятно, какая-то абракадабра, ни смысла, ни поэзии. Здесь формальная точность явно не сработала. Точность привела к искажению, к бессмыслице, к казахскому койыртпақу. Тут надобен явно иной подход. Правда, как это можно подать достойно и понятно по-казахски – я не знаю.

Не мог он ямба от хорея
Как мы ни бились, отличить.

Ол Хорейден не қылса да
Ямбаны анық айырмаған.

Не знаю, в какой степени переводчик разбирался в ямбе и хорее, но не ясно, почему Хорей написан с заглавной буквы, а уж что казахский читатель из этих двух строк ничего не понял – совершенно очевидно. И вообще как тут быть, если хорей, ямб, амфибрахий и прочие размеры тонического стихосложения для казаха, воспитанного на силлабике, все это абсолютно чуждая материя?

Еще пример:

К Talon помчался: он уверен
Что там уж ждет его Каверин

Талонга шапты: бекем сенді
Тосып түр деп Каберинді.

Вошел: и пробка в потолок,
Вина комети брызнул ток;
Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет.
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный.
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

Келсе: тығын атқан аспан
Комети арақ төгіп шашқан,
Труппли, жас күн сәні,
Алда Роз-беп, қанды кебеп.
Штразбордан бітпес пирог,
Пранцуздың тағамдары,
Ананастар алтындайын,
Лимбор жанды құрты дайын.

Ну, внешне все благополучно: втиснуто в размер, зарифмовано, выдержана форма строфы, сохранены все слова и понятия, а в результате получился все тот же койыртпак, набор чужеземных слов, да еще чаще всего искаженных, изуродованных. Здесь едва ли не каждая строка нуждается в обстоятельных комментариях. И опять-таки упираешься в тупик: пока казахскому читателю объяснишь, о чем идет речь и в чем своеобразие и значимость названных французских и английских блюд, не снявшихся степнякам, поневоле получится не художественный перевод, а научный трактат – пресный и скучный. Трудно тут что-то посоветовать: есть ли вообще иной выход. И как надлежало в таких случаях поступать переводчику, исповедующему к тому же верность и точность оригиналу?

Еще несколько примеров для размышления:

В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.

Киімде болды педант
Біз ондайды деуші ек прант.

Переложено буквально, только какой смысл, если читатель не ведаёт ни педанта, ни франта?

Этими проблемами мучился, как мы знаем, и сам Пушкин, прибегавший то и дело к сугубо французским наименованиям.

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет.

Ал, панталон, прак, жилет,
Тіпті орыстың, тілінен шет.

Здесь у переводчика получился игривый, удачный обыгрыш. Вчитайтесь:

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.

Диана төсі, Плаора жағы
Достым, сұлу өтпес онан!
Ал Терпсихор аяғы
Әсемірек маған сонан.

Все верно, однако, представляю, как гадаёт-недоумевает неискушенный казахский читатель: кто такие Диана, Флора, Терпсихора и что уж за ножки такие прелестные у последней? (Здесь в скобках замечу: в нескольких строфах Пушкин с воодушевлением описывает ножки. Он, как известно, и рисовал их со вкусом. Для казахского переводчика это трудные места. «Ножка» становится просто «ногой», иногда женской, иногда девичьей. А если учесть, что в казахском языке нет родовой категории, то «аяк» – ноги звучат далеко не как ножка. Да и в казахской поэзии не принято особенно

выпячивать эту часть женской красоты). Здесь я обрываю цитату, ибо впереди еще будет повод для сравнительного чтения, а сейчас поговорим о том, как определил свою творческую задачу переводчик.

IX

Перевод «Е. О.» Ильяс Джансугуров снабдил пояснением слов и понятий из истории и мифологии, а также послесловием «От переводчика». Насколько мне известно, это послесловие, раскрывающее переводческое кредо Джансугурова, на русский язык никогда не переводилось. Между тем оно очень важно для нашей темы. И я посчитал нужным и его привести здесь в моем переводе (оригинал приводится в Пушкинском трехтомнике на казахском языке – т. 2, изд. 1937).

«Евгений Онегин» – самое крупное произведение Пушкина. Оно не только выдающееся творение, отражающее пушкинскую эпоху русской литературы, но и наиболее объемно раскрывающее поэтический гений автора. В этом романе нет и следа того байронического романтизма, сопровождавшего Пушкина с детства. Роман от начала до конца написан в подлинном реалистическом духе. Пушкин в этом романе ярко воспроизвел истинную жизнь дворянского общества своей эпохи. Каждое слово, каждая строфа, каждый образ наполнены точным смыслом реальной жизни и быта его времени. Поэт обдумывал, вынашивал и писал это произ-

ведение многие годы, работая над ним увлеченно и самозабвенно.

И именно потому, что роман реалистического образца создан с огромным мастерством, переводить его на другие языки исключительно сложно.

Совершенно непозволительно передать этот роман свободно и своевольно. Он требует от переводчика быть максимально приближенным оригиналу. Должно быть, по этой причине роман, хотя он и написан более ста лет тому назад, на другие языки переведен мало. Он почти не переведен и на европейские языки. Перевод на английский язык полностью осуществлен лишь в этом году. К переводу его на языки народов Советского Союза начинают приступать только сейчас. Это свидетельствует как раз о том, что переводить «Евгения Онегина» на другие языки очень не просто.

Помня об особенностях романа и всех его сложностях при воссоздании его на каком-либо языке, мы тем не менее дерзнули его озвучить по-казахски. При этом мы придерживались одной цели – следовать на сколько это возможно пушкинскому образцу, бережно сохранить, сберечь художественные манеры, образность, поэтические дух и узоры русского поэта.

Известные донныне отрывки из «Евгения Онегина» на казахском языке нельзя считать переводом Пушкина в подлинном смысле. В этих попытках мы находим лишь отдаленные мотивы Пушкина. Это самый простой и легкий путь. Мы старались его избегать.

Работая над переводом «Евгения Онегина», придерживаясь вышеназванного принципа, мы стремились сохранить не только образы, идею, дух Пушкина, реалии истории, быта, жизни, но и воссоздать стихотворный размер, строфу, словесный узор, ритм и рифмовку оригинала. Рисунок поэтической пушкинской речи, форму поэтических строк, художественное своеобразие мы старались, где это можно, приблизить к природе и достоинствам казахского языка. Мы учитывали и то, чтобы стихотворный размер не воспринимался чуждым казахскому слуху и избегали как искусственного «удлинения» пушкинских строк за счет добавления слов извне, так и «укорачивания» их. Мы остановились на том размере, который оказался наиболее близким оригиналу. Этот размер очень близок к той форме онегинской строфы, который выдержан в романе от начала до конца. Если учитывать силлабическую форму казахского стихосложения и тоническую природу русского стиха, то размер, избранный нами для перевода «Евгения Онегина», наиболее близко стоит к четырехстопному ямбу, которым он написан. Этот размер позволяет более точно воспроизводить ударные слоги, тонический размер, дыхание, ритм оригинала. В традиционном казахском стихосложении не бывает так, чтобы предложение заканчивалось в середине поэтической строки. И потому знакам препинания в самой строке особого внимания никогда не уделялось. В данном же случае все по-другому: нередко

предложение заканчивается, обрывается, переносится в самой строке. Следовательно, для правильного восприятия смысла, для его прочтения знакам препинания придается важная роль.

Короче, в своем переводе мы не втискивали Пушкина в издревле сложившиеся, простые, стандартные формы казахского стихосложения, а, наоборот, подтягивали казахский стих к пушкинским образцам. И пошли мы этим путем сознательно, зная, что он очень труден и ответственный. Мы понимали: таков единственный путь, позволяющий воспроизводить не только содержание его творения, но и форму, речестрой, прямой путь, привносящий новизну в литературу других народов.

Труд наш выполнен в некоторой спешке из-за того, что запоздало приступили к переводу большого творения великого поэта, каким является «Евгений Онегин». Спешка наша связана с приближением столетия со дня гибели Пушкина. Нам нужно было непременно отметить юбилей поэта изданием его «Евгения Онегина» на казахском языке. Поэтому в спешном издании могут быть досадные огрехи и упущения. Перевод нуждается в частом пересмотре, исправлении, улучшении. Этим переводчик обязан заниматься постоянно.

Ильяс Джансугуров

Х

«Е. О.» изобилует словами из античной мифологии, реалиями дворянского, помещичьего, простонародного быта, собственными именами современников автора, историческими, философскими понятиями, географическими названиями, иностранными словами, фразами, и все это, естественно, представляет огромную трудность передачи на другом языке, особенно на языке иной системы, иной структуры. Как одолел этот камень преткновения переводчик?

Какие переводческие решения он предпринимал в каждом конкретном случае?

Придемся слегка по тексту перевода.

Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита.

Сөкті Гомер, Феокритті
Оқыды Адам Смитті.

И земли отдавал в залог

Залогке ұдай жерін салған

В Молдавии, глуши степной,
Вдали Италии своей.

Молдавия түкпірінде
Италінің ең түбінде

Пока недремлющий берег

Сақ берегет сәтті ұрғанша

Озеров, Семенова, Корнель,
Шаховской, Федра

Озеріп, Семенба, Корнел,
Шағобский, Педра.

Защитник вольности и прав

Ерік, праба қорғаны ұлы

Куда, стремглав в ямской карете
Уж мой Онегин поскакал.

Ол ямский каретамен
Онегинім сонда кеткен.

Усеян **плошками** кругом

Бренчат **кавалергарда шпоры**

Скрыпок

Встает **купец**, идет **разносчик**,
На **биржу** тянется **извозчик**
С **кувшином охтенка** спешит
Под ней снег утренний хрустит.

Задержул траурной **тафтой**.

Как описал себя **Пиит**

Альбион, Италия, венецианка,
образ, муза, Лира, Союз, дерев-
ня, расход, барщина, горелки,
пенаты, лавры, Лето, няня,
облатка, сорочка, поднос, мак,
аллея, кофе, ванна, мазурка,
дуэль, дуэлист, алтарь,
эпикурейцы-мудрецы, улан,
доход, село, архив, Собрание,
вакханочка, и т.д.

Картежной шайки атаман

Глава повес, трибун трактирный.

Плошка-шам шашады нур.

Кабалерде шпор шынғыр

Скрипке

Тұрды көпес, жүр **разносчик**
Бержі жаққа тартты **извозчик**
Шөлмегімен **Охтенке** өтті
Ерте карды күртідетті.

Жапты азалы тапта менен.

Өзін жазған ұқсап **Пиитке**

Элбион, Итали, бенециа сұлуы,
образ, муза, ән, союз, деревнэ,
раскот, баршына, Гарелка,
пенат, лабр. Лето, нәне, облат-
ки, сорошке, поднос, мак, әлей,
копі, банна, мазурке, дүйел,
дүйелші, әлтар, епикорист-
данышпандар. улан, доход,
селен, арғып, собрания,
бахканокка т. т.

Карта шайкесі атаманы

Трактирдің, майталманы .

Заканчиваю выписывать. Таких примеров еще десятки, если не сотни. Тенденция ясна. Закономерность тут такая: переводчик, как правило прибегает к методу «idem

per idem», т. е. к «то через то». Иначе, не мудрствуя лукаво, пользуется русской лексикой в казахском тексте, зачастую в искаженном, переименованном на казахский фонетический лад виде. И нередко даже там, где в том нужды нет, где явно существует казахский адекват.

XI

Примерно так же обошелся переводчик и с иностранными словами и фразами, встречающимися в тексте «Е. О.» Он их, особенно не вникая в содержание, вплел точь-в-точь в казахский текст и по возможности или по наитию приблизительно зарифмовал их с казахскими словами. Примеров можно привести не на одну страницу, но я ограничусь всего несколькими моментами:

Судьба Евгения хранила,
Сперва Madame за ним ходила,
Потом Moncier ee сменил.

Moncieur J'Abbe, француз убогой
... Valle

Пред ним roast-beef окровавленный
Как Child Harold, угрюмый, томный
И for niente мой закон.
Et cetera.

В знак дружбы верной внесены
Уменьшены, продолжены,

Евгенийді тағдыр какты
Басында оны Madam бакты.
Онан кейін Məşjo күтті

Məşjo Jabbe француз бейбак
Кат сонында кояр Vale. . . .

Алда Ros-ber, канды кебеп
Шильд-Гароллдай мұңа
Pog niente менің заңым.

Et ceterасын.
Достық белгісі өлен, жазған
Қысқартылған, ұзартылған

На первом листике встречашь
Qu eckrites-vous sur cestablettes.

И подпись: t. a. v. Anette

Sed alia Tempora!

Сей неприятный tete-a-tete

E sempre bene, господа.

Бірінші бетте болар былай:

Qu eckrites-vous sur ces tablettes.

Қол қойылған: t. a. v. Anette

Sed alia tempora!

Бұл сүйкімсіз tete-a-tete

E sempre bene, мырза.

Пожалуй, довольно. Принцип понятен: все английские, французские, латинские, итальянские слова и фразы в «Е.О.» чисто автоматически перешли в первоизданном виде в казахский перевод. Кто понял, тот понял. Кто не понял, пусть пеняет на себя или на Пушкина.

ХП

Встречаются ли в переводе «Е. О.» явные несуразности, досадные промахи, нелепости, откровенные ляпы? Конечно. По-другому и быть не могло. Слишком огромные и сложные задачи стояли перед переводчиком и слишком мало времени было в его распоряжении для реализации своего творческого потенциала. Уверен: имея достаточно времени и глубоко аргументированные филологические, исторические, философские, этнографические и прочие комментарии под рукой, такой переводчик-поэт, как Ильяс Джансугуров, мог бы, несомненно, избежать большинства погрешностей в столь объемном и сложном труде. Увы, этого не было дано.

Несколько примеров:

Он уважать себя заставил...

Өзін сонда сыйлаттырған.

Как известно, это идиоматическое выражение, означающее «он скончался», «он умер», «сыграл в ящик», «приказал долго жить», «ушел в мир иной», «отдал дуба», «преставился», «откинул копыта» и т. д. из этого синонимического ряда, которым поразительно богат русский язык. И в казахском языке сколько угодно подобных выражений, означающих это скорбное понятие. Переводчик посчитал нужным эту образную идиому перевести буквально, т. е. «он заставил себя уважать», и я не уверен, понял ли читатель исконный смысл этого выражения.

Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра.

Сплины ағылшынның,
Қысқасы: орыс Хандрасы.

Подчеркнутые слова перенесены в казахский перевод точь-в-точь, но они ни о чем не говорят. К тому же смущает, что хандра написана с заглавной буквы. Эта злополучная «хандра» встречается в тексте и в дальнейшем неоднократно.

Хандра ждала его на страже
Когда жестокая хандра

Хандра аңдып күзетті өзін
Куканын сұм хандраның,

Или:

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад.

Алды Онегин баяндама
Упрабитил жіберітті.

Вряд ли понятно казахскому читателю, о чем идет речь.

Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино.

Ол Пармазон; стакандап
Ішед жалғыз кызыл арақ.

И не понятно, и не точно, и неловко сказано. Что за Пармазон? Зачем «арақ», когда нужно «шарап»? Да и усеченная форма глагола («ішед») как бельмо в глазу.

Все да да нет, не скажет да-с   Дайым да, нет, да-с демейді
Иль нет-с. Таков был общий глас.   Я нет-с демейді, көп сүйдесті.

Имеем дело с буквальным перекладом, а смысл этих выражений переводчиком не уловлен, а, может, и не понят. Примерно то же получилось и со следующими строчками:

Сей Грандисон был славный франт,   Грандисоны аскан прант
Игрок и гвардии сержант.   Гвардиядағы сержант.

Или:

«Ах няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя».   «Нәне, нәне, күйдім мүлде
Сәулем нәне, құсым келді».

«Мне тошно» понято переводчиком, как «меня тошнит» в буквальном смысле.

И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеянье свою.

Ал Ленский боп жаңғалак,
Пешке менен ладио алад.

И непонятно, и топорно, и даже несуразно. Вся комическая ситуация в том, что рассеянный от влюбленности Ленский берет своей пешкой свою же ладью. В переводе этот нюанс исчез.

Онегин жил анахоретом

Анахрет боп тұрды Онегин

Решив, должно быть, что анахорет все равно непонятен казахскому читателю, переводчик ради размера и вовсе лишил его одного слога.

Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир.

Ай сен қандай алла Омир
Сен отыз жүз жылға кумир.

Что за «алла Омир»? И вообще о чем идет речь?

В дверях другой диктатор бальный
Стоял картинкою журнальной.

Есікте ауру бір диктатор
Жорналдағы суретше тур.

Здесь вообще получился казус. Переводчик «бальный» в спешке прочел как «больной» и перевел «ауру». И вышла нелепица: «В дверях стоял больной диктатор, стоял, как рисунок в журнале».

Все шлют Онегина к врачам,
То хором шлют его к водам.

Бәрі дәрігерді ынғайлайды,
Бәрі бірден суга айдайды.

«К водам» вовсе не означает, что Онегига все вдруг погнали «к воде» или «за водой». Буквальный перевод искажил смысл, впрочем, довольно. Подобных огрехов (или «блошек», как хотите) можно встретить в казахском переводе «Е. О.» немало.

XIII

Пока я писал эти строки, увидела свет новая книжка: «Ильяс Джансугуров в школе. Методическое пособие для учителя». Алматы, 2000. Составила книжку Рариса Малбагаровна Турдиева, преподаватель русского языка и литературы. Пособие издано при поддержке Фонда Ильяса Джансугурова. Книжка, несомненно, полезная и познавательная, включает в себе немало материалов о жизни и творчестве выдающегося казахского поэта. В пяти разделах книги читатель найдет много любопытного. Пособие создано с любовью. Досаду вызывает лишь ничтожный тираж (400 экз.) и множество опечаток, особенно в казахских словах. С интересом я прочел доклад Олжаса Сулейменова, произнесенный им на 80-летию поэта (В свое время, 26 лет тому назад, я прошел мимо этого доклада). Внимание мое привлекли следующие слова: «... но в клочковатой поэтической летописи того времени отчетливо читаются искренние, раскаленные докрасна строки Джансугурова. И было бы неппростительным высокомерием подвергать их сегодня объективному анализу, оценивать формальные достоин-

ства и указывать на недостатки. Их надо воспринимать как документальные источники, донесения с передовой линии идеологического фронта» (стр. 32).

Это сказано, надо понимать, о поэзии И. Джансугурова, не о его переводах. И, конечно, Олжас прав: с конкретными историческими обстоятельствами и временем надо считаться. Но надо иметь в виду и то, что истинный талант никогда не в прошлом, и лучшие произведения Ильяса Джансугурова отнюдь не рядовой факт истории. И о них надобно говорить все же объективно, но, разумеется, без высокомерия. Именно так я и стараюсь анализировать его переводы, ибо они, переводы, заслуживают того и почти семь десятилетий спустя. Ильяс Джансугуров менее всего виноват, что о его переводческом искусстве говорят так запоздало. В спешке пушкинского юбилея разбираться обстоятельно в том было недосуг. Потом два десятилетия и имя, и творчество расстрелянного поэта было под табу. Потом разговор о переводах его казался уже неактуальным. Литературоведы охотнее говорили о переводах самого его творчества на русский язык. Между тем, по нашему убеждению, переводческий опыт Джансугурова нуждается в дотошном, всестороннем анализе. И если исследователь имярек указывает с колокольни нынешнего времени на те или иные огрехи, а то и ляпсусы, допущенные Джансугуровым при переводе, то это вовсе не умаляет духа-аруха так рано загубленного поэта и никак не говорит о высокомерии исследователя, а всего-навсего свиде-

тельствует о стремлении к истине. Именно такой установкой руководствуюсь и я, и именно на эту волну неоднократно настраивала меня и дочь поэта – Ильфа Ильясовна, уберегая меня от пустозвонных панегирик, к которым иные питают болезненное пристрастие. В этом я и вижу смысл моих критических заметок и основной пафос всех моих этюдов на данную тему.

XIV

Считаю нужным привести здесь еще несколько примеров, которые, по-казахски говоря, «көңілімнен шықты», т. е. показались мне достойными внимания.

Вздыхать и думать про себя: Ішті тартқан, іштен айтқан:
«Когда же черт возьмет тебя».   «Сені қашан алар сайтан!»

Уж темно: в санки он садится,   Болды кеш: ол шанасында
«Пади! Пади!» - раздался крик,   «Әйда! Әйда!» - деген дауыс.
Морозной пылью серебрится   Құндыздатқан жағасына
Его брововый воротник.   Аяз шаңы қапты күміс.

По-моему, последние две строчки весьма удачны. «Аяз шаңы», кажется, свежее для казахского речестроя словосочетание.

И молвил: «Всех пора на смену;   Деді: «Мунын, бөрі тозды;
Балеты долго я терпел,   Балет мені ығыр қылды
Но и Дидло мне надоел».   Дидло мені жалықтырды».

Может, рифма не очень убедительна, зато «ығыр қылды» – точно и выразительно.

О вы, почтенные супруги!

Ой-хой, сіздер, құрметті жар!

Теснило ей младую грудь,
Душа ждала... кого-нибудь.

Жас көкірегін қасып жүрді
Күтті жаны... әлде кімді.

Смеркалось; на столе блистая,
Шипел вечерний самовар.

Ымырт болды: самаурын да
Столдағы божыл қакты.

Поклонник славы и свободы
В волненье бурных дум своих.

Еркіндік, даңқ сүйетін ер
Өз ойының толқынында.

С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк.

Шықты жолға қасқыр арлан
Аш қаншығын қасына ертіп.

Трешит лучинка перед ней.

Шырт-шырт шырақ шам
жанысы.

Но жалок тот, кто все
предвидит

Ал, сорлы сол, кім
болжаса,

Чья не кружится голова.
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит.

Айналмаса басы кімнің,
Бар қозғалыс, барлық сөздің
Кім мазмұнын жақтырмаса.

Люблю я дружеские враки
Паркет трещал под каблуком

Суайт сөзді досты сүйем.
Паркет сырт-сырт өкшелерден

Так он писал темно и вяло
Все пистолеты уж блеснули
А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.

О юность легкая моя.

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Жазды осылай бұлдыр, сылбыр
Пистолеттер етті жарқ-жүрк
Бәлкім, тіпті, сол: ақынды
Тосқан шығар жай бір жазмыш.

Уа дариға, жел жастығым.

Кеш. Көк күңгірт. Сулар баяу
Ақты. Қоңыз күжіл қақты.

Ақылы мен ызасы көп,
Салдыры бар, салмағы жоқ.

Если вникнуть в переводы приведенных выше строк и фраз, приглядеться к подчеркнутым словам, можно убедиться в переводческих находках и удачах. Они говорят о потенциальных возможностях поэта и об упущенных шансах из-за спешки и скованности избранных поэтических рамок. Исключительно строго следуя букве оригинала, переводчик очень часто вставал на горло собственной песни. Существует древний парадоксальный закон художественного перевода: чтобы быть ближе к оригиналу, нередко приходится уходить от него подальше. Похоже, Ильяс Джансугуров о том не знал, или, скорее, ради каких-то творческих принципов пренебрег им. При переводе «Гавриилиады» он чувствовал себя свободней, раскованней и именно потому эта поэма Пушкина прозвучала по-казахски значительно поэтичней и убедительней.

XV

Пожалуй, есть смысл немного поговорить о рифмах при переводе «Е. О.» Природа рифм, их качество и содержание в русском и казахском языках совершенно различные. Это и понятно: разность рифм предопределена силлабической и тонической структурами стихосложения. Русская рифма в один ударный слог для казаха звучит скудно, бедно, малокровно. Казах любит рифму звучную, полнокровную, где созвучны не один слог, а минимум два, а лучше – три, четыре и более слогов. Как у Абая: «ән бе екен» – «сән бе екен». Как у Маяковского: «носки подарены» – «наскипидаренный». Как в известном трехстишии, пришедшем мне сейчас на память из учебника по языкознанию: «Не вы, но Сима, страдала невыносимо, рекой Невы носима». Вот подобная составная рифма звучит совершенно по-казахски. Вот такую игру слов, где слоги в строчках перекликаются, как бубенцы, казах обожает. Они цементируют и украшают речь. И Создатель щедро одарил казахский язык рифмами. Это поистине поэтический язык. Русский язык на рифмы значительно бедней, о чем говорил еще Пушкин, высмеивая набившую оскомину рифмы типа: «любовь-кровь», «младость-радость» или, добавлю я, немецких: «Herz-Schmerz», «nur-Natur», «Sonne-Wonne». Казахская поэзия по части рифм – счастливица.

И. Джансугуров – мастер полнозвучной рифмы. Читая его знаменитые поэмы, написанные традиционным

казахским одиннадцатисложником, только диву даешься, как легко находил он трех-четырёхслоговые созвучные слова, придающие его строфам особую прелесть и гармонию. Чувствуется, что он вскормлен, вспоен казахским вековым фольклором, насыщен дастанным духом, поэтикой номадов, и находить рифму в сингармонической стихии казахского стихосложения ему не представляло никакого труда. Он мыслил стихами, рифмы водопадом исторгались из него, и ему – так кажется – приходилось даже обуздывать себя, чтобы не впасть в шешенский (ораторский-златоустский) грех, зуд или раж, когда у шешенов рифмуются едва ли не каждое слово, каждая фраза, что и составляет одно из главных достоинств их речестроя.

Какие рифмы, какую игру слов и созвучий мы встретим в поэме «Күйші»:

- жүгірмейді – күй білмейді – мәуілдейді.
- дүрілдетіп – дірілдетіп – жүр-жүрлетіп.
- бипылдады – құйтыңдады – сылқылдады.
- сарқ-бүрк етті – жарқ-жүрк етті – сарт-сұрт етті.
- былқылдады – ыңқылдады – сылқылдады.
- сабаулатты – омыраулатты – күй заулатты и т. д.,

т. е. сплошь и рядом рифмуются по четыре слога. И это вообще характерно казахской поэзии. Можно найти примеры, где рифмуются по пять-шесть слогов, а то и все строчки.

Подобное поэтическое качество И. Джансугурова проявлялось большей частью и в его переводческой дея-

тельности. И только при переводе «Е. О.», стараясь максимально точно воспроизводить рисунок и форму «онегинской» строфы, он как бы приглушал свою звучную лиру (или домбру), нередко прибегая к односложным, а то и вовсе приблизительным, отдаленно созвучным рифмам.

Проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах.

- Как быть? Татьяна не дитя -
Старуха молвила кряхтя.

Кайтейік? Жас емес Тане -
Осылай деп отыр әже.

Господний раб и бригадир
Под камнем сим вкушает мир.

Тәңрі құлы, бірігадір
Тас астында тыңшы жатыр.

Скорей! пошел, пошел,
Андрюша!

Андрюшке! Жылдам жүр, жүр

Какие глупые места!

Мынау қандай қағынған жер!

Довольно скучная пора;
Стоят ноябрь уж у двора.

Көңілсіз шақ адамға ауыр
Тысқа келіп тұр ноябір.

Все в изумленье. Ленский сам
Не верит собственным глазам.

Барлығы тан. Түр Ленский
Өз көзіне өзі сенбей.

Обратите внимание: Ленский в русском произношении никак не рифмуется с «сенбей», следовательно, чтобы была какая-никакая рифма, надо произносить эту фамилию на казахский лад: «Ленскéй». Именно в такой форме она и звучит в казахском «Е. О.». Сравните:

Принцип быть предельно близким к форме оригинала сдерживала поэтическую фантазию переводчика и в подборе рифм. Внешняя точность, как мы убеждаемся, не предопределяет точность внутреннюю.

Прочел он Гиббона, Руссо,	Шықты оқылып Гиббон, Руссо,
Прочел скептического Беля,	Оқып шықты ол Беляны.
Прочел творенья Фонтенеля	Оқып шықты Понтенелі
Прочел из наших кой-кого	Оқып шықты біздерден де
Не отвергая ничего.	Өтірік демей неш бірінде.

Все переведено аккуратно, верно за исключением, может быть, не совсем понятого "Беля". И все имена на месте, и многократное повторение глагола присутствует, и ритм сохранен, и форма рифмовки соблюдена. Все точно, а звучит по-казахски напряженно, натужно.

XVI

Еще раз возвратимся к теме точности в художественном переводе. И опять обратимся к М. О. Ауэзову.

Многие свои основополагающие творческие принципы перевода Мухтар Ауэзов изложил более систематически в 50-х годах в разных статьях, выступлениях, докладах. Это свидетельствует о том, что вопросы художественного перевода во всех аспектах серьезно волновали М. Ауэзова всю жизнь (сам ведь был опытный переводчик), и некоторые свои теоретические (иногда

сугубо субъективные) положения, установки он стремился осуществлять на практике. Случалось, сознательно шел на эксперимент, подавляя при этом свою природную языковую стихию, ущемляя индивидуальный дар и потенцию. Опыт перевода «Дворянского гнезда» И. Тургенева является наглядным примером поиска максимального адекватата или точности при переводе. В свои студенческие годы мне приходилось слышать из уст Мухтара Омархановича его суждения по этому поводу. Он был увлечен тогда своими переводческими принципами в преломлении на конкретное творение. Он стремился тогда не только к смысловой точности передачи оригинала на казахский язык, но и соблюдения его формальных признаков – интонации, количества слов, размера, всех внешних атрибутов вплоть до знаков препинания, т. е. до пунктуации. Подобная едва ли не ксерокопическая точность приводила к неизбежным потерям, к насилью над родным речестроем, к искусственной подгонке к оригиналу. Но для Ауэзова это был важный этап в его творческих поисках, очень значительный художественный эксперимент. Вот что он писал об этом (перевожу на русский язык по книге А. Сатыбалдиева «Рухани казына»): «По мере своих сил я прежде всего стремился перевести роман точно. Лишь точный перевод позволяет передать особенности языка, стиля, строя предложений большого художника. Под точным переводом я здесь подразумеваю перевод предложения за предложением. Поэтому, каким бы длинным не было предложение в оригинале, я его передаю не дробя, не расчлняя на не-

сколько предложений. В связи с этим чаще всего сохраняются и знаки препинания, встречающиеся в русском тексте. Таким образом, фразы Тургенева воссоздаются в казахском языке в том же коротком или длинном объеме.

Этот принцип М. Ауэзова имел своих приверженцев и одно время внедрялся в практику перевода и редакторов переводных произведений довольно активно. Еще в 60-е годы, заглядывая нередко к редакторам издательства «Жазушы», я видел, как наиболее прилежные из них, сравнивая казахский перевод с русским оригиналом, в буквальном смысле подсчитывали и сверяли количество слов в каждом предложении. Я в своей переводческой практике с казахского и немецкого языков на русский никогда не прибегал к подобной формальной точности и принципиально считаю этот принцип неверным, ибо он приводит неминуемо к невольным искажениям, обеднению, скованностям, к уродству. Но что было, то было. В любом деле не исключается метод проб и ошибок.

Думаю, идеи этого принципа хоть и изложены М. Ауэзовым в 50-х годах, но сложились они наверняка значительно раньше, еще в 30-е годы. И, полагаю, этим принципом Мухтар Омарханович делился еще со своим другом и коллегой Ильясом Джансугуровым. И тот, хотя и руководствовался не столько учеными теориями и выкладками, а творил больше по наитию, полагаясь на свой талант, чутье, врожденный вкус и такт, довольно успешно решил на практике многие творческие задачи. Но к формальной «точности» и он нередко

себя приговаривал и заставлял себя порой (особенно это сказало при переводе «Е. О.») следовать букве. Тому примеров мы находим у Ильяса Джансугурова множество, в том числе и в казахском «Е. О.», в чем мы уже успели убедиться.

XVII

Первым, кто печатно откликнулся на перевод «Е. О.», был опять-таки Мухтар Омарханович Ауэзов. В январе 1937 г. в «Социалды Қазақстан» он опубликовал статью «О казахском переводе «Евгения Онегина». На русском языке, кажется, этой статьи не существует, а казахский оригинал вошел в 17-й том 20-томного собрания сочинений казахского классика («Жазушы», 1985, стр. 58–67). Что посчитал необходимым отметить в той статье М. Ауэзов?

М. Ауэзов писал в той статье о трудности перевода вообще, о недостаточном владении языком оригинала и о том, что подстрочник – истинное горе для золотого подлинника. Он не в состоянии передать все его нюансы, тонкости, своеобразие, ритм, строй мыслей и чувств, внутреннюю логику, подтекст. Отсюда самоуверенность иных горе-переводчиков, убежденных, что они в состоянии сотворить любого национального поэта. М. Ауэзов отмечает, что те казахские поэты, которые в настоящее время переводят Пушкина, имеют одно бесспорное преимущество: они не нуждаются в плохом посреднике – подстрочнике.

Переводы Пушкина на казахский язык свидетельствуют об уровне таланта казахских поэтов и вообще о художественном уровне всей казахской литературы. В количественном отношении дела обстоят совсем не плохо. В предъюбилейную пору выходят на казахском языке почти все крупные произведения Пушкина, включая и его роман «Евгений Онегин». Если же говорить о качестве перевода, то тут далеко не все благополучно. Имеются все признаки спешки, желания идти наилегким путем («поверх тяжелого, под низ легкого»), ссылаясь на разные причины. Наблюдается увлечение отсебятиной, добавлением отдельных слов, а то и целых фраз и предложений, в результате чего появляются легковесные, приблизительные, худосочные, бледные строки, не имеющие никакого отношения к оригиналу.

К счастью, не все переводы такие. Если взять перевод «Евгения Онегина», исполненный Ильясом, то мы видим большое прилежание, старание, участливость, заинтересованность исследователя-поэта. Шесть месяцев Ильяс увлеченно читал оригинал, изучал комментарии, переводил роман. Я свидетель этой его самозабвенной работы, и могу сказать, что в романе нет ни одного слова, которого он бы не понял.

Он не только уяснил для себя смысл и значение каждого слова, каждого имени, он первоначально испробовал для перевода несколько образцов. И таким образом нащупал, нашел единственно верную форму, способную передать содержание, стиль, размер, рифмовку подлин-

ника. Он выбрал четырнадцатистрочную строфу, как в оригинале. Конечно, он мог бы остановить свой выбор на привычной казахам одиннадцатисложной строфе из четырех строк. Но это значило бы обрядить пушкинскую поэзию в казахский полушубок и поярковый малахай. Выбор переводчика – новаторский метод, родившийся в результате упорных поисков и решительных действий. Мы не должны приспособливать Пушкина к казахским меркам, а, наоборот, поднять уровень читателя, предоставив ему достойный пушкинского наследия полноценный художественный перевод. Именно так переводят великого русского поэта развитые в культурном отношении национальные литературы грузин, армян, украинцев.

Похоже, общественность с вниманием восприняла перевод «Евгения Онегина». Правда, высказывалось кое-кем мнение, что, мол, подобные размер, строфика, форма рифмовки доселе не встречались казахскому читателю, а потому перевод воспринимается чуждо, пожалуй, не стоило так удаляться от привычных канонов казахского стихосложения. Так говорят, исходя главным образом из опубликованной пока первой главы романа. Действительно, в этой главе слишком много слов, нуждающихся в пояснении. Без комментария первую главу, в самом деле, понять невозможно. Нужен научный подход. Необходимо первым делом уяснить для себя ту, пушкинскую, эпоху, взгляды русского поэта на литературу, театр, драматургию, балет того времени, мно-

гочисленные намеки, усмешки, критические высказывания, отношение к тем или иным мировым, культурным, литературным событиям. Не поняв содержания первой главы, невозможно оценить все достоинства оригинала и перевода.

Ильяс поставил перед собой большую и верную задачу: представить казахскому читателю подлинного Пушкина, переводить Пушкина на уровне Пушкина. И свою задачу он стремился выполнить честно и тем самым внес заметный вклад в историческом и культурном смысле.

В общем положительно отзываясь о переводе романа, оценивая несомненные удачи переводчика, приводя конкретные примеры, отмечая краткость и энергичность строфики, включающей в себя столько смысла, объема содержания, М. Ауэзов выделяет два серьезных момента, вызывающих сомнения и опасения. Первый – изредка встречающиеся не очень точные рифмы. Второй – пушкинский словарь. В казахском переводе пушкинский словарь как бы размыт, переводчик сбивается на современный казахский литературный язык. Иногда Ильяс нарочито избегает старинных казахских книжных слов, арабских и персидских выражений, привычных казахскому слуху. И зря это делает. К книжным, религиозным словам типа «ляззат», «шафқат», «риззат» казахский читатель давно привык. И именно слова из этого ряда наиболее соответствуют пушкинскому словарю. Скажем,

пушкинское выражение «коварный искуситель» можно перевести современным: «Сайтанбысың?», но это будет и слабо, и невыразительно. Значительно точнее и выразительнее будут в данном случае ныне редко употребляемые слова «эзезіл» или «ібіліс».

Однако, М. Ауэзов предостерегает переводчиков от излишнего пристрастия к архаизмам или заемным словам, ссылаясь на неудачный опыт одного узбекского переводчика, который, переводя «Гамлета» на узбекский язык, перенасытил Шекспира арабизмами.

М. Ауэзов подчеркивает: для перевода Пушкина Ильяс выбрал единственно верный путь. А читателям он советует пристраститься к серьезному, вдумчивому чтению, ибо такие сложные и крупные произведения мировой литературы, как «Гамлет», «Фауст», «Евгений Онегин», нельзя читать легко, поверхностно, как заурядный развлекательный роман или богатырское сказание. Чтобы правильно понять и воспринять «Евгения Онегина», необходимо читателя обеспечить подробными комментариями, толкованием слов, словарями, проводить беседы, читать популярные лекции, а, возможно, для массового читателя издать сокращенный, адаптированный вариант «Евгения Онегина».

Такие вот суждения высказал Мухтар Ауэзов о переводе «Евгения Онегина» еще в 1937 году, за несколько месяцев до ареста его переводчика, обреченного после того на двадцатилетнее безмолвие.

XVIII

Поразительно: к «Евгению Онегину» казахская литература пристально присматривается давно. Это отражено во втором томе трехтомного юбилейного издания Пушкина в 1937 году. Помимо перевода Ильяса Джансугурова, в тот же том включены и другие переводы «Е. О.», а именно:

– отрывки из «Е. О.» в переводе Абая: «Онегинің сипаты», «Татьянаның Онегинге хаты», «Онегиннің Татьянаға жауабы», «Онегин сөзі», «Онегиннің Татьянаға жазған хаты», «Татьяна сөзі», «Ленский сөзінен», «Онегиннің елердегі сөзі»;

– отрывки из «Е. О.» в переводе неизвестного автора, записанные из уст колхозника Шарипова;

– отрывки из «Е. О.» в переводе неизвестного автора, записанные из уст колхозника Турабаева;

– отрывок из «Е. О.» («Татьяна») в переводе неизвестного автора, записанный из уст рабочего совхоза С. Алимбетова.

Все эти отрывки (за исключением абаевских текстов) художественной ценности и эстетических достоинств, на мой взгляд, не представляют. Это всего-навсего вольный, беглый пересказ отдельных мотивов романа в форме традиционного казахского одиннадцатисложника. Но сам факт такого внимания к самому крупному произведению Пушкина, конечно, примечателен и может вызвать интерес у литературоведов.

Кажется, самое время сделать небольшое отступление.

Менее всего я хотел бы, чтобы у читателя моих заметок сложилось впечатление, будто я несколько поверхностно или даже пренебрежительно отношусь к переводу «Евгения Онегина», осуществленному вершинным казахским поэтом Абаем.

Это ни в коем случае не так.

С переводами Абая из «Евгения Онегина» я, как и все мои сверстники, знаком едва ли не со школьной скамьи. Мы, учащиеся казахских школ, эти переводы знали наизусть и даже пели. Они глубоко вошли в наше сознание.

Известно, что переводы бывают разными: точный, адекватный, прилежный, старательный, живой, мертвый, банальный, творческий, ученический, подлинный, вольный, свободный, в стиле назирь, пересказа, переклада, приблизительный, рабский, вдохновенный, состязательный, объективный, субъективный, отрывочный, избирательный и т. д. – какой хотите.

Ни один из этих видов не подходит для полной характеристики перевода Абая. Многие крупные исследователи (М. Ауэзов, З. Ахметов, Н. Габдуллин, М. Каратаев, Г. Мусрепов, М. Базарбаев, Ш. Елеукунов) – кто мимоходом, вскользь, кто основательно, дотошно – затрагивают эту тему, но ни один из них так и не решился

с абсолютной категоричностью отнести переводческий опыт Абая к конкретному типу перевода.

Это и невозможно.

Легче всего отнести перевод Абая из «Евгения Онегина» к вольному, свободному, избирательному, к назире, но в любом случае это будет односторонней трактовкой.

Тому, что сделал Абай при переводе избранных мест из «Е. О.», я не знаю аналога в мировой литературе. В восьми отрывках из «Е. О.», выполненных Абаем в 1887–1889 годах (я сосчитал: всего 376 строк), изложены квинтэссенция пушкинского романа. его сущностная любовная линия в приспособлении. адаптации к казахской ментальности, к миропониманию и духоустройству казахского слушателя того времени, в извлечениях и трактовке основной канвы повествования. философии, образов и поступков героев романа с учетом духовного заряда и общественных запросов, требований той эпохи, той казахской среды, в которых бытовал и творил великий одиночка Абай.

Видите, сколько слов я нагромождаю, стараясь точнее выразить то, что сделал Абай с «Евгением Онегиным».

Он сделал то, что не делал никто. что было не под силу никому. И потому метод перевода. примененный Абаем в отношении к «Е. О.». не может быть примером, образцом для прямого подражания при переводе оригинала на какой-либо язык.

Для этого надо быть Абаем, что – увы и к счастью – невозможно.

Восемь отрывков перевода Абая из «Е. О.» – это своеобразный, неповторимый («Einmalig» – говорят в таком случае немцы) философский, мировоззренческий, сознательный, высокохудожественный, тщательно продуманный и осмысленный ДАЙДЖЕСТ, исполненный пером гения.

Когда я уже закончил свои «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова», мне попало на глаза блистательное, обстоятельное исследование профессора Шериаздана Елеукунова «Эпистолярный роман Пушкина и Абая» на казахском языке в книге его «Сұлулыққа інкөрлік» («Жажданье красоты») – А., «Білім», «Жеті жарғы», 1999, стр. 228–256. В этом исследовании тщательно и убедительно рассмотрены все аспекты абаевских переводов из «Е. О.», и анализ Ш. Елеукунова изобилует множеством верных и нестандартных, свежих наблюдений и заключений. И я посчитал нужным о том сказать, несмотря на то, что мой объект в данном случае – исключительно перевод «Е. О.» на казахский язык, осуществленный конкретно Ильясом Джансугуровым.

XX

Профессор-литературовед Хажым Жумалиев – крупнейший знаток и исследователь творчества Ильяса Джансугурова. Он, как я его знал со студенческих времен, отличался независимым, взрывным характером, глубокими познаниями и большой объективностью в суждениях, что и выделяло в нем подлинного ученого.

Вот его точка зрения на перевод «Е. О.», осуществленный И. Джансугуровым (привожу его послесловие-комментарий в моем переводе на русский язык):

«В числе поэм, включенных в данный том, стоит особняком и, возможно, вызовет споры перевод «Евгения Онегина». Ибо он являет собой новую форму перевода, достигнутого в результате целенаправленных поисков, огромного труда, стремления по возможности точно воспроизводить размер, ритм, рифмовку строф оригинала, желания посылно приблизиться к тоническому стихосложению в качестве творческого эксперимента.

В стремлении достижения гармонии между двумя далекими друг от друга системами стихосложения переводчик принял и трудное, и ответственное решение. У каждого нового пути, известно, много ухабов и колдобин.

... На наш взгляд, есть две причины для включения перевода «Евгения Онегина» в данный том. Первая – несомненное языковое богатство перевода. В целях передачи богатства и красок словаря великого русского поэта, точного воспроизведения всех оттенков его слов переводчик сумел из сокровищницы казахского народного языка извлечь и, очистив, уместно использовать немало драгоценностей, покрытых из-за неупотребления ржой. Эта сторона перевода особенно учитывалась нами, составителями.

Вторая причина: вполне возможно, что непривычное звучание перевода для нынешнего слуха читателей –

временное явление. При вдумчивом чтении, со временем это ощущение может устареть, развеяться и подобное точное воспроизведение оригинала может восприниматься нормой. Конечно, в этом переводе встречаются огрехи, возникшие из-за недостаточного понимания внутреннего смысла оригинала. Но учитывая, что данный перевод – первый опыт в казахском языке, он должен стать предметом обсуждения наших читателей и критиков, что вполне уместно».

Что подобное суждение имеет серьезное основание, я, полагаю, доказал в этом этюде на конкретных примерах.

О переводе «Е. О.» на казахский язык высоко отозвались также К. Бекхожин, С. Сеитов, М. Дуйсенов, Е. Лизунова, А. Алимжанов и др.

XXI

Сказанное выше позволяет, думаю, сделать кое-какие выводы. Любая тема, любой предмет, к которому прикасался Ильяс Джансугуров, становились поэзией. Таковы сила воздействия его поэтического духа и обаяние природного дара. Он чувствовал и осознавал вечное обновление мира, красоту и благородство. Он творил красоту. Он верил, что мы – солнечные. Писал: «Мы из солнечных недр родились». Эту сторону его редчайшего творческого и человеческого таланта отмечали все его современники-коллеги. О том говорили и поздние

исследователи его жизни и творчества. А вот о переводческой деятельности все же сказано, на мой взгляд, непростительно мало. Я в том убедился, просмотрев картотеку библиотеки Академии наук. Много написано о поэте Ильясе Джансугурове, а о переводах его сказано все как-то вскользь, в общих очертаниях, в форме хвалебной констатации. И я льщу себя надеждой, что своими скромными этюдами мне удалось хоть в малой мере восполнить этот досадный пробел.

Ильфа Ильясовна Джандосова-Джансугурова пишет: «Много сил, таланта, вдохновенного труда отдал Джансугуров переводческому делу». И далее она приводит перечень славных имен мировой и национальных литератур, чьи произведения перевел ее отец. «Перечень этот свидетельствует о широте восприятия мира поэта», – резонно констатирует Ильфа Ильясовна (См. «Ильяс Джансугуров в школе», стр. 44).

Несколько строк Ильфа Ильясовна посвятила специально переводу «Евгения Онегина»: «Как известно, Абай в свое время сделал вольный перевод отдельных отрывков этого романа в стихах. Классическая онегинская строфа в казахском языке при стихосложении не употреблялась. В казахском языке не существовало множества слов и понятий русского источника.

Никто из казахов не решался взяться за перевод. И тогда Джансугуров в крайне сжатые сроки осуществил перевод, не отступая от поставленной труднейшей задачи: в переводе сохранена мелодическая и ритмичес-

кая точность» (стр. 45) Говоря о переводе «Евгения Онегина», Ильфа Ильясовна употребила выражение «переводческий подвиг Ильяса».

Это абсолютно верно и справедливо: именно – подвиг.

Но жизнь не стоит на месте. А всякий перевод имеет свойство со временем устаревать. Время выпятило достоинства перевода «Евгения Онегина», осуществленного шестьдесят четыре года назад Ильясом Джансугуровым. Время обнажило и все его огрехи и недостатки, о которых во имя истины я посчитал нужным сказать на конкретных примерах. Конечно, я затронул не все аспекты перевода: следовало, быть может, сказать еще подробней о переводе пейзажа (здесь у Ильяса почти всегда удачи), разговорной речи, диалогов, юмора и сатирических намеков, исторических реалий, специально сказать о двух вариантах перевода письма Татьяны, о многом-многом другом, о чем я в своих заметках и наблюдениях высказался явно недостаточно или поверхностно. Перевод «Евгения Онегина» . выполненный И. Джансугуровым, достоин основательного, по всем косточкам, анализа. Это предмет научного исследования.

В который раз хочу подчеркнуть беспредельно богатую языковую палитру Ильяса Джансугурова. Он, как могучее дерево в степи, вырос на благодатной почве казахской фольклорной сказовой стихии и впитал все соки, краски, оттенки, мотивы, грани неиссякаемого родника народного речестроя. Он имел право сказать о себе:

Я с детства прикинул к словесным родникам,
Стараясь видеть дно, где самоцветов грани.
Вникал я в тайны слов и отдал дань строкам,
И слушал старины легенды и преданья.

(Перевод К.Алтайского)

Всю жизнь читаю казахских прозаиков и поэтов в оригинале, думаю, смею судить об их языке, и из тех, кого я читал, меня очаровывали первозданностью и чистотой высокого казахского слога Мухтар Ауэзов, Жусупбек Аймаутов и Ильяс Джансугуров. Абай, разумеется, – особая планета.

Хочу закончить свой этюд двумя цитатами, лапидарно и точно выразившими то, о чем я говорил выше так многословно.

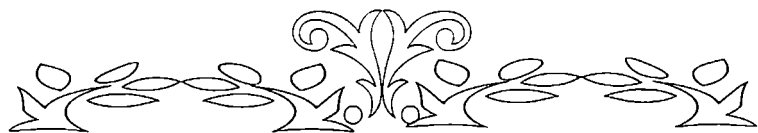
«Когда мы говорим о поэзии, имя Ильяса должно стоять первым после Абая».

Это сказал Мухтар Ауэзов.

«И если вершиной казахской прозы XX столетия мы называем творчество Мухтара Ауэзова, то Ауэзовым в поэзии мы можем назвать Ильяса Джансугурова».

Эти слова принадлежат Ануару Алимжанову.

Октябрь 2000 г.

ЛИРИКА ПУШКИНА

в переводе Ильяса Джансугурова

(Заметки на полях)

В 1937-м году огромная многонациональная страна Советов шумно и торжественно отмечала грандиозный юбилей – столетие со дня гибели великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Сбылось предсказание Поэта: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык». Юбилей, как мы знаем, был исключительно политизирован и идеологизирован. Но не о том сейчас речь. А о том, что внимание к нему проявилось повсеместно. Пушкина стали усердно переводить на всевозможные языки. Естественно, и Казахстан не остался в стороне. Была срочно создана правительственная комиссия, разработаны мероприятия, спланированы издательские планы. Кампания приняла подлинно большевистский размах. Время, правда, было тревожное, кровавое. Репрессии бушевали по всей стране. Именитые деятели литературы и искусства, причастные к юбилею великого поэта и задействованные в мероприятиях памятной даты, исчезали

один за другим, став в одночасье «врагами народа». И хотя, как сказал Поэт, «гений и злодейство – две вещи несовместные», в тот год они фантастически и трагически шли рядом, рука об руку, причудливо сочетая в одном явлении величие и подлость.

Именно в том году Пушкин прозвучал по-казахски так объемно и широко. Именно в это бурное и сумбурное время – в 1936-1937 годах увидело в Казахстане свет трехтомное собрание избранных произведений Пушкина еще на латинице. Три тома произведений на казахском языке почти семьдесят лет тому назад – что ни говорите – явление неординарное, грандиозное! Я о том был слышан, я о том знал давно, но только летом 2000 года, специально выбравшись в библиотеку Национальной Академии наук, я испытал редкое волнение, подержав в руках хорошо сохранившиеся три плотных томика в серой обложке, изданных – сразу видно – опрятно, прилежно, с любовью. Я бережно пролистал все три тома, сделал для себя выписки. Несколько непривычно звучали и знакомые фамилии в транскрипции того времени: Т. Жарокып, С. Талжанып, Т. Жансүгіріп, С. Сейпуллин, В. Бересайып (Вересаев).

Первый том, в который вошли поэмы Пушкина – «Руслан и Людмила» (перевод А. Тажибаева), «Кавказский пленник» (перевод Т. Жарокова), «Гавриилиада» (перевод И. Джансугурова), «Братья-разбойники» (перевод Т. Жарокова), «Бахчисарайский фонтан» (перевод К. Тогызакова), «Цыганы», «Граф Нулин», «Домик в Коломне» (все в переводе Т. Жарокова), «Медный всадник»

(перевод М. Даулетбаева) – увидел свет еще в 1936 году и ни одна «крамольная» фамилия его создателей не зачеркнута, не вымарана черной тушью. Черным по белому указаны все переводчики, в т. ч. и Ильяс Джансугуров и Сайдил Талжанов, ответственный редактор всех переводов Сакен Сейфуллин, через год, как мы знаем, репрессированные. Предисловие к трем томам написано Сабитом Мукановым (датировано 24 ноября 1936 г.)

А вот ответственный редактор второго тома (издание 1937 г.), ответственный секретарь редакции, переводчик «Евгения Онегина» и еще 29 стихотворений Пушкина (а это был Ильяс Джансугуров) везде и всюду тщательно вымаран тушью. Из членов редколлегии второго тома уцелели М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов. Вымаран еще один переводчик лирики Пушкина, и знакомый сотрудник библиотеки, доктор исторических наук, отправился в какой-то закуток «просвечивать» замаранную фамилию, потом долго смотрел в лупу и уверял меня, что написано: «audargan Өтебай». Но так ли это и какой Отебай – сказать не могу.

В третьем томе, куда вошла проза Пушкина («Дубровский» – переводчик зачеркнут; «Капитанская дочь» – переводчик К. Тайшанов; «Станционный смотритель», «История села Горюхина», «Пиковая дама» – переводчик К. Сагындыков), из членов редколлегии уцелел один Т. Арыстанбеков – остальные две фамилии вымараны. Замазан тушью и ответственный редактор.

Таковы гримасы того пушкинского юбилея. И издание трехтомного казахского Пушкина в то недоброе время, несомненно, свидетельствует, с одной стороны, о состоянии культуры казахского общества, а с другой стороны, о подлинно гражданском мужестве и героических усилиях именитых казахских мастеров слова.

х х х

Надо знать общий уровень культуры и литературы, чтобы по достоинству оценить безумство храбрых, смело взявшихся за перевод Пушкина в столь широком, объемном масштабе. Ведь – представьте! – переводческого опыта не было, отсутствовала всякая школа, основные переводческие принципы и направления не были разработаны, о множестве переводческих частных, тонкостях и нюансах и речи не было. Все равно что пуститься вплавь по бурной, неведомой реке. Или пуститься вскачь на необъезженном, строптивом коне. Или отправиться в путь по широкой степи с завязанными глазами. Ни вешек, ни ориентира, ни опоры.

Так мне все представляется.

Были, правда, желание, стремление, дерзновение, вера в свои силы. Уповали на талант, на интуицию, вдохновение, на мощь родной поэтической стихии.

На помощь молодым и неопытным переводчикам, поставившим перед собой столь грандиозную задачу, как перевод Пушкина, пришел тоже еще молодой, но уже

маститый, многоопытный и многомудрый Мухтар Ауэзов. Он неустанно следил за поисками поэтов-переводчиков, направлял и одобрял их, консультировал, делился своими знаниями, советовал, критиковал, внушал им истины и премудрости высокого переводческого искусства. На то у Мухтара Ауэзова были все основания: в Ленинградском университете он обрел фундаментальное филологическое образование, в том числе работал на двух семинариях – по лингвистическому толкованию Пушкина и «Пушкин и его время», по которым он проходил специальные практические занятия. В подготовке к юбилею Пушкина он принял самое активное, непосредственное участие, вникая во все теоретические проблемы и практические дела. В этом можно убедиться, листая «Летопись жизни и творчества М.О. Ауэзова» (А., «Фылым», 1997). Приведу несколько фактов, связанных с подготовкой к юбилею Пушкина.

2 октября 1936 г. на собрании в Союзе писателей Казахстана рассматривался вопрос «О подготовке к пушкинским дням» и по решению собрания М. Ауэзова включили в делегацию, выезжающую в Семипалатинск (См. «Летопись . . .», стр. 157) .

9 октября 1936 г. к М.О.Ауэзову обращается от журнала «Звезда» Николай Чуковский: «Дорогой Мухтар! Редакция ленинградского журнала «Звезда» поручила мне обратиться к тебе от ее имени с просьбой. Нам здесь известно, что ты работаешь сейчас над книгой об Абае. «Звезда» хотела бы поместить в своем пушкинском но-

мере, который выйдет в январе 1937 года, какие-нибудь материалы о влиянии Пушкина на Абая и о первых переводах пушкинских стихов на казахский язык. Убедительно просим тебя прислать в редакцию «Звезды» к 1 ноября с. г. отрывки на эту тему, из твоего романа или статью. Размер безразличен.» (Там же, стр. 157-158).

2 декабря 1936 г. решением Правления Союза писателей Казахстана М.О. Ауэзову поручается делать доклад к 100-летию со дня гибели Пушкина. В разные области отправляются писательские бригады. В числе шести членов бригады в Семипалатинск включен и М. Ауэзов.

8 января 1937 г. в газете «Социалды Казакстан» публикуется статья М.Ауэзова «О казахском переводе «Евгения Онегина» (Статья эта вошла в 17-й том 20-томного Собрания сочинений М.О. Ауэзова, А., «Жазушы», 1985, стр. 58-67).

В 1938 году в самый разгар переводческой кампании М. Ауэзов опубликовал весьма актуальную статью в «Социалды Казакстан» под названием «Пушкинді казахша аудару тәжірибелері:» («Опыт перевода Пушкина на казахский язык»). Статью эту можно обнаружить в 14-м томе 20-томного Собрания сочинений М.О. Ауэзова (стр. 306-312). Странно, что в конце статьи не проставлена дата написания этой работы. Еще более странно, что этот факт не указан и в пространной «Летописи жизни и творчества М.О. Ауэзова». Но по содержанию статьи можно понять, что она написана до пушкинского юбилея. Конечно, для большей ясности надо было

полистать подшивку «Социалды Қазақстан» за 1936 год, но я доверился двум источникам – книге С. Талжанова «Көркем аударма туралы» (А., 1962) и книге М. Курманова «Өмір, қандай тәтті едің» (А., 1994). Оба автора обозначают годом издания статьи М. Ауэзова 1936-й год.

Эта работа М. Ауэзова имела огромное значение для переводчиков Пушкина, являясь как бы программным документом, памяткой, творческой установкой, направлением, выражением основных переводческих принципов, ориентиром для творческих поисков. Об этом впоследствии писал Сайдил Талжанов: «Осознавая всю значимость исторического события, представляющего собой важную веху для казахской литературы, точнее говоря, для культуры казахского художественного перевода, автор этой статьи написал ее специально для тех, кто принимал непосредственное участие в этой акции» (С. Талжанов, «Көркем аударма туралы», А., 1962, 31-бет).

Да, статья оказалась своеобразным теоретическим и практическим пособием, конкретным руководством к действию для переводчиков Пушкина на казахский язык.

х х х

Статья М. Ауэзова «Опыт перевода Пушкина на казахский язык», понятно, написана по-казахски, и мне неизвестно, переведена ли она кем-либо и когда-нибудь на русский язык. Поэтому перескажу вкратце основные

ее положения. Это необходимо для дальнейшего анализа переводов лирики Пушкина, осуществленных Ильясом Джансугуровым.

Главные цель и задачу юбилейных мероприятий автор статьи определил так: сделать произведения русского поэта достоянием казахского читателя, чтобы он мог читать и понять его на родном языке. Автор убежден: все казахские поэты примут посильное участие в переводе и популяризации произведений Пушкина. М. Ауэзов делает краткий обзор и анализ тем переводам из Пушкина, которые до того времени были ему известны. Он подчеркивает, что первым переводчиком Пушкина на казахский язык был Абай, который перевел из «Евгения Онегина» линию «Татьяна-Онегин», но значительно отходил от оригинала и по форме, и по содержанию, свободно обращаясь с пушкинским текстом. Переводом в подлинном смысле автор статьи считает только «Письмо Татьяны». Из прежних поэтов, пытавшихся перевести Пушкина, можно еще назвать Шакарима. Но он не переводил, а по сути пересказал в стихах «Дубровского» и «Метель». Отрадно, замечает автор статьи, что в последние годы увлеченно и успешно переводят лирику Пушкина Ильяс (Джансугуров), Таир (Жароков) и Гали (Орманов). В числе удачных переводов М. Ауэзов называет «К Чаадаеву», «Письмо в Сибирь» («Во глубине сибирских руд»), «Тучи», «Гавриилиаду», осуществленные Ильясом Джансугуровым, «Кавказский пленник», «Цыганы», выполненные Т. Жароковым, и «Памятник» в переложении Г. Орманова.

Далее М. Ауэзов подробно анализирует переводческую манеру Абая и Шакарима, считая ее в настоящее время неприемлемой, ибо таким образом суть, форма, своеобразие пушкинских творений доходят до казахского читателя в искаженном виде. Категорически против М. Ауэзов и явной адаптации, излишнего «оказахования» Пушкина, стремления обрядить его непременно в просторную казахскую шубу и малахай-треух, чем особенно увлекались поэты «алаш-ордынского толка». При такой мерке, утверждает М. Ауэзов, все европейские писатели напрочь лишались индивидуального стиля, языка, манеры, художественных особенностей и выходили поневоле все на одну колодку. Такой подход к переводу, конечно же, не годится.

М. Ауэзов призывает переводчиков придерживаться, насколько это возможно и доступно казахскому восприятию, формы оригинала. Он одобряет Ильяса (автор на казахский лад и по принятым канонам того времени называет поэтов только по именам), который при переводе стихотворения «К Чаадаеву» прибег к перекрестной рифме, как у Пушкина. Это должно быть одним из важных переводческих принципов.

Особенно советует М. Ауэзов переводчикам быть внимательными к пушкинской лексике, к пушкинскому «лугату» – словарю. Ведь Пушкин часто прибегал и к реалиям античной литературы (Муза, Аполлон, лира), и к древним, исконно русским словам, и к религиозным понятиям. Переводить эти понятия всем доступным,

сугубо современным казахским языком было бы неправильно. Нельзя забывать о столетней истории. Язык Пушкина и язык революции – не одно и то же. Насколько слова, употребленные Пушкиным, кажутся для современного русского литературного языка архаичными, устаревшими, настолько устаревшими они должны звучать и при переводе на казахский язык. Искать адекватные понятия следует в недрах старинного казахского слога. Один из недостатков современных переводчиков Пушкина, на взгляд М. Ауэзова, заключается в том, что, не поняв все значение, все оттенки того или иного слова, нередко переводят описательно, поверхностно, приблизительно. Часто ритм стихотворения при переводе размывается, расплывается, картины, образы, чувства, выразительность явно обедняются. Иные поэты-переводчики, чувствуя, что им не удастся подобрать точные и достойные слова и выражения, соответствующие оригиналу, начинают увлекаться набором трескучих шешенских словес и разными сомнительными красотами. Перевод получается внешне как бы красивым, но внутренне пустым, ибо не в состоянии передать всю полноту чувств пушкинского стиха. Автор призывает глубже вникать в сокровенный смысл пушкинских слов и строк, проникнуться ритмом, поэтическим миром поэта, настроиться душевно на их лад, а не упиваться словесной и звуковой трескотней.

Статья М. Ауэзова написана 64 года тому назад, на заре теории художественного перевода, а высказанные в ней суждения, идеи, советы, принципы и положения

звучат актуально и по сей день. И, анализируя переводы Ильяса Джансугурова (не только Пушкина), мы убеждаемся, что он следовал урокам своего коллеги и глубоко образованного друга.

х х х

Рассмотрение переводов пушкинских стихов, осуществленных Ильясом Джансугуровым, я хочу построить в форме сопоставительного чтения русского и казахского текстов, попутно делясь с читателем своими суждениями. Естественно, я не настаиваю на исключительной своей правоте, и на основе множества параллельных строк и строф искушенный читатель сам сможет убедиться в достоинствах или погрешностях перевода. У людей, неравнодушных к изящной словесности и имеющих интерес к тому, как одна и та же мысль может быть выражена по-разному, такое чтение, надеюсь, возбуждает любопытство.

Отмечу еще, что все стихи Пушкина приведены по его Собранию сочинений в десяти томах (М., ГИХЛ, 1959 г., т. 1).

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман.

Чаадаевқа

Үміт, сүю, пан, атак
Алдаумен аз тұрғандай
Бітті біздің жас ойнақ
Түтін, таңғы тұмандай.

Соответствие форм размера и рифмовки сразу бросается в глаза. И в оригинале, и в переводе форма рифмовки – абаб. И там, и тут перекрестная рифма (шалыс ұйқас). В переводе рифма полнозвучная: «атак – ойнак», «тұрғандай – тұмандай». Лексический состав сохранен. Единственная придирка – отсутствие адекватности глаголу «нежил».

Мы ждем с томленьем упования
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.

Бейне біз де бірдейміз
Жарын күткен жігітпен,
Еркіндікті күтеміз
Толықсыған үмітпен.

Форма рифмовки оригинала – вггв, перевода – вгвг. Строки для сохранения общего смысла переставлены. Трудное для перевода выражение – «с томленьем упования», но найден оптимальный адекват – «толықсыған үмітпен». Потеря – определение «святой».

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Атар, жолдас, бақыт таңы
Жатпас Ресей мәңгі ұйықтап,
Патшаның тәж-тактына
Жазылады біздің ат!

Перевести строфу из пяти строк, нарушая предыдущую форму рифмовки, для казахской версификации сложно, неудобно и непривычно. Совсем уходит от ка-

нонов национальной поэтики переводчик не решается. Что-то надо жертвовать ради передачи сути в привычных для казахского слуха рамках. И строку «звезда пленительного счастья» переводчик полностью опускает. Жаль, конечно, но что поделаешь: перевод – это ограничение, это неизбежная потеря. Сравните обратный дословный перевод:

Взойдет, товарищ, утро счастья,
Не в вечном сне пробудет Русь.
На короне-троне царя
Напишут наши имена!

А в общем перевод достойный, бережный, приемлемый. Неслучайно М. Ауэзов назвал его в числе наиболее удачных, близких к оригиналу.

х х х

Арион

Нас было много на четне;
На руль склоняюсь...
... вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный.
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Арион

Біз кайықта көп едік;
Ұстап рульді
Бір кезде шулы көк дауыл
Толқын теуіп жөнелді...
Хұлла тонды малшынған
Күншуаққа кептірген.

Я привел лишь те места, которые наиболее сопротивляются переводу на казахский язык. Они свидетельствуют

ют как раз о том, о чем предупредительно писал в вышеназванной статье М. Ауэзов: о сложной, разноплановой лексике Пушкина, о мифических мотивах, о понятиях из античной литературы, которые нецелесообразно передать современным казахским языком. Поэтому, полагаю, переводчик и прибег к явно арабскому религиозному слову «хұлла тон», что в какой-то мере соответствует церковно-славянской «ризе».

Казахскому читателю перевод во многом неясен, как неясно само стихотворение без комментария. Т. Цявловская комментирует его так: «Стихотворение написано 16 июля 1827 года. Миф о спасении дельфином греческого поэта и музыканта Ариона (VII–VI в. до н. э.), именем которого Пушкин прикрывает политическое содержание стихотворения, очень далек по содержанию от стихотворения Пушкина» т. 1, стр. 695)

х х х

Во глубине сибирских руд	1827	Сибирьге хат
Во глубине сибирских руд		Сибирьдің шахтасының шыңырауында
Храните гордое терпенье		Име бас, ірілік қыл, шыда, шыда.
Не пропадет ваш скорбный труд		Жойылмас азап ауыр еңбектерің
И дум высокое стремленье.		Асқағы ауыр ойдың бітпес бұ да.

Сравните обратный дословный перевод:

В ущельях шахт Сибири
Не склоняй головы, будь мужествен, терпи, терпи.
Не пропадет ваш мученически тяжкий труд,
Не иссякнет и высокий дух тяжелых дум.

Лексический переклад совсем не плох, не так ли? И ритмомелодика довольно близка, хотя форма рифмовки и структура стиха немного изменены.

(На утренней прогулке встретил литературоведа, доктора филологии Жумагали Исмагулова. Заговорили о Джансугурове и пушкинских переводах на казахский язык. Ж. И. тотчас вспомнил, как на обложке школьных тетрадей 1937 года (он тогда учился то ли во втором, то ли в третьем классе) было отпечатано это стихотворение, и он тогда заучил (вместе с братом) русский и казахский тексты «Письма в Сибирь». И Жумагали по памяти прочел первые две строчки джансугуровского перевода: «Име бас, ірілік қыл, шыда, шыда», объяснив мне, что «рудники» заменены понятными казахам «шахтами»)

Несчастью верная сестра,

Надежда в мрачном подземелье

Разбудит бодрость и веселье,

Придет желанная пора.

Қараңғы жер астында

сорға сыңар

Сол үміт – сенімді жар.

үміт болар.

Сергілтер көңіліңді

қайрат беріп

Үмітпен күткен күн

де келіп қалар.

Что мы замечаем? У Пушкина форма рифмовки абаб или абба. У Джансугурова одиннадцатисложный традиционный казахский стих с рифмовкой ааба. Дыхание длиннее, поступь более тяжеловесная, трагизм усугубляется, некоторые оттенки детализируются, расширяются. Это заметно при обратном дословном переводе:

Под темной землей скорби пара
Надежда – верная жена, эта надежда
Взбодрит твою душу, придаст силы
(отвагу, волю, мужества)
С надеждой наступит и желанный день.

Трижды употребляет переводчик слово «надежда» (үміт), подчеркивая ключевое понятие. Именно она несчастным – верная жена (спутница, возлюбленная).

Любовь и дружество до вас	Қақ жарып азап ін, азабыңды
Дойдут сквозь мрачные затворы.	Сияқты жеткізгенім азат үнді.
Как в ваши каторжные норы	Достық та, махаббат та жетер әлі-ақ
Доходит мой свободный глас.	Қақ жарып берік қорған, қаранғыны.

Сложные для перевода слова:
мрачные затворы – берік қорған, қаранғы..
каторжные норы – азап ін, азабың.

Вполне приемлемо. Но дважды прозвучавшее «как жарып» (разрубив, врубившись) в одной строфе явно режет слух. И вот заключительная строфа:

Оковы тяжкие падут,	Ауырлык бұғау түсер, кісен сынар,
Темницы рухнут – и свобода	Ашылар қараңғылық. зындан құлар.
Вас примет радостно у входа	Бостандық қуанышпен құшақ жайып,
И братья меч вам отдадут,	Ұстатар қылышыңды туыскандар.

Для сравнения приведу обратный дословный перевод:

Тяжкие оковы спадут, кандалы разобьются,
Развеется тьма, темница рухнет.
Свобода с радостью раскинув объятия,
Вернут вам саблю братья.

Перевод этого стихотворения одобрил, как мы знаем, еще М.О. Ауэзов, и несколько десятилетий спустя я со своей скромной колокольни могу это только подтвердить.

х х х

Анчар

1828

Анчар

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит один во всей вселенной.

Қу далада, құла дүз
Жер қақтаған күн тамыз
Күзетісідей жапанда
Анчар-ағаш түр жалғыз.

Переводчик на этот раз прибег к семисложнику с рифмой ааба, что свойственно больше одиннадцатисложнику.

В лексическом плане все аккуратно, все на месте; опущено лишь определение «грозный». Вместо пустыни – голая, безжизненная степь. И пояснение – Анчар-агаш (дерево).

К нему и птица не летит,	Қонбайды құс ағашқа
И тигр нейдет: лишь вихорь черный	Жоламайды жолбарыс.
На древо смерти набезит –	Тек жел ажал ағашқа
И мчится прочь, уже тлетворный.	Салып өтер бір жарыс.

В этой строфе переводчик перешел к другой форме рифмовки - абаб. При этом рифма первой и третьей строк явно хромает. Исчезло определение «черный» (вихорь). У переводчика «ветер», но без «тлетворный».

И если туча оросит,	Иә, қара бұлт қаңғырған
Блуждая, лист его дремучий,	Жапырағына жауғанда
С его ветвей, уж ядовит,	Бұтақтағы жаңбырдан
Стекает дождь в песок горючий.	У төгілер от құмға.

У переводчика туча «черная». В остальном полное лексическое соответствие. И рифмы в казахском духе звучные: «қаңғырған – жаңбырдан», «жауғанда – от құмға». Ощущение такое, будто переводчик без труда просто перекладывал слова с русского на казахский, и они лад-

но-складно, сами по себе легли в четкий ритм и мелодику и при этом еще странным образом рифмовались. И содержание, и лексика, и ритм, и рифмовка – все получается точно самим собой. Кажется, сам Пушкин написал свой «Анчар» по-казахски.

х х х

Три ключа

1827

Үш бұлақ

**«В степи мирской,
печальной и безбрежной... »**

В степи мирской, печальной и безбрежной
Таинственно пробились три ключа.
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный
Кипит, бежит, сверкая и журча.

Дүниенің шетсіз, шерлі даласынан
Үш бұлақ ағып жатыр Сыр жағынан
Жастықтың бұлағы – асау, сылдыр қағып
Мөлдiреп, ағып, қайнап, тез тасыған.

Первые четыре строки переведены в соответствии с оригиналом, что называется стремя в стремя. Следующие четыре строки, видно, не влезли в заданный размер (одиннадцатисложник) и, чтобы передать весь смысл и все слова, переводчик «расщедрился» и «размахнулся» аж на семь строк. Пришлось что-то объяснять, расширять, дополнять. Например»: «Кастальский ключ» –

ключ поэзии. В переводе он течет, извиваясь, на волнах вдохновения. «В степи мирской изгнанников поит» пришлось развернуть на две строки: «Изгнанники из степей мира, утоля жажду, пьют из него». Строку: «Он слаще всех жар сердца утолит» тоже понадобилось при переводе растянуть: «Он слаще всех других ключей, всех слаще он гасит жар сердца».

Правильно ли это решение? Можно поспорить. Но, видно, короче, энергичней, выразительней пушкинскую мысль выразить по-казахски переводчик не смог.

х х х

Поэту   1830   Акынга

Поэт! не дорожи любовью народной,
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты остался тверд, спокоен и утрюм.

Акыным! Бұлдама елдің махаббатын,
Мактаулар масайрасқан аз тұратын,
Естірсің есер сотын, көп күлкісін,
Бол бірақ өзің тыныш, берік, салқын.

Сонет переведен блистательно. Ключевые трудные места: «Не требуя наград за подвиг благородный» – «Игілік ерлігіне сый сұрама».

«И плюет на алтарь, где твой огонь горит» – «Шам жаққан михрабына топ түкірсін». По-моему, удачно. Не знаю, перевел ли кто это стихотворение еще. Если да,

то было бы любопытно знать, где и в чем преимущество по сравнению с переводом Ильяса Джансугурова.

х х х

Эхо

1831

Жаңгырық

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом -
На всякий звук,
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Аң орманда үли ма,
Дабыл какқан сырнай ма,
Шатырлай ма найзағай
Сол жакта кыз жырлай ма –
Мейлі қандай үн,
Үніңді еркін һауада
Қосуға сен дайын.

Причудливая форма рифмовки – ааабаб. Переводчик постарался сохранить эту форму. но, сохраняя лексический состав, не уложился в шести строках, вынужденно добавил седьмую. Форма рифмовки получилась – аабавав.

Потеря: «глухом». Вместо «в воздухе пустом» – свободном, вольном. Вместо «родишь ты» – «ты готов присоединиться».

Ты внимлешь грохоту громов
И гласу бури и волов,
И крику сельских пастухов -
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Көп күрсінтсе найзағай.
Дауыл, толқын дауысына,
Тауда малшы салса айғай –
Жауабын алатын,
Үніңе үн жоқ... Дәл сондай
Сен де, ақын!

В этой строфе переводчик обошелся шестью строками, как и в оригинале. Рисунок строфы воспроизведен точно, лексический материал передан, воссоздан, в рифмовке лишь малое отклонение (второй стих не рифмуется с первым, третьим и пятым). В чем разница? Вместо «сельских пастухов» – «скотовод в горах». Для горца Ильяса Джансугурова очень даже объяснимо.

х х х

Обвал

1827

Көшкі

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы.
И надо мной кричат орлы
И ропшет бор.
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Қар боратып, қараңғы күзға шашырап,
Көпіріп көшкі, тау шулатып, сатырлап,
Дәл үстiмде ұшқан қыран саңқылдап
Күнренед таудың ағашы
Толқынды күн қараңғыда жарқылдап
Түр жоғары тау басы.

Вглядимся в структуру стихотворения и его перевода. По форме рисунка «Обвал» напоминает «Эхо». И мне кажется. И. Джансугуров перевел его после «Эха» с учетом опыта. Он понял, что в размер оригинала ему сложно втиснуть лексический материал. И потому, сохраняя внешний рисунок рифмовки, он удлинил размер – перешел на одиннадцати-двенадцатисложный размер, перемежая четвертую и шестую строки семи-восьмисложником. То есть, раздвинул рамки, расширил дыхание: всецело сохраняя лексический материал, добавил кое-что и от себя. Получилась непривычная для казахской версификации форма. Вышло очень похоже на оригинал, но многословней, шире. Картина обвала развернута деталями: «Қар боратып» (взвихрив снег), «шашырап» (разбрызгивая), «сатырлап» (сотрясая, грохоча). Есть и другие оттенки: орлы не просто кричат, а «летят прямо надо мной, клекоча», и не бор ропщет, а мрачно (насупленно) вздыхает черный лес; и «вершины гор» стали «стоящими высоко главы гор»; и дважды употреблено слово «қараңғы» (темень, темный), один раз как определение к скале(вместо «мрачные», второй раз как определение места действия («в темноте»). Но общая картина, мотив воссозданы, пожалуй, адекватно.

Оттоль сорвался раз обвал, Сонау құздан көшкін бірден құлады,
И с тяжким грохотом упал, Салдыр-гүлдір салмақпен сайды ұралды
И всю теснину между скал Үңірейген қос күз арасындағы
Загородил Қапшағайды бекітті.

И Терека могущий вал
Остановил.

Қар шөгеріп құдіретті бураны
Бөгеді асау Теректі.

Каждому слову оригинала переводчик подобрал казахское соответствие. Ни одного пушкинского слова не опустил, а наоборот – благодаря избранному размеру стиха – что-то в пределах контекста добавил, расширил, уточнил, окартинил. Например, «тяжкий грохот» он усилил звукоподражательным «салдыр-гүлдір» (нечто похожее на «стук и бряк»), и теснине придумал определение «зияющая», Тереку придал характеристику «буйный» (как у Абая при переводе Лермонтова), а могущий вал, загородивший теснину, и вовсе оживил сугубо казахским образом: «могучий бура», т. е. самец-верблюд. Буйный Терек – могучий (необузданный, величественный), опустившись, загородил теснину. Для казахского художественного, образного восприятия весьма существенная деталь, органически вписывающаяся в картину стихийного обвала.

Перейдем к третьей строфе.

Переводчик чуток. В оригинале: «О Терек», – с интонацией восхищения, благоговения, пнетета; в переводе: «Қайран Терек» (притом дважды), как бы подчеркивая восторг, умиление перед его могуществом, динамизм картины достигается за счет глаголов: «истощась», «присмирив», «прервал», «прошиб», «затопил», «освирепев». Такое же (даже больше) обилие глагольных форм встречаем и в переводе: «истощась», «обессилев», «пре-

рвав голос», «натужась», «ударил враз», «ярьсь», «сви-репя», «селем залил».

Неожиданные детали появляются в переводе и четвертой строфы. В оригинале читаем: «и долго прерванный обвал Неталой грудю лежал». В переводе примерно так: «И долго обессиленный (обезвоженный) обвал, лежал бездыханной, изнуренной грудью». Откуда грудь? С одной стороны, полагаю, переводчик оживил, одушевил обвал, у которого, обессилев, грудь, запала, сникла; с другой стороны, предполагаю, переводчика смутила фонетическая близость, схожесть слов «грудю» и «грудь».

И в той строфе глаголов в переводе больше, чем в оригинале, что придает стиху энергию, экспрессию, динамизм.

Заключительная строфа воссоздана в переводе безукоризненно. Поражаешься, как все передано аккуратно, точно, живо, с полным соблюдением рифм и формы стихосложения.

Единственное, что приметит дотошный глаз: «мчит-ся Эол» – в переводе «Эол резвится» (играет, забавляется).

В общем образцовый перевод. Нравится мне и название – «Көшкі» – редкое слово, означающее по-казахски оползень, лавина (корень «көш» – кочевье, кочующий). В том краю, где я вырос, этого слова не употребляли, оно больше в обиходе у горных казахов.

Цыганы

1830

Цыгандар

Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины
Шум и песни под шатрами
И огни разложены.

Орманды өзен бойындағы
Қоңыр кешкі бір іңір
Жарық лаулап от жанады
Шатырда, шу, өлең-жыр.

К чему тут придраться? Ритм, мелодика, форма рифмовки, лексический состав – все адекватно, приемлемо, «по уму». У переводчика: сумерки уютного (ласкового) вечера. И не просто огни разложены, а ярко горит, пламеня, огонь.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Есенсіз бе, бақытты ұрпақ!
Мен таныскам отыңмен.
Егер болса өзге бір уақ
Кетер ме ем бұл шатырмен.

И с переводом третьей строфы все в порядке. А вот заключительная, четвертая, строфа вызывает сомнения. Сравните:

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

Тентіреу, түнеу, қанғу көшін
Есерлігін ескінің
Ұмытып, ойлап үй тыншың
Деревняның дәстүрін.

Не нравится мне деревня в казахском тексте. Смущает некоторое насилие над казахской речью – явно

лишний слог в первой строке (чтобы уложиться в размер, приходится «проглотить» одно гласное в «тентіреу» и произносить его «тентреу»), а в слове «тынышын» (тишину) переводчик сам усек один слог – «тыншын». Все как бы правильно, но скованность ощущается. И «дәстүр» (традиция) здесь, кажется мне, слишком лобово, обнаженно. Для ясности приведу обратный дословный перевод:

«Бродяжничество, ночлеги, шатание кочевья
Сумасбродство старины
Позабыл, думая о домашней жизни
О традициях деревни»

Близко, конечно, но в нюансах чувствуется сбой.

х х х

Туча

1835

Қара бұлт

Последняя туча рассеянной бури
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень
Одна ты печалишь ликующий день.

Дауыццын куғынынан қалған бұлыт,
Сен ғана ашық көкте жүрсін жылжып,
Сен ғана қайғы жауып көлеңке еткен,
Сен ғана шаттық күнді кірбендеткен.

Форма рифмовки и оригинала и перевода одинаковая – аабб. Казахское «бұлт» (туча) по закону сингармонизма здесь явно произносится «бұлыт» и рифмуется с «жылжып». Обратный перевод двух последних строк:

«Только ты, накрывая печалью, делаешь тень,
Только ты омрачаешь ликующий день».

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Күшті жай құшып сені құшағына.
Сен едің аспанды алған кеше ғана,
Сен едің жасырын жай шартылдатқан,
Сусаған жерге жауын сусындатқан

Стих льется естественно, мелодично. Хорош перевод, по-моему. Живой, энергичный, упругий, точный, лексически верный. Первая строка в переводе (вторая в оригинале) мне кажется более выигрышной. «И молния грозно тебя обвивала». В русском языке «молния» женского рода. И то, что она обвивала тучу (пусть даже грозно), не очень впечатляет. В казахском языке, как известно, категория рода отсутствует, но молния ассоциируется с мужским началом. По казахски сильная молния (он!), «обхватив тебя (тучу, ее!) в объятия» – впечатляющая картина явно схлестнувшихся в объятиях мужских и жен-

ских начал. Более выразительно. Вот еще нюансы: «издавала гром» – «жай шартылдату» – грохотать, громыхать. «Поила дождем» – «сусындатқан» – напавать, утолять жажду напитком.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась.

Кара бұлт, жетер, жоғал! Дәурен кетті,
Өзгерді, жер жанарды, дауыл өтті.

«Туча» переведена как «черная туча», что более соответствует содержанию, ибо речь идет о туче грозовой, а «черная туча» – наиболее распространенное, употребляемое казахское словосочетание. Об этом переводе можно говорить только положительно. Неслучайно и М. Ауэзов упомянул его в числе удачных.

х х х

Сказки

Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет
За ним и весь народ
Мария в хлопотах Спасителя
страшает:

Ертегі

Ура! Ресейге шабад
Көшпелі деспот
Айса жылайд
Онымен бірге бар жұрт.
Мария жұбатып, Айсаны
коркытад

«Не плачь, не плачь, сударь!» “Жылама, балам, жыламашы:
Вот бука, бука – русский царь!» Бука, бука – кеп калды орыс
патшасы!»

Царь входит и вешает:	Патша келеді де мынаны айтад:
«Узнай, народ российский,	Ұғындар, халык российский,
Что знает целый мир:	Бар әлемге ұқтырдым
И прусский, и австрийский	Прусский, австрийский
Я спыл себе мундир».	Өзіме мундир тіктірдім.

С некоторым удивлением и явным недоумением я воспринял этот, с позволения сказать, перевод. Даже не знаю, как к нему относиться. Перевод ли это вообще, или формальный переклад, передразнивание, подстрочник, пародия, упражнение, заготовка?

И оригинал без исторического комментария не понять. «Сказки» написаны молодым Пушкиным в форме «ноэль». Так, оказывается, назывались традиционные сатирические рождественские куплеты. Литературоведы-пушкинисты считают это сочинение сатирой на Александра Первого, который 22 декабря 1818 г. вернулся с Аахенского конгресса. Казахский читатель, не знающий, что такое рождественские куплеты и что, собственно, кроется за этими едкими насмешливыми строками, организованными к тому же версификационно причудливо, конечно же, с непониманием воспримет этот странный жансугуровский переклад. Что за рифмы: «шабад – деспот – бар журт»? С какой стати это обилие усеченных, употребляемых чаще всего в просторечии

глаголов: «қорқытад», «айтад», «шабад», «жылайд»? При чем здесь Мария и Спаситель (Айса)? Что означает «бука, буква» хоть по-русски, хоть по-казахски? Зачем понадобились в казахском тексте сугубо русские суффиксы: «халык Российский», «Прусский, Австрийский»? Сплошное недоразумение! Как изволите воспринять такого Пушкина, автора столь непонятно-разболтанных, сатирических строк? Какое все это имеет отношение к поэзии? Нет ответа. Хотя формальный, внешний рисунок «ноэля» воспроизведен по-казахски старательно. Но по-казахски ли?

Лаврову дам отставку
А Соца — в желтый дом.

Лавровка отставка берем,
Ал Соцты — сары үйте тығам.

Опять-таки, спросит казахский читатель, кто такой Лавров и при чем тут отставка? Почему нужно отправлять некоего Соца в желтый дом? И означает ли буквальный перевод («желтый – сары») то, что имел в виду Пушкин?

Нет, я не увидел в этом переводе достоинств. Лучше бы, ей-ей, Джансугуров этого не переводил, издатели не включали в сборники, а я бы о том не рассуждал.

Словом, мы имеем дело с несомненной неудачей. Однозначно и к сожалению. Только и вздохнешь: бывает. Не амал бар? Что тут поделаешь ...

Неудачный урок – тоже урок.

В ряду «Сказок» я назову еще несколько переводов, которые, на мой взгляд, не представляют интереса для анализа, сопоставления. Это эпиграмма «На Карамзина», стихотворения «Ты и я», «Лиле», «Цветок», «Золото и булат», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». Это все «мелкие» вещи, о переводе которых и сказать почти нечего. В лучшем случае они представляют из себя в меру старательное, аккуратное переложение, калькирование, нечто похожее на подстрочник, на буквалистское воспроизведение, без вдохновения, без находок, без того, что по-немецки называется «Pointe» («соль», «изюминка»). Поневоле подумаешь: а зачем надо было это вообще переводить? В состоянии ли эти «штучки» расширить представление казахского читателя о великом русском поэте? Несколько примеров:

И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе.

Ерінесің төлеуге
Табиғатқа боршыңды.

Согласитесь: калька, мало понятная казаху. Или из этого же стихотворения («Ты и я»):

Сажень за сто с чердака
За нуждой бегу известной.

Чердағимнің түбінен
Белгілі қажет өтеуге
Жүз саржаға жүгірем.

Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором.

Семіз афедроньды
Бәтеспенен сүртесің

... Грешная дыра.

... жазалы тесік.

Кто что понял из такого перевода?

Вот стихотворение «Лиле», написанное 19-летним Пушкиным и переведенное Джансугуровым еще в 1923 году:

Но любовь моя напрасна:	Болды арамтер мен сүю,
Ты смеешься надо мной.	Мен бір сорлы күлкі еткен.
Смейся, Лила: ты прекрасна	Мейлін, Лила, сен сүлу
И бесчувственной красой.	Сезімі жок, көрік біткен.

Говорить не о чем: рядовой, проходной переклад. Вряд ли это достижение для такого поэта, как Джансугуров.

На таком же уровне, явно без «изюминки», переложена на казахский язык и эпиграмма «На Карамзина».

То же, пожалуй, можно сказать о стихотворении «Цветок».

Где цвел? когда? какой весной?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

Қайда өстің, қашан? Қай жазда?
Көгердің қанша? Кім үзді?
Жақын ба? Жат па? Араз ба?
Салған мұнда кім сізді?

Ну, аккуратно пересказано, переложено, зарифмовано. И только. Та же прилежность сквозит и в переводе «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы»:

Я понять тебя хочу,	Түсінуге мұнғынды
Смысла я в тебе ищу.	Үйренейін тілінді.

Так же буквально передано по-казахски четверостишие «Золото и булат», составляющее в свою очередь перевод французского стихотворения неизвестного автора:

«Все мое», – сказало злато;	Алтын айтты: «Бәрі менікі»;
«Все мое», – сказал булат.	Болат айтты: «Бәрі менікі»;
«Все куплю», – сказало злато;	Алтын айтты: «Сатып алам».
«Все возьму», – сказал булат.	Болат айтты: «Тартып алам».

Честно говоря, я не вижу в названных выше стихах печати Пушкинского гения; не уверен также, что такому поэту, как Ильяс Жансугуров, стоило их переводить. Подобные переводы совсем не характерны ему.

* * *

Храни меня,

мой талисман

1825

Тұмарым

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Сақта мені, тұмарым,
Қуғын күнін сен сақта.
Өкініште, опықта,
Тар күнімде ұшырадың.

Сразу обращаешь внимание на чуткость поэтического слуха переводчика: точно уловил ритм, дыхание, интонацию, форму рифмовки. И в оригинале, и в переводе – абба (для казахской версификации редкость).

Убедительно: «в день печали» – «тар күнімде, опыкта».

Когда подымет океан	Сапырып теңіз суларын
Вокруг меня валы ревучи,	Айналамда өкірсе,
Когда грозюю грянут тучи, –	Бұлт басып, жай жөткірсе,
Храни меня, мой талисман.	Сақта мені, тұмарым.

Такой перевод читается с удовольствием, вызывает радость. «Сапырып» сильнее, чем «подымет» в оригинале. Форма – формой, но главное, дух, интонация переданы великолепно.

Пускай же ввек сердечных ран	Сеппесін ой уларын
Не растравит воспоминанье.	Жүрек жара, күшті дерт,
Прощай, надежда; спи, желанье;	Ұйықта, тілек; хош, үміт,
Храни меня, мой талисман.	Сақта мені, тұмарым.

По-моему, все хорошо в этом переводе.

xxx

Ворон к ворону летит 1828

Қос қарға

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:

Қарғаға қарға жақындап,
Қарғаға қарға қаркылдайт:

Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

“Қарға-ау, бізге жем бар ма?
Жемді көрер жер бар ма?»

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Қарғаға қарға жауапта:
“Білем, жарар тамакка;
Өлтірілген бір батыр
Тал түбінде сол жатыр».

Все выдержано: размер, интонация, форма рифмовки – аабб. А в фонетическом, звуковом плане явный выигрыш: «қарғаға қарға қаркылдайт, қарға-ау». Так и слышишь гортанное, скрипучее карканье ворон.

Т. Цявловская комментирует: «В рукописи и в печати (в оглавлении) Пушкиным названо: «Шотландская песня», в первой публикации – «Два ворона». Вольный перевод шотландской народной песни» (Стр. 704)

Переведено с любовью, проникновенно, точно:

Сокол в рошу улетел,
На кобылку недрут сел.
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого...

Кетті орманға сұңқар да,
Мінді дұшпан тұлпарға.
Күтті келіншек бірісін,
Өлген емес, тірісін.

Как это по-казахски, что «кобылка» заменена «тулпаром»! И как убедительно: «хозяйка» – «келіншек» (молодка)!

***

Совет   1825   Кеңес

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный.

Маған сен: журнал жақтан маса, сона,
Ызылдап, маза бермей, ұшса айнала.
Үндеме, асыл сөзді қылма шығын,
Арсыз шу, ызыңына қарсы болма.

Казахский традиционный одиннадцатисложник как нельзя точно соответствует размеру и дыханию оригинала. Ну, а лексический материал воспроизведен до щепетильности аккуратно. Находкой мне кажется: «асыл сөзді қылма шығын» – «не трать драгоценных (учтивых) слов».

Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех – но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

Выписав эту строфу, я про себя подумал: интересно, что сделал переводчик с «логикой», как справился с «проворной эпиграммой»? Все остальное вроде как не затруднительно выразить по-казахски. Лишь после этого я стал читать перевод.

Не жүйе, не талғауға бермейді бой,
Оларды қояр деуді есіңнен жой.
Ашудың өзі арамгер – қолды сілте,
Тек өткір өлендермен мысқалдап қой.

Прочел и воскликнул: «Браво!» «Логике» найден убедительный адекват – «жүйе». А «проворную эпигramму» переводчик передал так: «острыми стихами лишь высмей». Вполне допустимо. Хотя глагол «прихлопни» в оригинале явно уместней и выразительней: уж коли речь идет о журнальном рое в виде слепней и комаров, то их уместней именно «прихлопнуть». Высмеять же «острыми» стихами, думаю, все же менее эффектно и эффективно.

Словом, «Совет», стихи-назидания, прозвучали по-казахски достойно. Казахская поэзия искони обожает назидания.

х х х

Элегия

1830

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старше, тем сильней.
Мой путь уныл, Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Есалаң өмірді ойлап қызығы өткен
Кісідей ауырлаймын шарап ішкен,
Қайғысы өткен күннің – тәтті арақтан
У жанға қанша тозса, сонша батқан.
Жолым мұн: кең теңізі келешектің
Сияқты қайғы бейнет елестеткен.

Поразительное лексическое созвучие. Все сбережено, все сохранено, передано – и «безумных лет», и «мой путь уныл», и «труд и горе». Одинаковая поступь, размер, парная рифма. Ну, а понятия «похмелье» нет в казахском языке, что тут поделаешь. У русских – «похмелье», у немцев – «Katzenjammer» («кошачья тоска»), а вот казахам это понятие чуждо. Конечно, современным казахам и это отвратительное состояние знакомо, а вот слова для его определения пока не нашли. Заимствуют: «Пахмел керек боп тұр». Переводчику пушкинской «Элегии» пришлось прибегнуть к объяснению: «Тяжко мне, как человеку, испившему вина». Все остальное, о чем сказано в «Элегии», казаху понятно, доступно и близко. И переводчик все убедительно воссоздал, оставаясь в рамках формы и стройматериала оригинала .

Но не хочу, о други, умирать;

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

Достарым, бірақ менің келмесіңді өлгім,

Түруға ой, азапшен бар тілегім.

Вероятно, можно выразить это по-казахски точнее, лучше. (Буквально получилось: «Все мое желание – жить

с мыслями и страданьем»). Чутьочку по-другому, но близко.

И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Бәлкім, бейуак кешіне өмірімнің
Қош деп күліп махаббат шашар нұрын.

Очень все созвучно. И мысль, и форма ее выражения, говоря по-казахски, ложатся на душу.

х х х

Предчувствие

1828

Сезік

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

Желсіз күні жиналып,
Тағы да бұлт торлады.
Қас тағдырдың пәлесі,
Тағы да басқа орнады.

О какой угрозе говорит поэт? Т. Цявловская комментирует: «Связано, по-видимому, с последним этапом дела об «Андре Шенье», когда оно рассматривалось в Сенате (11. 07. 1828). Мой ангел – Оленина» (стр. 704).

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Душпандықты тағдырға
Сақтап қала алам ба?
Иә, өр жастық өрлігін
Менмендігін, көндімін
Иә, қарсы алам ба?

Всмотримся в текст. вслушаемся в мелодику. Размер, интонация сохранены. Стилистические издержки незначительные. Вместо «презренье» – душпандык, т. е. «враждебность». Смысл четырех строк второй строфы переводчик передал в пяти строках. Иначе, видно, не умещалось все содержание. Зато сохранил и «непреклонность», и «терпенье», и «гордую юность», и вопросительную интонацию – «ль» – «ния». Правда, форма рифмовки для казаха не очень убедительная – абвб, то есть, рифмуются, собственно, лишь вторая и четвертая строчки. Казахское стихосложение считает это серьезным изъяном.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*.
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти.

Мүләйім, момын періштем,
Сыбырла маған: *ғафу* ет.
Қайғыр: нәзік көзінді,
Иә, қотер, иә төмендет.

Лексически все точно. И ритмомелодика сохранена. «Взор» заменен «глазом». И я не очень уверен, по-казахски ли сочетание «нәзік көз» – «нежный глаз».

И твое воспоминанье
Заменит души моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Сенің еске алғаның
Ол жанымның өрлігі,
Тірегі, үміт, қуаты,
Жас күнімнің ерлігі.

Перевод приличен во многих отношениях. Правда, нерифмующиеся строчки в каждой строфе все же бросаются в глаза.

Пророк

1826

Пайғамбар

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился —
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился.

Жан шөлімен шаршап тым,
Құла дүзде қаңғырдым.
Сұрапылды ұшыраттым,
Торабында жолымның.

Размер, ритм адекватны. Форма рифмовки совпадает – абаб. Потеря: «шестикрылый».

В оригинале много старорусских (церковно-славянских), религиозных слов и понятий: персты, зеницы, отверзлись, ангелы, уста, грешный, угль, виждь, внемли, глаголом жги. Конечно, трудно передать эти слова по-казахски. Они из высокого ряда, торжественного стиля. Находить адекватны в казахском языке не всегда возможно. Персты, как ни крути, окажутся пальцами, десница – рукой, уста – ртом, виждь – смотри, внемли – слушай и т. д. То есть, поневоле исчезает высокий слог, торжественность. Переводчик это понимал. И иногда прибегал к религиозным арабским выражениям, придававшим стиху торжественность, величавость. «Уахи сөз» – Бога глас. «Ғаси тіл» – грешный язык. «Восстань, пророк, и виждь, и внемли», естественно, обрело обыденное выражение: «Встань, пророк, смотри и слушай!»

Моих ушей коснулся он
И их наполнил шум и звон.

Құлағымға тиіп ед
Кетті айналам у-шу боп...

И внял я неба содроганье
И горный ангелов полет.

Түйдім көктің діттеуін
Ғаршыда періште ұшуын.

т. е. «ангелов полет во вселенной» (в космосе), «морские гады» – теңіздегі мақұлық.

... Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Әміріме мойын сұн,
Жерді, суды арала
Жалындаған сөзіңмен
Жандыр адам жүрегін.

На ударную заключительную строку оригинала переводчик извел две строки: «Пламенными своими словами / Жги сердца людей».

х х х

Демон

1823

Әзәзіл

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия –
И взоры дев, и шум дубровы,
и ночью пенье соловья, –
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, –
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапно осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навешать меня.

Түнде бұлбұл шырқап ән,
Орман шуы, қыз көзі —
Бәрі жаңа, бәрі сән
Көрінгенде өмір өзі,
Көкке көңіл желпіткен,
Еркіндік, данқым, сүюім
Ой қозғаған өнерім,
Қанымды қатты серпілткен
Сағатын үміт. рақаттың
Көлденең қайғы күңгірттен
Кернеген бойын кекті ашу
Әлдеқандай бір дана
Жүрді жасырын маған кеп.

Синтаксически очень сложно выраженную мысль типа «Когда... тогда» (приведенные выше двенадцать строк оригинала в сущности одно предложение) переводчик, естественно, переконструировал. Разумеется, тут переклад строка в строку не получается. «Пенье соловья» из четвертой строки оригинала при переводе очутилось в первой строке, а «взоры дев, и шум дубровы» из третьей строки оригинала переместились во вторую строку перевода и т. д. То есть, мысль, выраженную в двенадцати строках, переводчик передал в тринадцати строках, но передал бережно, без потерь.

Тяжкий оселок для перевода – провиденье: «Он провиденье искушал». Переводчик нашел такой выход: «Алла сырын етті өсек», букв.: «Тайну Аллаха сделал (обернул) сплетней», иначе – «В сплетню превратил тайну (исповедь) Аллаха». По-моему, неплохо.

Поэт

1827

Ақын

Пока не требует поэта	Әулие құрмандыққа Аполлонға
К священной жертве Аполлон,	Әзірге ақын керек болмағанда,
В заботах суетного света	Қанымда әуре-сарсаң дүниенің
Он малодушно погружен.	Ол жүрер байқалмастан батып шаңға.

Сразу подумалось: как же поэт перевел на казахский язык «малодушно». У меня в голове адекват не возник. «Суетный свет» – «әуре-сарсаң дүние» – хорошо. А вот «малодушно» пришлось описать: «он ходит незаметно, погрузившись в пыль» по смыслу примерно что «сесть в лужу», «остаться с носом». А «малодушный» словари преподносят как күйрек, жүрексіз; «малодушие» – қажырсыздық, жүрексіздік, қорқақтық. Но все это отдаленно, приблизительно: жүрексіз – боязливый, трусливый. Қорқақтық – от қорқу – бояться. Күйрек – пожалуй, точнее. Но в словарях это переводится нерусским и неказахским словом – пессимизм. Видно, над этим словом задумался и Жансугуров. А ему надо было еще это слово, это понятие вставить «в лыко» – в строку, в ритм, в рифму. Непростая задача, согласитесь!

Какой еще напрашивается вывод из начальных четырех строк перевода? Давняя уловка переводчика: дабы избежать больших потерь, он решил четырехстопный

размер передать традиционным казахским одиннадцатисложником с формой рифмовки ааба (вместо абаб в оригинале).

Молчит его святая лира
Душа вкушает сладкий сон.
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Ардақты ақындықтың жағы тынар,
Жаны салқын ұйқыны азық кылар.
Заманның құнарсыз көп ұлы ішінде
Бәрінен құнарсызы осы шығар.

Камнем преткновения при переводе на казахский язык могут быть «святая лира» и «детей ничтожных мира». Любопытно, какой выход нашел переводчик?.. Вот какой... Чтобы все было понятно, сделаю дословный обратный перевод: «Уважаемая (чтимая, дорогая, почтенная) поэзия умолкнет (уймется) / Душа удовлетворится прохладным сном / Среди бесплодного множества сынов времени (эпохи) / Может, бесплоднее всех он».

Таким образом, о лексическом соответствии читатель может судить сам. На мой взгляд, все вполне приемлемо, а строфа поэтически организована по-казахски очень даже нормально.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,

Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Күн туып сак құлаққа үн шалатын,
Бір кезде етіп қалса алла аятын.
Сілкініп, ұйқысынан сергіп қарап,
Аспанға ақын қағар жан қанатын.

Трудность для переводчика здесь, пожалуй, «божественный глагол». Прежде, чем заглянуть в перевод Джансугурова, я про себя поискал адекват. Подумал: вероятно, по-казахски это можно будет передать, как «божий глас», «божий зов» – алла үні, алла әмірі.. Переводчик же нашел адекват неожиданный и эффектный – «алла аяты», т. е. «Аят аллаха». Аят – молитвенная строфа из суры Корана. Попытаюсь воспроизвести обратный перевод, чтобы уяснить, что же получилось: «Нагрет день для чуткого слуха, ловящего звук. / Когда однажды прозвучит аят аллаха, / Встрепенется, бодро оглянется ото сна / И взмоет ввысь поэт на крыльях души.» Разве уступает перевод оригиналу в образности, картинности, выразительности, возвышенности?

Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы.

Дүние ойнап-күлсе, ол мұнайып,
Жатырқап жұрт сезінен шетке тайып.

К чему тут придраться?

К ногам народного кумира

Широкошумные дубровы

Халықтың сәжда қылған құбыласына.

У-шуы орманның ну ағашы.

Все переведено с чувством, с пониманием, проникновенно и вдохновенно.

xxx

«Дар напрасный,
дар случайный...»

1828

«Әуре сый,
көлденең сый...»

Дар напрасный, дар случайный,

Жизнь, зачем ты мне дана?

Иль зачем судьбою тайной

Ты на казнь осуждена?

Әуре сый, көлденең сый, өмірім, сен

Әуелде не үшін маған беріліп ең?

Сыры көп сұм тағдырдың бұйрығымен

Неліктен бұйырылдың өлімге сен?

Что сразу бросается в глаза? Разный размер. Переводчик «удлинил» строки, прибег к надежному, привычному казахскому слуху, одиннадцатисложнику. Изменилась соответственно и форма рифмовки. В оригинале абаб; в переводе – ааба. Лексических разночтений немно-

го, вместо «казни» – смерть. «Судьба», помимо тайной, обрела еще одно определение – сүм (фальшивая, лживая, обманчивая). Просторный одиннадцатисложник дает переводчику возможность почти ничего не терять из четырехстопного стиха оригинала.

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?

Өзімді күштеп салып өштігіне
Жоқ жерден мені шақырып келтірген кім?
Толтырып құмарлықты көңіліне,
Отымен ойымды өртеп күдіктердің?

Размер прежний, но рифмовка иная – абаб, т. е. не так, как при традиционном одиннадцатисложнике. «Думы мои огнем сомнений сжигал» – так звучит в обратном переводе четвертая строка. На мой взгляд, вполне приемлемо.

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум.
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Жүрегім қуыс, тіпті түк жоқ ойда,
Алдымда медеу қылар мұратым жоқ.
Өмірдің бір дауысты шулауында
Қажыдым, шер шаршатып, қуатым жоқ.

Кажется, можно и не привередничать: все сделано в меру аккуратно. Правда, немного смущает: «өмірдің бір дауысты шулауы». Не думаю, что это по-казахски. Просто калька. Ну, и перевод, избранный размер, форма рифмовки при одиннадцатисложнике оставляют впечатление явной тяжеловесности, скованности, налет усилий.

х х х

Буря

1825

Дауыл

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами.

Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?

Құздағы қызды көрдің бе,
Ақ киімді сол сұлу,
Тұрды толқын үстінде
Қараңғыда қайнаған
Сапырылып, аунап су.
Жағасында жармасып,
Толқын теңіз ойнаған

Кезде тынбай салып шу
Бұлт дүрлігіп аспанда,
Көк күркіреп, атып жай,
Қызға сәуле шашқанда.
Мезгіл-мезгіл найзағай
Толқын шуы күрілдеп,
Жоғарылап жел үнін
Қызбен ойнап дүрілдеп,
Ұшырғанда желегін...

В чем дело? На воссоздание восьми строк оригинала переводчик израсходовал ровно в два раза больше лексического материала. Нечасто опытный поэт Ильяс Жансугуров позволяет себе такое. Постараемся вникнуть, что же кроется за подобной «щедростью». Содержание третьей и четвертой строчек переводчик явно развернул: «В темноте, волнуясь, играло море с кипящей, бурлящей, кувыркающей водой (гудя, грохоча)» То есть, переводчик, предавшись казахской глагольной стихии, «оживил» картину дополнительными экспрессивными деталями. Получился перебор, хотя по-казахски это все очень нормально, и читатель, не знающий оригинала, вполне может подумать, что именно так Пушкин и написал. «Когда луч молний озарял ее всечасно блеском алым»... Передавая эту картину, переводчик опять-таки увлекся своим видением и начал живописать, дополнять, углублять, расширять: «Тучи, всколыхнувшись на небе, небосвод загрохотал (зарычал), сверкая (выстреливая) молниями, бросал лучи на деву, время от времени молнии, сливаясь грохотом с шумом волны, вздымая голос

ветра. с девой играя (забавляясь). ярьсь, срываая плат». И т. д. «Болтливый перевод» – сказал бы старик Корней Чуковский. Получился не перевод, а переложение, трактовка, изложение, переконструкция. И с таким решением и подходом согласиться трудно.

х х х

«Не мысля гордый свет забавить» П. А. Плетневке

Это посвящение к «Евгению Онегину». Переведено прилежно, аккуратно, вполне в духе оригинала. «Поэзии живой и ясной, высоких дум и простоты» – «Асқар ой-дан, сөзден тақ-тақ, ойнақы, айқын ақындықтан». «Ума холодных наблюдений» – «салқын ақыл байқауымнан».

Все передано старательно, точно, но все же некоторая скованность, насильственная притяннутость чувствуются.

х х х

**Не пой, красавица,
при мне...**

1828

**Жырлама, сұлу,
мен барда...**

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной, –
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Тілегім сенен, сұлуым,
Жырлайтын жырды Грузин
Мен барында жырлама
Өртеп жанды алады
Ол жыр еске салады
Ұмытқанды біржола.

Цитирую перевод по сборнику И. Джансугурова 1958 года издания. Насторожился сразу же. Все стихотворение у Пушкина занимает 16 строк, у переводчика – 24. Каждое четверостишие он перевел шестистишием. Четкая рифмовка оригинала обернулась в переводе более разболтанной, свободной формой. Да, ритм, интонация, пожалуй, присутствуют, и лексическое соответствие в какой-то мере соблюдено. Но для понятия «перевод» этого маловато. Уж коли каждая строфа «удлинена» на две строчки, то, естественно, переводчику пришлось вкрапливать свои слова. Это видно из обратного дословного перевода: «Мое желание, красавица моя, / Поющая песни Грузии, / При мне не пой, / Душу обжигает, / Та песня напоминает / Забытое навсегда». Как видим, строк стало больше, а потерялись: «печальной», «другая жизнь», «берег дальний». Многовато для одной строфы. Во второй строчке слово «Грузин» в целях сохранения стихотворного размера и в соответствии с законом сингармонизма приходится произносить: «Гурузин» или «Гырузин».

Увы! Напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы.

Ол жыр еске саларды:
Улы сенің әніңді
Айлы түнді ай дала
Алыс қалған асықты.
Адыра қалған жастықты
Қалған қарап айнала.

У Пушкина все более лапидарно, четко, прозрачно и объемно. У него то «песни», то «напевы». У переводчи-

ка – жыр и эн. «Жестокие» в переводе – улы (отравленные), вместо «бедной девы» – «оставшаяся вдалеке любовь, сокрушенная младость». С этим можно, пожалуй, согласиться, но все явно размазано, разжевано, размыто.

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю.
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.

Мен бір нәзік үреймін
Токсан толғап түлеймін.
Сені көрсем – ұмытам...
Бірақ сен эн саласың
Сүйтіп мазамды аласың
Ұмытқанды шұбыртам.

Досадно. Переводчик явно чего-то не понял, не вник в синтаксис предложения. В оригинале ведь по прозаическому смыслу так: «Я, тебя увидев, забываю тот призрак милый, роковой». Переводчик понял по-иному: «Я – призрак нежный, я, меняясь, по девяносто раз обновляюсь, тебя увидев, забываю... Но ты поешь, и таким образом меня будоражишь (волнуешь), и прошлое роем проносятся». А ведь в оригинале не совсем так, вернее, совсем не так.

Заключительная строка:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Тілегім сенен, сұлуым,
Мен барында Грузин
Қайғылы жырын жырлама
Өткенімді жандырма,
Өлгенімді тірілтпе
Жырлаймын деп улама.

«Печальной». наконец, обнаружилось в этой строфе – «қайғылы». А вот «другая жизнь» и «берег дальный» заменены: «Потухшее не воспламеняй», «Умершее не оживляй», «Пением своим не отравляй». Что тут скажешь? Может, и близко, да не то. Пропали интонация, шарм, настрой. Получилось многословное переложение. Вот обратный перевод последней строфы: «Мое желание, моя красавица, / При мне Грузии / Печальной песни не пой. / Угасшее не воспламеняй, / Умершее (мое) не оживляй, / Песней своей не отравляй (не трави)».

Аж расстроился. Вздыхнув про себя, подумал: «Может, это черновик? Проба? Вариант?»

По поводу чего написан этот лирический шедевр? Вот как комментирует его пушкиновец Т. Цявловская: «Обращено к Олениной, бравшей уроки пения у Глинки. Грузинская мелодия, которую она напевала, была привезена с Кавказа Грибоедовым и использована Глинкой в его романсе на эти стихи. Пушкин вспоминает в стихотворении о своем пребывании летом 1820 г. на Северном Кавказе в семье Раевских. Далекая бедная дева – вероятно, М. И. Раевская, которая, став женой декабриста С. Г. Волконского, поехала за ним на каторгу в Сибирь. Вслед за первой строфой в рукописи была еще одна:

Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.

Было ли это известно казахскому поэту? Не знаю.

... Как же я обрадовался, встретив в трехтомнике казахского Пушкина (1936) совсем другой вариант перевода этого стихотворения! Обрадовался, потому что, на мой взгляд, он лучший, точный, выразительный, и здесь 16 строк, а не 24, как в предыдущем варианте. Вот этот текст:

Жырлама, сұлу жанымда
Грузиннің мұн жырын,
Түседі еске бұл жырда
Алыс жак, бір өмірім.

Айлы түнді, даланы,
Сонда сорлы қыз өңін,
Аһ, есіме салары
Өртеп мені бұл әнің.

Тәтті тағдыр үрейін
Сені көріп, ұмытсам,
Көз алдымда көремін
Сен бұл әнді шырқатсаң.

Жырлама, сұлу, жанымда
Грузиннің мұн жырын,
Түседі еске бұл жырда
Алыс жак, бір өмірім.

Подстрочно:

При этой песне вспоминаются
Далекий край, другая жизнь.

Ах, напоминает мне,
Сжигая меня. твоя песня.

Страх сладкой судьбы,
Тебя увидев, забываю,
Вижу перед своим глазами,
Когда поешь ты эту песню.

Совсем другое дело! Это и есть настоящий перевод! Преимущество второго варианта очевидно: все на месте – и ритм, и интонация, и настрой, и мелодичность. и

форма рифмовки (абаб). и лексический материал. и созвучие строф. и соразмерность. Чуткий, бережный. добротный, проникновенный перевод поэта Ильяса Джансугурова.

х х х

На этом завершаю свой, может, затянувшийся анализ перевода двадцати девяти стихотворений А. С. Пушкина, осуществленный Ильясом Джансугуровым. Неискушенному, равнодушному, не владеющему языками читателю все это, допускаю, может показаться нудным и тяготящим, дотошным и малозначительным. Не стану доказывать обратное. Убежден: труд выдающегося казахского поэта, отдавшего столько сил, энергии, времени и таланта на озвучивание творений русского гения на казахском языке, стоит, конечно, внимательно, пристального и доброжелательного рассмотрения.

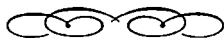
Мы увидели, что переводы получились неоднозначными. Есть блестящие, вдохновенные, вполне соразмерные, достойные оригинала переводы: есть переводы проходные, посредственные, приблизительно сработанные; встречаются и неуклюжие, неубедительные, сомнительные. Как бы там ни было. Ильяс Джансугуров стоял у истоков поэтического перевода Пушкина на казахский язык. И в то время лучше его никто это не сделал. Некоторые его переводы не потеряли своих достоинств и поныне. И в этом – суть.

Октябрь 2000 г.

«ПОГОВОРИМ
О СТРАЩНОСТЯХ ЛЮБВИ...»

«ГАВРИИЛИАДА»

в переводе Ильяса Джансугурова

Так все и было. Как говорится, ни прибавить, ни убавить. Из разных критико-биографических источников я, конечно, знал, что у Пушкина есть произведение под названием «Гавриилиада», но читать его мне долгие годы не доводилось. Ни в школе. Ни в институте. Более того, ни в одном доступном мне до поры до времени пушкинском издании я этого произведения не встречал. Оно было как бы окутано флером таинственности и непристойности. Ну, нет так нет. Специального интереса или рвения с моей стороны тоже не последовало. Впервые прочитал «Гавриилиаду» в Байкадамской глуши Джамбулской области, где после института преподавал в местной школе русский язык и литературу. У кого-то в гостях случайно попалось изрядно потрепанное многотомное собрание сочинений великого русского поэта. И пока гости после обильного бесбармака в ожидании чая резались в карты, как это было принято в те далекие годы, я в углу на удобном домо-

тканном паласе с нетерпением, одним махом проглотил всю поэму. Впечатление было радостное, светлое, возвышенное. Поневоле вспомнилось: «Ай да Пушкин!» Как ловко, как игриво-витиевато, волнуяще поведал он о странностях любви! Какие слова, образы, сравнения он нашел в том, что в наше время и в нашей среде не приличествовало говорить! На память приходили слова Абая: «Қиыннан қиыстырар ер данасы» – «Лишь гений истинный сплетает речь в узор». Как можно было так ловко и искусно, как бы озуруя, забавляясь, все это сплести – высокие религиозные мотивы, библейские сюжеты с юмором, игривой насмешкой, с земной страстью на грани почти дозволенного!

Такого Пушкина мы, аульные грамотеи, просто не знали. Такого Пушкина нам не преподносили даже на литфаке педагогического института. В то суровое, жестко регламентированное время, когда мое поколение училось и воспитывалось, такой Пушкин был под табу.

В казахской поэзии, по крайней мере, которой нас пичкали, подобное вообще не приходилось читать. Самые раскованные эротические строчки мы находили в поэзии Абая. Я в то время и не подозревал, что существует перевод «Гавриилиады» на казахском языке. А между тем он существовал. Он, перевод, возник еще тогда, когда я едва встал на ноги в буквальном смысле в родном Поволжье. Потом переводчика этой раскованной, фривольной поэмы расстреляли (понятно, не за этот перевод), и выросло поколение, ничего не ведав-

шее о нем. Потом этот перевод вошел в пятитомник реабилитированного казахского поэта. Но и это издание странным образом минуло меня.

Ужасно, конечно. Постыдно даже. Непростительно. Но, что делать, так получилось.

И когда дочь переводчика «Гавриилиады» принесла мне ксерокопию поэмы, включенной в трехтомный казахский сборник Пушкина, увидевший свет в жутком 1937 году еще на латинице, я вспыхнул от радости и неожиданности. Мне не терпелось скорее узнать, как же воспроизвел эту поэму Ильяс Джансугуров на казахском языке, какие же он мог тогда, в середине 30-х годов XX века, найти адекваты, достойные образные выражения, поэтические соответствия этому столь игривому, шаловливому, лукавому, дерзкому до богохульства, бесшабашному, откровенно эротическому, исполненному опасных откровенностей и намеков, может, даже непристойностей с точки зрения ханжи тексту.

Учитывая множество библейских параллелей, удревленных христианских выражений и понятий, я, имеющий какое-никакое отношение к художественному переводу, все же очень даже сомневался в возможности переложения «Гавриилиады», несмотря на всю выразительную мощь и богатство казахской языковой стихии.

Тем приятнее было ощущать, как при чтении «Жебірейілнама» развеялось большинство моих сомнений.

Теперь чтобы подготовить читателя к предстоящему сравнительному анализу перевода «Гавриилиады»

на казахском языке, выполненного Ильясом Джансугуровым, необходимо дать, думаю, кое-какие исторические сведения о создании этого произведения и о тех драматических перипетиях, которые преследовали его.

Поэма, совершенно ясно, написана молодым Пушкиным. Казахстанец Константин Гайворонский в 1998 году опубликовал свою книгу – повесть-эссе – «Поговори мне о себе» (А., «Фылым»), изобилующую любопытными, свежими фактами и оригинальными, нестандартными суждениями о жизни и творчестве великого русского поэта. К. Гайворонский, рассуждая о «Гавриилиаде» и ее драматических для автора последствиях, делает ссылку на публикацию В. П. Гурьянова, обнаруженную в книге «Пушкин. Исследования и материалы» (Т. 8. Л., 1978). Вот эта важная для нашей темы ссылка: «Будучи вопрошаем Правительством, я не посчитал себя обязанным признаться в шалости, столь же постыдной, сколь и преступной. Но теперь вопрошаемый прямо от лица моего Государя, объявляю, что «Гавриилиада» сочинена мною в 1817 году.»

Таково признание самого Пушкина, датированное им 2 октября 1828 года (см. в книге К. Гайворонского, стр. 126). Известный пушкиновед С. М. Бонди (см. его примечания к «Гавриилиаде» в кн.: А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10 томах, т. III, ГИХЛ, М., 1960) утверждает: «Пушкин написал эту поэму в апреле 1822 г., не закончив еще работу над «Кавказским пленником». Рукописи «Гавриилиады» Пушкин уничтожил, и текст ее из-

вестен нам по не вполне достоверным копиям. отчего некоторые стихи вызывают сомнение в их правильности» (стр. 498).

В тех же примечаниях С. М. Бонди еще раз подтверждает дату написания скандальной поэмы – 1821 год: «В 1828 г., через семь лет после написания поэмы, Пушкину пришлось пережить большие неприятности из-за нее. Один из списков «Гавриилиады» был представлен петербургскому митрополиту, который передал это дело, как весьма важное в государственном отношении, в Верховную Комиссию, решающую все важнейшие дела в отсутствие Николая I, который был в это время в действующей (против турок) армии. Комиссия обратилась к Пушкину с вопросом, им ли написана эта поэма, и потребовала ее рукопись» (стр. 500).

Я привожу эти пространные цитаты, чтобы показать, объяснить читателю, откуда весь сыр-бор вокруг этой поэмы, кажущейся нам столь невинной и непринужденной, может, даже забавной безделушкой. Друг Пушкина Вяземский воспринял «Гавриилиаду» тоже как «прекрасную шалость». И сам Пушкин в своей объяснительной записке прибегает к этому слову – «шалость», правда, определяя ее тут же как «постыдную и преступную».

В чем же дело? А в том, что поэтически раскрывая странности любви, Пушкин затрагивал весьма опасные религиозно-политические мотивы, шутливо-эротически (очень смело и дерзко) пародировал священные в сознании христиан эпизоды из Евангелия и Библии, то есть,

он вольно или невольно, сознательно или несознательно, по игривости ума и настроения предал насмешке, ёрничеству официальную идеологию, святую веру христианства. Иначе говоря, как пишет К. Гайворонский. «брошена тень на официальную идеологию, высмеян сам Бог-отец, в ярких эротических красках изображена мать Иисуса Христа... Подобное надругательство над святынями едва ли можно отыскать в мировой литературе» (Там же, стр. 122).

Отыскать, наверное, все же можно. подумал я сейчас, вспомнив драматическую историю со скандальными «Сатанинскими стихами» Салмана Рушди, разразившуюся в наше время. Ситуация, мотивы все же в какой-то степени, по-видимому, схожие.

Пушкиновед С. М. Бонди усматривает в «Гавриилиаде» «своего рода политическое выступление против новых методов, применявшихся правительством Александра Первого в борьбе с освободительным движением: на помощь этой борьбе были призваны религия и мистика». Не знаю, не знаю... Почему-то мне трудно поверить, чтобы 17-летний (или 21-летний) Пушкин, сочиняя «Гавриилиаду» в один присест, ставил перед собой столь грандиозные, непомерные идеологические и политические цели и задачи. В тех же примечаниях С. М. Бонди полагает, что поэма Пушкина направлена «одновременно и против религии, и против ханжеской морали». Вполне допускаю. Но опять-таки зачем надо было столь молодому поэту выступать против религии вообще? Против ханжеской морали – да, вполне

может быть. И все же, чудится мне, для юного, пылкого поэта, сочинителя «Гавриилиады», на первом плане были «странности любви», а все остальное – нечто попутное.

Но почему Пушкину пришлось пережить в 1828 году большие неприятности из-за этого сочинения?

Митрополит Серафим, прочитав поэму, пришел в негодование и обратился в Верховную Комиссию: «Я долгом своим почел прочитать сию поэму, но не мог ее всю кончить. Ибо она исполнена ужасного нечестия и богохульства... Поистине сам сатана диктовал Пушкину поэму сию! И сия-то мерзостнейшая поэма переходит из рук в руки молодых благородных юношей. Какого зла не может причинить она, тем более, что Пушкина выдают нынешние модные писатели за отличного гения, за первоклассного стихотворца» (цит. по книге К. Гайворонского, стр.123).

Скандал разрастался. Тучи сгустились над головой Пушкина. Поэтическая шалость юных лет обошлась ему дорого. Митрополит Серафим в ярости. «Гавриилиаду» рассматривает Верховная Комиссия. Недоволен царь Николай Павлович. Пушкин растерян, озабочен. Он отрекается от своего авторства, пускает слух, что это сочинение покойного князя Дмитрия Горчакова. Пушкина по велению царя допрашивает граф Толстой. Сам царь понимает и сознает, что «Гавриилиада» – творение Пушкина, но в конце концов проявляет великодушие и милость, накладывая на отчет графа Толстого резолюцию: «Мне это дело подробно

известно и совершенно кончено» (см. книгу К. Гайворонского, стр. 127).

На этом, собственно, и кончается драматическая коллизия причудливой «Гавриилиады». Известно также, что Пушкину было очень неприятно впоследствии само упоминание об этом его творении, и он – как пишет С. М. Бонди – даже собирал и уничтожал его списки (см. указанные примечания, стр. 501).

К счастью, история оказалась благосклонной к русскому гению и «Гавриилиада» его стала достоянием разноплеменных потомков.

х х х

Обратимся, наконец, к сопоставительному чтению и анализу русского и казахского текстов «Гавриилиады» – «Жебірейілнама». Изложенное выше должно подчеркнуть смелость и решимость выдающегося казахского поэта, взявшегося за перевод столь сложного для воспроизведения на иносистемном, иноструктурном языке произведения.

Вслушаемся в первоначальные строки, приглядимся к ритмике, к стилистике, к набору слов.

Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное смятенье.

Бұл шыным, жебірейдін жас сұлуын
Ақтауым керек, жанын құтқаруым.

Приди ко мне, прелестный ангел мой,
И мирное прими благословенье.

Періштем көркі көркем, кел жаньма
Ал қабыл, алғыстаған дұғам мұным!

Царю небес и господе Христу
Пою стихи на лире богомольной.

Аспанның Алласына Айсаменен
Жалбарып, аят үндес айтам өлең.

Уже эти строки свидетельствуют о переводческом ключе, подобранном Ильясом Джансугуровым к «Гавриилиаде». И снова переводчик прибег к испытанному казахскому одиннадцатисложнику. Русская форма рифмовки – абаб; в переводе – ааба. Лексический состав оригинала сохраняется бережно и по возможности точно. Тщательно подыскиваются адекватны даже к самым сложным понятиям: «мирное благословенье» – «алғыстаған дұға»; «прелестный ангел мой» – «Періштем көркі көркем»; «Христос» – «Айса»; «царь небес» – «Аспанның Алласы»; «пою стихи на лире богомольной» – «Жалбарып, аят үндес айтам өлең». Точнее, образнее, доступнее казахскому слуху, наверное, сказать трудно.

Смирных струн, быть может, наконец
Ее пленят церковные напевы.

Ішектің қоңыр сазы, бәлкім, жетер,
Шіркеудің мұнажаты көңілін ерітер.

Подчеркнутые слова, конечно, представляют трудность для перевода, но казахский поэт преодолевает их с достоинством. Вот описание девицы Марии:

Шестнадцать лет, невинное смиренье,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...

Момақан, кұнадан пақ, он алты жас,
Меруерт тіс, сүйкімді аяқ, қоңырқай қас,
Көкіректі көтеріңкі көрсеткендей
Қозғалар қос қыз алма болар-болмас.

Вчитывайтесь. Сравнивайте. Сопоставляйте. Все сохранено. Все прелести на месте.

Правда, «нога любви» превратились в «милые» (прелестные, красивые) – буквально это по-казахски и не переведешь: два девственных холма – в парные девицы (невинные) яблоки; упругое движение – в движенье едва-едва, едва заметное. А третья строка типично казахская, аллитерационная: кө-кө-кө. Это так свойственно природе казахской поэтики, казахским пословицам и поговоркам, казахскому шешенскому (ораторскому) речестрою.

В тексте много библейско-возвышенных слов, понятий, реалий, которым трудно подобрать адекват в казахской языковой стихии, но переводчик искушен, находчив, знающ. В казахском тексте появляются,

уместно вкрапливаются «құддыс», «уәсуәса», «әзезіл» – слова религиозно-мифической окраски, явно арабского происхождения.

И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его.

Сплошь лукаво, игриво; сплошь намеки, иносказания. Эвфемизмы, фривольности. Попробуй это передать по-казахски, не впадая в прямолинейность, в грубость, в откровенную пошлость. Но переводчик оказывается достойным оригинала, сумел передать смысл, дух, игривость, сохранив все изящные намеки.

Сорлы гүл, тағдыр жазған орын ерек
Жаңа, жас сабағында жарымап ед,
Жалқау ер ескі тозык құмғанымен
Ертеңгі мезгілінде суғармап ед.

К сокращенной (усеченной) форме глагола («еді» – «ед») поэт Ильяс прибегает часто и в переводах, и в своих оригинальных творениях. В литературном языке обычно это стараются избегать. Подобные формы – прерогатива устной, разговорной речи. Но многие казахские поэты – в том числе Магжан, Ильяс – пользовались ими и в письменной поэзии. Не стану здесь при-

водит множества примеров, надеясь, что читатель поверит мне на слово.

Уже поля немая речь объемлет;
В своем углу Мария сладко дремлет.
Всевышний рек, — и деве снится сон:
Пред нею вдруг открылся небосклон.

Күн батты, мылкау бір тун жерді басты,
Мария тәтті ұйқыға араласты.
Аладан әуез келді — түс көрді қыз
Алдынан аспан әлем пердені ашты.

Все точно – строка в строку. Не только по смыслу, но и по внешним формальным признакам. В оригинале глагольная рифма «объемлет – дремлет», и в переводе та же глагольная форма – «жерді басты» – «араласты». Рек – «әуез келді» – несомненно, находка. «Открылся небосклон» – «аспан әлем пердені ашты», т. е., «ширь неба открыла завесу». Все сохранено: и смысл, и форма, и эстетическое воздействие. И магическим образом достигнуто это казалось бы простым перекладом слов строка в строку. Такое удается только мастеру.

Правда, не совсем уверен, что Всевышний и Алла́ в данном случае одно и то же, но и спорить не берусь.

А вот еще религиозно-библейские реалии. Какой же тут нашел выход переводчик?

Тьмы **ангелов** волнуются, кипят,
Бесчисленны летают **серафимы**,
Струнами арф бряцают **херувимы**
Архангелы в безмолвии сидят.

Подчеркнутые слова – атрибуты христианской религии. Как их озвучить по-казахски? И эту задачу переводчик решает с блеском. И, кажется, без труда, естественно.

Қайнасты періштелер, дуылдасты,
Күй тартып Мекайілдер жыр жырласты,
Сансыз көп Ысрапілдер канат қағып,
Тырп етпей Әзірейілдер күй тындасты.

Вообще, насколько я знаю, казахский язык удивительно богат на эмоционально окрашенные глаголы. И любое тончайшее «русское» движение в состоянии найти свой адекват при переводе.

Кипят – қайнасты.
Волнуются – дуылдасты.

Эти казахские глагольные формы еще более богаты оттенками, нюансами, внутренним многообразием действия, нежели их оригинал.

«Қайнасты» – не просто «кипят», а как бы «бурлят», «вскипают», «сами себя доводят до кипения», «до кипения возбуждают себя». «Дуылдасты» тоже богаче, чем «волнуются». Это еще и «гудят», «заводятся», «ликуют», «балдеют». Все эти нюансы обогащают, расцвечивают, оживляют картину «во глубине небес необозримой».

Нашли свое точное обозначение по-казахски и библейские обитатели небесной сферы:

Серафимы – Ысрапiлдер,
Херувимы – Мекайiлдер,
Архангелы – Эзiрейiлдер.

Чтобы убедиться в их соответствии, достаточно, полагаю, полистать кое-какие старинные священные книги, переложенные с арабского.

Все пали ниц ... Сәждаға перiштелер койды басты.
Умолкли арфы звоны...

В самом деле, как же быть с арфами? Нет ведь их в казахском языке. Чем заменить? Не домброй же. Переводчик находит такой выход:

Жым болып арпа-қобыз үнiн басты.

Передав арфу на казахский лад – «арпа», переводчик через дефис уточняет ее **қобызом**, намекая на определенный музыкальный инструмент, вполне понятный, доступный казахский гибрид и одновременно «усиливает» глагол «умолкли», эффектно используя богатство глагольных форм в казахском языке. «Жым болып үнiн басты» – не просто «умолкли», а «мгновенно затихли, задавив звук», и это еще выразительнее передает поведение верных слуг Аллаха перед его появлением.

И как же ведет себя Мария перед внезапным появлением Всевышнего?

Склонив главу, едва Мария дышит,
Дрожит как лист и голос бога слышит.

Переводчик с блеском воссоздает всю напряженность ситуации.

Мария дем алады азар-азар,
Алдына мойын сұнып, иіп басты.
Тігіреп жапырақтай тыңдайды әуез,
Аспаннан алла сөзін құлаққа асты.

Видно, при переводе «Гавриилиады» поэт Ильяс ощущал себя более раскованно, более свободно, не загонял себя силком в формальные рамки оригинала, не следовал строго букве, а давал себе волю в воспроизведении художественно-эстетической значимости стиха, чувствуя себя не рабом, а соперником.

Душевное состояние Марии при появлении Всевышнего переводчик слегка расширил, расцветил в соответствии с казахским пониманием и восприятием. Дабы пояснить это русскому читателю, позволю себе дать обратный подстрочный перевод:

Мария дышит едва-едва,
Смирненно перед ним склонила голову,
Дрожа, как лист, вслушиваясь в звуки (в мотив, мелодию),
В слова Аллаха в небе, развесив уши.

Разницу с оригиналом внимательный читатель заметит, так сказать, невооруженным глазом. «Голос бога слышит» – скорее, констатация, факт, а не душевное состояние смиренной девы. И потому в переводе она не

просто слышит, а вслушивается, внимает, «навешивая на уши слова» Творца – точнее, даже не «слова», а «руэз», то есть, «звуки». «мелодию», «молвь» Всевышнего. Мне кажется, в таком перекладе оригинала есть не только резон, но и психологический выигрыш.

Всевышний, как и положено ему, обращается к деве Марии возвышенными словами:

Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовию пылая,
Причастница ты славы будь моей:
Готова будь к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей рабыне.

В таком же торжественном, возвышенном, даже высокопарном стиле говорит «Алла́» и в казахском варианте:

Сұлуы сүйген қыздың, жер сұлуы
(«Дев возлюбленных краса, земли краса»)
Жебірейдің жас үміті, жердің гүлі
(«Евреев надежда молодая, земли цветок»)
Шақырам сені, пендем, өзімдік бол;
(«Зову тебя, рабыня, будь моей»)
Отымен махаббаттың өртеп сені
(«Огнем любви тебя сжигая»)
Әзірлен ғаибана тағдырына
(«Готовься к предопределенной тебе судьбе»)
Құлына күдіреті үйленеді.
(«На рабыне женится божество»)

Читаем дальше:

Открыв уста, сложив умильно руки,

Лицу небес Мария предстоит.

Қусырып нәзік қолын, аузын ашып,

Мария маужырап түр көріп бәрін.

Опять-таки выигрышные определения к Марии: «истомленная», «разомлевшая».

А каков архангел Гавриил?

Пернатый шлем, роскошные уборы,

Сиянье крил и локонов златых,

Высокий стан, взор томный и стыдливый –

Замечен он, один он сердцу мил!

Мамық тәж, көз тұндырған көркем киім,

Жарқылдақ қанаттары, алтын бұрым.

Шынар бой, көлгір, ұяң көз қарасы,

Ұнатып түр Мария барлық түрін

Түсті көз, жалғыз-ақ қыз көңілінде.

Нет потерь в переводе, разве кроме эпитета «молчаливой».

... Волшебный фонарь – сикырлы шам.

... И нежилась на ложе в томной лени...

...Манаурап оянды азар атқан таңда.

Господь-Бог у Пушкина тот же грешный человек. «Глас мучительных страстей» знаком и ему. И его, бессмертного, охватила любовь.

И ты, Господь! познал ее волнение
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло все творенье,
Наскучило небесное моление, –
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: "Люблю, люблю Марию..."

Ей, алла! Біздің Мария толқығанын
Тәңірім-ай, так біздердей жалындадың,
Суынды барлық дүние жаратқанға
Тыңдамай көңілісіз көк дұғаларын –
Шығарып сүю аят қыз жырларын
Жырлады: "Сүйем, сүйем Мариямім!"

Просто диву даешься, как почти точно переводя слово в слово, строку за строкой, Ильяс Джансугуров умудряется соткать из словесного набора дивную поэзию, адекватную по всем параметрам пушкинской.

Вчитываясь в эту строфу, я обнаружил одну лишь потерю – «громко». Но и это слово встретилось не-сколькими строками позже – «**Айқайлап**, әнге салып айта берді».

«Творец любил восточный пестрый слог»...

«Шығыстың шұбар сөзін, мұнды сазын
Ежелден ұнатушы ед алла тегі»

Замечу: в восточном пестром слогe знал толк не только Творец, но и казахский поэт Ильяс Джансугуров, что он блистательно доказал при воссоздании «Жебірейілнама».

Характеристику Гавриила переводчик вплеl в текст перевода. У Пушкина:

Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив.
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.

У Джансугурова:

Ойында періштенің өзге бір жік,
Жебірейіл жылпың, епті, сегіз қырлы.

То есть, «Гавриил вертляв, ловок, восьмигранен».

Что делает Мария? Где она?

Иосифа печальная супруга?

Қосағы Жүсіп шалдың мұнды Мария
Ол қайда? Істейді екен не шаруа?

... Огонь лукавых глаз ... – Отты көзі жалтылдаған.

... Марии простодушной – Ақкөніл Мария.

... Ева – Қауа Ана.

Вот еще одно примечательное место, характеризующее талант и находчивость переводчика.

Подумала и ухо приклонила,
Забыв на час любовь и Гавриила.
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою шею,
С ветвей скользит – и падает пред нею.

Ойланып қалды-дағы койды құлак
Ұмығып махаббатты Жебірейілден,
Мойын иіп, құйрық серпіп, етіп кайқан
Бұтақтан сұман қағып түсті сайтан,
Лып түсіп, қыз алдына сылқ-сылқ күліп.

Прошу читателя обратить внимание на подчеркнутые глаголы и глагольные формы. Как видно, у переводчика больше движения, экспрессии; действия лукавого беса-искусителя более динамичны. Переводчик прибегает к эмоционально насыщенным формам глагола, что заметно оживляет картину. В оригинале бес «согнув дугою хвост, с ветвей скользит и падает перед нею», в переводе сайтан «изгибая шею, дернув хвостом, резко выгибаясь, извиваясь, слез с ветвей и ловко опустился перед девой, похихикивая». Более развернутая, зримая картина, не так ли?

Поделюсь еще некоторыми замечаниями по ходу сопоставительного чтения.

Моисей в переводе на казахский язык, конечно. Мұса..

Но я, поверь, – историк, не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

Құдайдан пайғамбарлық шен алам ба,
Болды деп көпірткенде болмағанды!

Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых.

Сүйісіп серуендеді, ішті, желі
Күндізгі – күнде шаршап есінеді,
Қызық жоқ, құмары жоқ – түні селсок.

И здесь, при переводе этой поэмы, Джансугуров часто прибегает к усеченным формам глагола, которые в письменной казахской речи у меня, например, вызывают устойчивое неприятие: «отқа жағат» (вместо «жагады»), «бәрін бағат» («багады»), «қып» («қылып»), «қасын қағад» («қагады»).

Описывает падение Адама и Евы, их первородный грех, но Адам в переводе написан с маленькой буквы (адам) и потому воспринимается как человек, вообще человек, а не как конкретная личность – праотец Адам.

Адам искал восторгов упоенья...

Аймалап епсіз, үнсіз адам қолын

Адам искал восторгов упоенья,

Неистовым исполненный огнем.

Он вопрошал источник наслажденья

И, закипев душой, терялся в нем...

В казахском языке оказалось достаточно художественно-выразительных средств, чтобы достойно и высоко воссоздать эту сцену.

Шаттықтың шын үмітін іздейді адам,
Жас жардың жалаңашын ол да сезді,
Қомағай өртпен күйіп жалындаған
Көмейін ләззатінің табуға адам
От қаны, өрт жанымен кетті шөгіп,
Ішіне рақатының тауып алған.

Поясним некоторые казахские выражения: «ләззаттың көмейі» – горловина наслаждения, улады – переводческая находка. Это тоньше и образнее пушкинской «меж милых ног супруги молодой». А «кетті шөгіп»... – опустившись на колени, ушел в уладу, найденную им (Адамом).

... Едва, едва устами шевелия – жыбырлап еріндері зорға ғана...
... в бесчувствии лежала – жатыр Қауа талмаураған (т. е., в неге, в бессознании, в обмороке).

Ярко эротическая сцена. И в описании любовной страсти казахский поэт оказался не только равным русскому гениальному собрату, но и вполне удачливым соперником.

Еще несколько параллелей для сопоставления.

И легкий перст касается игриво
До милых тайн...

Тигендей епті қолы жасырынға.

И томный жар, и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.

Талдырып шалған ыстық, алқынған дем,
Қоздырды Марияның қыз көкірегін.

Вскричала: ах!.. и пала на траву.

Ah! – деді ала құлап шөптің үстін.

Однако, довольно. Таких удачно переведенных мест можно привести множество. Убеждаешься: переводчик понимал толк в женщинах, в любви, в страсти. Евнух-переводчик, даже будучи искусным лингвистом, имитатором, вряд ли смог бы так сочно, так восторженно передать любовные сцены в «Гавриилнаде».

Ах, как была еврейка хороша!

Па шіркін, жаксы-ақ еді-ау жебірей қызы!

И в тот же миг лобзаньем заглушен

Невинности последний крик и стон.

Как эту сцену сочно расцвечивает переводчик! Какие находит краски и слова!

Айқасты көктен қару, жерден ару,
Қабысты жер менен көк, ләззат алу.
Сол минут аймалаудан кетті естілмей –
Пәктіктің соңғы даусы ыңырану...

Приведу еще одно место – несколько строк из сцены свирепой драки сатаны и ангела. Тут переводчик использовал всю преимущественно экспрессивных казахских глаголов. Вот к каким глаголам он прибегает: «сіресіп, сілтесіп жүр көкмайсада, андысып, әдіс тауып, тіресіп, шабысып аяқтары, қол қабысып, тастасып бірін-бірі дөңделенген».

Но, к счастью, проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.

Бақытына Жебірейілдің ынғай келген,
Шап етіп ұстай алды жанды жерден
(Тегінде төбелеске керексіз жер)
Сайтанның күна қылған мүшесінен.

Нет, ни в чем не уступает переводчик оригиналу. Он создал яркий, динамичный, в такой же степени лукавый, задорный, игривый ироничный поэтический текст на казахском языке, достойно отражающий все прелести «Гавриилиады». Пушкинская «Гавриилиада» и джансугуровская «Жебірейілнама» оказались равнозначными по всем параметрам художественно-эстетического уровня.

Октябрь 2000 г.

ЛЕРМОНТОВ

в переводе Ильяса Жансугурова

I

В одготомнике произведений Ильяса Жансугурова (1958) в разделе «Переводы» под рубрикой «Из Лермонтова» приведены шесть произведений великого русского поэта в переводе на казахский язык: «Ақынның өлімі», «Тұтқын», «Тұрмыс тостағаны», «Қанжар», «Тілек», «Шеркестер».

В первом томе пятитомника (1960) Ильяса Жансугурова опубликованы те же переводы за исключением одного произведения: отсутствует «Шеркестер», но включен «Жыр». Одно стихотворение («Тутқын») приписано Лермонтову ошибочно, по недоразумению (видно, издательский или редакторский ляп). О том речь пойдет ниже.

Рассмотрим пристальнее эти переводы.

II

Наиболее значительным, полагаю, является перевод знаменитого творения Лермонтова «Смерть поэта», написанного в 1837 году по поводу гибели Пушкина. Напомню начальные строфы в оригинале и переводе:

Погиб поэт! – невольник чести
Пал, оклеветанный молвой.
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!

Ақын өлді! – ардың құлы құлады,
Өсек, жала, ғайбатпенен былғанды.
Көкірегінде оқ, кектің оты шөлімен
Менмен басын иді-дағы сұлады.

За почти сто семьдесят лет, прошедших с написания этого стихотворения, несколько поколений читателей в такой степени привыкли к этим огненным строкам, что кажется по-другому сказать о гибели русского гения просто невыносимо. Эти слова, вырвавшиеся из души юного поэта в одночасье, сумели точно, выразительно, ёмко передать боль, ярость, гнев, горечь, отчаяние каждого гражданина, кто в состоянии был почувствовать, ощутить всю безмерную утрату.

Следовательно, главная задача переводчика – по-сильно передать именно это душевное состояние, этот дух, сконцентрировавшие предельную экспрессию, гнев и презрение к палачам «Свободы, Гения и Славы». В конце концов перевести более-менее аккуратно и точно лексический материал, из которого соткан, сотворен шедевр, – далеко не главное, адекватных слов-кирпичей можно найти, думаю, едва ли не во всех языках мира: самое важное, естественно – передать интонацию, ритм, настрой, накал, составляющие суть произведения.

Поэт Ильяс Джансугуров это, несомненно, прекрасно понимал.

Мой переводческий и исследовательский опыт показывает: если верно уловлены дыхание, размер, интонация первой строки, первой фразы, первой строфы, то это, как правило, – залог дальнейшей удачи, наиболее адекватной передачи оригинала на другом языке.

Четырехстопный пермонтовский стих с рифмой абаб хорошо и естественно ложится на казахский традиционный одиннадцатисложник. Дыхание, размер оптимально соответствуют оригиналу и дают простор для более объективного использования и расположения лексического материала.

Обилием глаголов переводчик достигает большего напряжения, движения, экспрессии. В оригинале: погиб, пал, поникнув. В переводе: умер («өлдi»), упал («құлады»), замарался («былғанды»: в смысле замарался ложью, клеветой, наветом), поник («идi»), рухнул («сұлады»).

Вторая строфа звучит в переводе еще энергичнее. Чувствуется, что казахский поэт охвачен гневом, болью, яростью, возмущением оригинала, душа его также содрогнулась перед гибелью русского собрата.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

Майда қорлық, масқарасын, күңкілді
Көтермеді ақын жаны, жеркенді.
Қарсы шапты жеке дара қауымға,
Ол ежелден еді жалғыз – өлтірді

Совершенно очевидно: казахский одиннадцатисложник дает переводчику большой простор, при воспроизведении лексического материала остаются пустоты, которые надобно – ради ритма и рифмы – заполнять уточняющими, поясняющими словами. Поэтому «позора мелочных обид» трансформируется в «мелкие издевательства, позор, сплетни», «не вынесла душа» – «не выдержала душа поэта, забрезговала»; «один» (восстал) – «совершенно в одиночку»; «один, как прежде» – «он искони был одинок». Эти лексические трансформации, расхождения, разночтения вполне в духе оригинала, смысла не искажают, а по-казахски звучит это вполне достойно, приемлемо, логично.

Ради справедливости должен, однако, сказать, что рифмы в первых строках не очень убедительные. Приблизительные: «Құлады – былғанды – сұлады», «күңкілді – жеркенді – өлтірді». Для казахской версификационной техники это серьезный изъян. Видно, ради интонации, смысла переводчик был вынужден поступаться «чистой» рифмовкой. Неискушенному читателю это, может, и не особенно заметно.

Однако, в третьей строке перевода с рифмовкой что-то уж явно неладно. Допускаю: что-то могли напутать позднее составители или редактор. В одиннад-

цатисложнике четвертая строка не рифмуется ни со второй, ни с первой, как это традиционно положено: «сыктау не – мақтау не – жандырған». Поэту Ильясу это не свойственно.

Не вы ль сперва так злобно гнали

Его свободный смелый дар,

И для потехи раздували

Чуть затаившийся пожар?

Оны өлтірген арсыз, кансыз сүм жендет,

Салкын канмен салды соккы болды мерт.

Адекват последним двум строчкам оригинала не нахожу.

Переводчик не придерживается дотошного совпадения строк и строф. Он допускает смещения, переносы отдельных строк в другую строфу. Впрочем, в поэтическом переводе такое встречается сплошь и рядом, и это неизбежно.

Угас, как светоч, дивный гений,

Увял торжественный венок.

Қуаныштың гүлі солып қалды да

Даналықтың нұрлы шамы сөнді ғой.

В обратном переводе получается:

Радости цветок увял (и)

Светоч гения угас (ведь).

Вчитываемся дальше:

Его убийца хладнокровно
Навел удар – спасенья нет;
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.

Оны өлтүргөн арсыз, қансыз сұм жендет
Салқын қанмен салды сокқы, болды мерт!
Қуыс жүрек соғады тек жай ғана, –
Қалтырамай қолындағы пистолет.

С этого момента несоответствие размера оригинала и перевода все заметнее бросается в глаза. До этого места я был убежден, что одиннадцатисложник – наиболее оптимальный вариант для передачи духа подлинника. Теперь я уже не могу утверждать столь категорично. Одиннадцатисложник длиннее, он вынуждает поневоле прибегать к «дополнениям», «добавкам», к «разжевыванию», и из-за этого стих становится дряблее, энергия оригинала разжижается. Это видно из обратного перевода приведенной выше строфы:

Его убил бесстыжий, безродный, подлый палач,
Ударил хладнокровно, добил его!
Пустое сердце бьется просто ровно (спокойно),
В руке не дрогнул пистолет.

Конечно, убийца Поэта вполне заслуживает набор отрицательных эпитетов, но оригинал все же лапидарней и более упруг.

Вообще стих Лермонтова очень напряженный, нервный, прерывистый, размер его, интонация, дыхание

то и дело меняются, перебивка ритма происходит несколько раз.

Вслушайтесь:

... И он убит — и взят могилой.

Надрыв сменяет рассуждение, вопрошание:

... Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный?

И снова как бы захлеб коротко, резко:

Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело.

И тут же обреченная констатация:

Замолкли звуки чудных песен
Не раздаваться им опять...

Затем снова всплеск, ярость:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов.

И хлесткое, гневное, беспощадное, как приговор, заключение:

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Переводчик всю эту нервную, эмоционально-экспрессивную, многотональную интонацию втиснул в монотонно-повествовательно-эпический размер один-

надцатисложника, тем самым переначив рваный ритм оригинала. Исчезли нервность, возбужденность, клоко-чушая ярость. И только в одном четверостишии переводчик сменяет накатанный ритм и переходит, чутко почувствовав смену тональности в оригинале, на семисложник с перекрестной рифмой.

Замолкли звуки чудных песен
Не раздаваться им опять.
Приют певца утрюм и тесен
И на устах его печать.

Тыңды даусы әсем әні
Енді естілмес, жапты көр.
Ақын жайы тар, қараңғы
Ауызына басты мөр.

Передано все точно, верно, едва ли не дословно. Правда, последняя строчка для моего казахского слуха звучит несколько неожиданно, буквалистски, как калька. «Запечатанный рот» является ли в самом деле адекватом «и на устах его печать»?

56 строк оригинала до заключительных обвинительно-пафосных 16 строк переданы переводчиком 52 строками одиннадцатисложника.

Гневно-обличительное: «А вы, надменные потомки...» в переводе тоже как бы сникло, увяло. Сравните:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов.
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов.

Мазағы боп қорлағанның сор, бағы,
Құл табаны таптап тамұқ ұнтағын.
Аты шыққан азғындықпен атаның
Сендерсіндер әйгілі паң ұрпағы.

Попробую сделать – насколько это возможно – обратный перевод:

Став позором на горе и счастье униженных
Пятою рабскою затоптав порошок (прах) ада,
Прославленные подлостью отцов
Вы, известные гордецы-потомки.

Конечно, обратный перевод (дословный) коряв, но все же он обнажает недостатки в воспроизведении напористо, публицистически обвинительной интонации оригинала.

Обратите внимание на хлесткие, яростные, беспощадные строки оригинала :

Вы, жадную толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Ай, сендер-ай, такта түрған қорқау топ,
Бостандық, данқ, даналыққа жендет боп!

Все вроде как верно. И все же смущает это: «Ай, сендер-ай, шакаля стая (свора), стоящая у трона». Междометие «ай» здесь не столько осуждает, обвиняет, дерзит, сколько выражает нареkanie, досаду, упрек, вроде как: «Ах, уж вы...», «Ай-ай, что же это вы, шакалы у трона».

Не та интонация. Явно.

Таитесь вы под сению закона...

Тығылғандар қалқасына законнын...

Все верно, но смущает русский «закон» в казахском тексте.

А вот следующая строка прозвучала по-казахски и точно, и эффектно.

Но есть, есть божий суд, наперсники разврата.

Бірақ бар, бар тәңірі соты, қар қауым.

(Т.е.: но есть, есть божий суд, подлое племя (сборище)).

В заключительной строфе мое внимание привлекло выражение «құр далбас» в смысле «напраслина», «пустая затея». До сих пор я это слово знал лишь в форме «далбаса». Именно так оно употребляется и в казахской речи, и в литературе, и в словарях. А вот «далбас» то ли диалектная форма, то ли неологизм переводчика.

Можно, конечно, еще кое к чему придаться, но в общем и целом перевод передает букву и дух оригинала вполне прилично, достойно. Я даже не знаю, есть ли другие переводы. Наверняка есть. Или, возможно, есть. Но не о том сейчас речь.

III

Стихотворение «Кинжал» написано Лермонтовым предположительно в 1838 году. Оно привлекло еще внимание Абая, и он его перевел в 90-ых годах XIX века. Напомню для любопытства первую строфу оригинала и перевод Абая.

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный,
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.
Сүйкімді болат канжар, түрсін жайнап,
Ыстық, суық майданда шығады ойнап.
Грузин ашулы ұста кекке соккан,
Ер шеркес соғыс үшін алған қайрап.

Каждому, кто учился в казахской школе, знаком лермонтовский «Кинжал» по переводу Абая. Мы, учащиеся послевоенных лет, и не подозревали, что спустя четыре десятилетия, это стихотворение перевел Ильяс Джансугуров. Перевод Абая звучит по-казахски как кровное, родное стихотворение. Все ладно и складно, понятно и доступно.

Вот как эта строка звучит в переводе Ильяса Джансугурова:

Ұнатамын сүйкімді болат канжар,
Ақшыл, салқын жолдасым өзіме аужал,
Сені соккан грузин сақ ұстасы
Ер черкас қайраған тілеп жанжал.

Предлагаю любознательному читателю сравнить оригинал с двумя переводами. И там, и тут пятистопный стих передан испытанным и верным одиннадцатисложником. Трудно придраться к обоим переводам, но внимательный взгляд отметит, что по всем формаль-

ным признакам, по точности лексики. по порядку словосочетаний перевод Джансугурова все же ближе к оригиналу.

Мое внимание привлекло слово «аужал». Нечасто оно встречается в быту и в литературе. Означает оно по-казахски «қорек», «нәр», «азық», «талшық», по-русски – питание (необходимое для поддержания существования). пища (в минимальном размере), провиант (продовольствие). поддержка (крайне необходимое). Вот какими словами раскрывает переводчик сущность булатного кинжала – товарища светлого, холодного, верного. «Задумчивый грузин» стал «осторожным, бдительным» (У Абая: «гневным», «сердитым»). Свободный черкес точил его не для грозного боя, а «ища ссоры» (У Абая «для войны», «для битвы»).

Во второй строфе «лилейная рука» переведена «балауса қол» – «молодая», «юная», «нежная» рука («балауса» в главном значении означает «мягкая сочная трава»).

Обратим внимание на четвертую, заключительную строфу (кстати, в абаевском переводе стиха она отсутствует):

Ты дан мне в спутники, любви залог немой
И страннику в тебе пример не бесполезный.
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Сен сапарда бергенсің бейбіт өмір,
Бір-ақ жан-жақ қалдырған сенен көңіл.

Мен ауыр жан болайын, айындамайын,
Сен қандайсың? Қандайсың, достым темір?

Обратный дословный перевод:

Ты дал мне в спутники мирную жизнь,
Одному (одной) лишь омрачил ты душу.
Я буду твердым (тяжел душой), неизменчив,
Но ты каков? Какой же ты, друг железный?

Мы видим: при переводе произошла небольшая трансформация. Концовка перешла в другую плоскость. Герой не утверждает, что будет таким твердым («тверд душой») и неизменчивым, как кинжал («как ты, как ты»), а с сомнением вопрошает: сможет ли кинжал быть таким же твердым и неизменчивым, как он, герой. Немного не то, по-другому, не так ли?

IV

Стихотворение «Желанье» написано 18-летним юношей. Спустя более ста лет его перевел казахский поэт. Вот начало стихотворения:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.

Қараңғы маған қамауды аш!
Көрсет жарық күн көзін!
Қара жалды көк жорға ат,
Бер қара көз ел қызын.

Перевод, как видим, осуществлен вполне в тональности, в размере оригинала. И форма рифмовки соответственная. Но «черноглазая девица» по-казахски слишком мало, коротко, пришлось дополнить: «Дайте мне черноглазую девицу страны (земли, народа, края)», Или, по смыслу: «Дайте мне черноглазую девицу-избранницу – всеобщую любимицу». И такой оттенок напрашивается. И не просто «черногривого коня», а «сивого коня-иноходца с черной гривой». И в другой последовательности: сначала коня, потом – девицу.

Но это, как говорится, в пределах контекста.

Дайте мне по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Бір жола бер көк дала
Сол атпен ойнақ салайын.
Жат қолында сыбаға
Жақындайын, қарайын.

Стихотворение у Лермонтова организовано по форме своеобразно: оно разбито на три строфы по девять строк каждая по форме рифмовки – абаб вгввг. И автор придерживается строго этого ритмического рисунка. Переводчик же прибег к более свободной, не столь четкой форме рифмовки. Но в казахской поэзии столь вольная, перемежающаяся рифмовка встречается часто. А в общем количестве строк почти соответствие: двадцать семь строк в оригинале и двадцать восемь в переводе.

Какне камни преткновения?

Дайте мне челнок дошатый	Тозған шірік болса да
С полусгнившею скамьей,	Кемеше берсең басымен,
Парус серый и косматый	Жалпылдап сұр желкені
Ознакомленный с грозой.	Сырлас болсын жасылмен.

«С полусгнившею скамьей» опущено. Правда, определение «сгнивший» присутствует, но применительно не к скамье, а к челноку («кораблику»).

Опущено также «с дикой прихотью пучин». Но есть намек: «Я потешусь, возликую в буйной соре».

Еще опущено: «в зале мраморном журчал», зато добавлено: «чтоб из фонтана журчала вода, как белый жемчуг».

Встречаются в переводе подобные разночтения, но в общем «Желанье» («Тілек») звучит вполне по-казахски.

V

Неожиданно наткнулся на издательский конфуз. В разделе «Из Лермонтова» (стр. 592) приведен перевод стихотворения «Узник». Да, у Лермонтова есть такое стихотворение:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.

Читаю перевод Ильяса Джансугурова:

Қараңғы дымқыл қапаста,
Отыр ем торда сығалап,
Еркінде шалқып жас қырап,
Жем іздеп келдім жағалап...

Насторожился. «В темнице сырой»? «Орел молодой»? Что-то не то. Совсем другое стихотворение. Ба! Да это же пушкинский «Узник»! Помните?

Сижу за решеткой в темнице сырой
Вскормленный неволей орел молодой...

В чем дело? Почему редактор и составитель допустили такую оплошность? Вероятно, их сбил с толку ритмический размер перевода. Он действительно больше подходит к лермонтовскому «Узнику». У пушкинского иной размер, иная поступь, иное дыхание. Ему при переводе больше соответствовал бы традиционный казахский одиннадцатисложник. Но Ильяс Джансугуров почему-то избрал семи-восьмисложник с рифмой аабб и т.д. И потому оригинал из двенадцати строк занял при переводе на казахский язык целых двадцать. К тому же в переводе есть разночтения, отклонения, которые сразу бросаются в глаза. Вот например:

Клюет, и бросает, и смотрит в окно.
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!»

Перевод:

Шокиды ойып жемтікті,
Терезеге қадалды.
Ойласқандай менімен
Сарыла салды назарды.

Жер шенеп, көкті көксеген,
Есіркеп қырдың қыраны,
Назарымен шақырып,
Айтқандай болды мынаны:

Это, скорее, поэтический пересказ оригинала в ином ключе, в иной тональности.

Не стану вдаваться в дотошный лексический анализ, в сравнения и сопоставления. Приведу просто обратный дословный перевод, и читателю все станет ясно:

Клюст, выдалбливая, падаль. /Уставился в окно/ Словно что задумал со мной /Пристально направил взгляд./ Презирая землю, жажда неба /С жалостью степной орел./ Взглядом призывая /Сказал будто так:

Первое впечатление: близко, но не то. Будто то, что в оригинале, да не совсем. Федот, да не тот. И почему так получилось? А потому, думаю, что выбран иной размер для передачи оригинала. Ритмомелодика не совпадает. Значит, даже при большой лексической схожести стихотворение в переводе получилось как бы другим, чужеродным.

А вот заключительная строфа пушкинского «Узника»:

Мы вольные птицы, пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора.
Туда, где синеют мирские края,
Туда, где гуляем лишь ветер да... я.

Какая энергия, какая экспрессия, какая тяга к воле, сколько силы в этом троекратном «туда», как перехватывает дыхание перед неожиданным «да... я»! Стих, от которого сильнее стучит сердце, вскипает кровь в жилах.

О переводе этого не скажешь. В переводе строки получились вялыми, дряблыми, не бунтарски-призывными, а безмятежно-предположительными. Вслушайтесь, убедитесь:

Біз еркін құс, күн жетті,
Бұлдырлап бұлтта ұшалық.
Жарысып желмен теңізде,
Асқардың төсін құшалық.

В обратном переводе это означает буквально:

«Мы вольные птицы, день настал. /Зыбясь, полетим-ка среди туч./
Посостязаемся с ветром над морем, /Обнимем грудь выси.»/

Конечно, не то. Очень уж слабая тень оригинала. Слишком уж «изнанка ковра». И так это нехарактерно для вдохновенного поэта Ильяса Джансугурова.

Зная, что чуткий И. Джансугуров по-разному подбирался к наиболее выразительной передаче русского

оригинала на казахский язык. приноравливался к ритму, пробовал разные размеры, создавал по несколько вариантов перевода (вспомним некоторые варианты строф «Евгения Онегина», два варианта перевода некрасовской «Железной дороги», поэтический и прозаический перевод горьковской «Песни о Буревестнике»), я допускаю, что существовал и другой перевод «Узника», по размеру, по ритмомелодике более адекватный пушкинскому оригиналу, который мог либо потеряться (как потерялось многое в наследии расстрелянного поэта), либо выпасть из поля зрения составителей и редакторов издания однотомника в 1958 году и пятитомника в 1960-61 годах.

Но отчего составитель сборника 1958 г. приписал пушкинского «Узника» Лермонтову? Я выяснил, что и «Узник» Лермонтова, и его «Желанье» начинаются одинаково:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.

Вот это-то, должно быть, и сбило с толку составителя и редактора сборников Ильяса Джансугурова.

VI

Перевел Ильяс Джансугуров и стихотворение Лермонтова «Чаша жизни» («Тұрмыс тостағаны»). Это небольшое стихотворение, на мой взгляд, трудностей для передачи на казахском языке не представляло. Оно переведено аккуратно, убедительно как по содержанию, так и форме.

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами.

Тостағанынан тұрмыстың
Таңулы көзбен жұтамыз.
Ернеуін алтын ыдыстың
Жаспен жуып, тұтамыз.

Форма рифмовки и в оригинале, и в переводе одинаковая – абаб. Рифма в переводе полнозвучная: «тұрмыстың – ыдыстың», «жұтамыз – тұтамыз». Слегка, с первого чтения, смутило «таңулы көзбен» – «с завязанными глазами». Зачем же их завязывать, чтобы пить из чаши бытия? Правда, переводчика на это определение, видно, спровоцировала «завязка» во второй строфе.

Когда же перед смертью глаз
Завязка упадет,
И все, что обольщало нас,
С завязкой исчезает.

Таңылған мықты көз байлау,
Өлерде көзден жұлынса,
Баршасы, алдау, жарқылдау
Сол байлаумен құрыса.

Даже строй фразы вполне сохранен в переводе. Сложное предложение находит свое завершение в заключительной строфе.

Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был – мечта
И что она – не наша.

Көреміз сонда, біз құмар
Бостығын алтын кесенін
Ондағы сусын – құр қиял
Біздік емес екенін.

Перевод прилежный. Удивляет только то, что это написано семнадцатилетним юношей.

VII

В заключении поговорим о переводе более объемного произведения юного Лермонтова – поэмы, или, точнее, повести в стихах «Черкесы». Она написана четырнадцатилетним юношей, а переведена на казахский язык сорокалетним уже известным поэтом Ильясом Джансугуровым сто с лишним лет спустя.

Известно, что в основу поэмы легли рассказы родственников юного поэта, переехавших с Кавказа в Пензенскую губернию, и некоторые личные романтические представления и впечатления. «Черкесам» предпослан эпиграф из пушкинского «Кавказского пленника», но переводчик эпиграф опустил.

Сравнительно читая оригинал и перевод, я делал для себя по ходу чтения беглые заметы, как бы заметы на

полях, вот ими и намерен поделиться с читателем.

Вот начало поэмы:

Уж в горах солнце исчезает,
В долинах всюду мертвый сон,
Заря, блистая, угасает,
Вдали гудит протяжный звон.
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещет в небесах,
В долине стад не видно боле,
Лишь серны скачут на холмах.

А вот так звучит перевод:

Алтын күн аспандағы таудан кетті,
Алқапты мастандырып ұйқы жетті.
Батыста кызыл шабдар шапақ сөніп,
Алыста талған дауыс шын-шын етті.
Даланы ауыр, күңгірт басты тұман
Аспанда “тұлкатын” түр жымындаған
Далада жайылған мал көрінбейді,
Жалғыз-ақ тағы марал дөңде орғыған.

Очень удобно определять уровень перевода по начальным строкам – они, как правило, будто камертоном выправляют тональность, размер, мелодику перевода, как бы аккумулируют всю стилистику. Повествовательную тональность Ильяс Джансугуров воспроизвел чутко, уловил и дыхание, строй рассказа, вер-

но решив, что оригиналу наиболее соответствует эпический традиционный одиннадцатисложник, который довольно «вместителен» и дает возможность варьировать слова, сочно живописать, при необходимости даже дополнять, пояснять стих.

Сразу бросаются в глаза зрелость, опытность поэта-переводчика. Юный Лермонтов писал свою поэму в долине, «в Чембаре за дубом», руководствуясь наитием и воображением; переводчик Ильяс сам горец, в описании заката в горах и наступления темноты он, следуя за оригиналом, кладет живые краски более уверенно, зримо, сочно.

Вглядимся в начальные строки.

У автора – солнце; у переводчика – золотое («алтын күн»).

У автора – мертвый сон; у переводчика – сон, пьянящий долину.

У автора – заря, блистая, угасает; у переводчика – на западе ало-игренивые лучи гаснут.

У автора – серны; у переводчика – дикий марал.

И далее все переведено аккуратно. Правда, пустынная иволга обозначена как «торғай» – птичка семьи воробьиных. «Кусты» стали конкретным «бадалом», чего в словарях я не нашел и полагаю, что это название травы или куста. (В скобках замечу, что Ильяс Джансугуров – редкий знаток фауны и флоры Семиречья. Литературовед Сайдил Талжанов, лично знавший Ильяса Джансугурова, в своих воспоминаниях о нем выпи-

сал несколько десятков названий трав южного и горного региона, встречающихся в его произведениях).

«В тени развесистых дубов» слегка окартинилось: «У шенкелей курчавоголового старого дуба».

Вообще – повторюсь – казахский одиннадцатисложник дает возможность и простор для фантазии переводчика.

Меж диких скал крутит, сверкает
Подале Терек за горой;
Высокий берег подмывает,
Крутяся, пеною седой.

Жабайы жақпарлардың қысаңында,
Сарқырайд асау Терек, күшті ағында.
Дірілдеп, көбік көпіріп суда билеп,
Алады жарын алып құшағына.

Ничего из словесного материала переводчик не упустил. Ну, разве что определение «высокий» пропущено. да «за горой». Зато все расцвечено, расписано, оживлено в казахском контексте, соответственно казахскому восприятию. Убедитесь, обратив внимание на лексический состав перевода:

В теснине диких скал
Грохочет буйный Терек, в сильном потоке,
Дрожа, пенясь, пляша в воде,
Берет, укрывая свои берега, в объятия.

Поэма состоит из одиннадцати главок-картин, и все прилежно воссозданы казахским поэтом. И особых нареканий у составителя-аналитика, пожалуй, нет. Непонятно только, по какой причине Дон обернулся в переводе Дунаем. В отношении к черкесам это явный географический нонсенс. Эта же ошибка повторена и в десятой главке. Неясно, кто допустил этот ляп – то ли сам переводчик, то ли поздние редакторы и составители.

Сынов неустрашимых Дона...

Дунайдың жаугер туған балалары...

«Черкесы» нередко называют поэмой. Произведение это точнее определить как повесть в стихах. А для казахских поэтов переводить эпические сказания сложностей не представляет. Тут приходит на помощь и богатые традиции (сколько поэм и дастанов в устной казахской поэзии!), и языковая стихия степняков-кочевников. Для Ильяса Джансугурова, полагаю, при переводе «Черкесов» вообще трудностей не было. Это не «Евгений Онегин», где он сознательно загнал себя в онегинскую строфу, не позволяющую почти никаких вольностей и отсебятин.

И реалии кавказского быта – кони, седла, шашки, кольчуги, уздени, бурки, стрелы и пр. – все казахам знакомо издревле. И в этих деталях переводчик не испытывал никаких трудностей.

Взгляните: в крепости высокой
В цепях, в тюрьме, мой брат сидит,
В печали, в скорби, одинокой,
Его спасу иль мне не жить.

Көзің сал биік шөпке, тауға таман,
Онда тұтқын, байлауда отыр ағам,
Қайғыда, қасіретте, жауда жалғыз,
Жә өлем жау қолынан, жә құтқарам.

Лексически к переводу не придерешься. Все лермонтовские слова бережно переданы по-казахски. Иногда даже, что называется, ступь в ступь, слово в слово. По-казахски это называется – скачут рядом, ухо в ухо, стремя в стремя.

«В печали, скорби, одинокой» – «Қайғыда, қасіретте, жауда жалғыз». Даже порядок слов не нарушен.

«Его спасу иль мне не жить» – «Жә өлем жау қолынан, жә құтқарам» – букв.: «Иль умру от рук врага, или спасу».

Словом, переведено так аккуратно, так старательно, что критику или литературоведу нет даже повода для пространных рассуждений. В оригинале: «мой брат сидит». Казах обычно уточняет: если старший брат – «аға», если младший – «іні». Переводчик решил: старший.

Вот еще примеры исключительной точности:

Теперь клянуся Магометом.

Атымен Мұхамбеттің ішемін ант.

«Погибнуть русским невозвратно
Иль с тела свалится глава» .

«Орысты така кұртып талқандаймыз,
Болмаса денемізден үзілсін бас».

В шестой главке читаем:

Уже в селах кричит петух .

Ауылда таңғы тауық айғай салып...

То, что село заменено аулом, вполне логично, понятно, верно. Но то, что кричит не петух, а утренняя курица («тауық»), вызывает сомнение. Почему переводчик не употребил слова «кораз» (или «әтеш», как говорят в иных регионах), непонятно – ведь двухслоговое верное слово не нарушило бы ритма.

Обратим внимание на описание природы:

Вздымает зыблемый песок,
Свод неба синий тих и чист;
Прохлада с речки повеваает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.

Шаңытып, желге ұшады жеңілтек құм.
Көк күмбез таза тұнып тұрғандай жым.
Жақсы иіс, жас жапырақ жаз жанғыртып,
Өзеннен самал үріп, соғып салқын.

По яркости красок перевод ничуть не уступает оригиналу, а. может, наоборот. Убедитесь в этом по словному, обратному переводу:

«Пыля, вздымает ветер зыбкий песок /Голубой небосвод в чистоте будто затих/ Аромат юных листьев, обновленных летом /С рски веет бодростью, несет прохладу»/.

Так, есть ли проигрыш? В чем?

В девятой главке дотошный читатель обратит внимание на рифмы «болды буйрык» – шықты полк – жапты сарт-сұрт». Понятно, что переводчик придавал «полку» казахскую сингармоническую огласовку «полык». И все же рифмы не очень убедительные.

Яркая, динамичная картина боя воспроизведена Лермонтовым в десятой главке. и, конечно, любопытно, как эту картину воссоздал казахский поэт.

Пушек гром везде грохочет;
А здесь изрубленный герой
Воззвать к дружине верной хочет;
И голос замер на устах.
Другой бежит на поле ратном;
Бежит, глотая пыль и прах.

Әр жерде зенбіректер күрілдейді,
Жаралы ер, өзгелерге “жүгір” дейді,
Өлді әні ол әлсіреп үні шықпай,
Ал бірі бет алдына жүгіреді.

Шаң қауып жүгіреді жұтып топырақ,
Сілтеген болат қылыш етіп жарқ-жарқ.

Все, пожалуй, верно, но несколько расхлябанно, не-
ряшливо. Легковесна рифма: «жүгір” дейді – жүгіреді». Да и в одной строфе мозолит глаз троекратное «жүгі-
реді».

Читаем дальше:

Еще ружье свое он ищет
Повсюду стук, и пули свищут;
Повсюду слышен пушек вой;
Повсюду смерть и ужас мещет
В горах, и в долах, и в лесах.

Қармалап қолы іздейді тағы мылтық,
Жан-жақта ызылдайды оқ, у-шу, шақ-шүк,
Жан-жақта өлім сеуіп зеңбіректер,
Тау, дала тоғайларда қырғын бьқ-бық.

Вот здесь перевод получился живой, эффектный. По
части экспрессивных, выразительных глаголов казах-
ский язык многим языкам дает фору. А звукоподража-
тельных слов в казахском языке вообще безбрежное
море. Этими двумя выгодными качествами и воспользо-
вался сполна переводчик. Обратите внимание на под-
черкнутые слова. Они-то и усиливают энергию, эксп-
рессию стиха.

Заключительная. одиннадцатая, главка живописует обвальную тишину («везде господствует покой») после кровопролитного боя.

Лишь редко крикнет черный вран
Голодный, трупы пожирая.

Ашыққан қарқылдайды қара қарға
Кісі өліп тойынған соң жара, қанға.

Обратите внимание на «чисто» казахское фонетическое созвучие: «**қарқылдайды қара қарға**».

Поэма «Черкесы» удивительно напоминает нынешнюю обстановку в Чечне .

И поразительно, что это сочинил четырнадцатилетний юноша. А то, что зрелый Ильяс Джансугуров это красочно перевел, вполне естественно.

Сентябрь 2000 года

«ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»
НЕКРАСОВА
в переводе Ильяс Джансуурова

I

«Железная дорога» – одно из ключевых, хрестоматийных произведений Н. А. Некрасова. Написанное в 60-х годах XIX века, оно с тех пор почти постоянно присутствует во всех школьных программах. В методических пособиях оно на разные лады разбирается и анализируется «по косточкам». Например, в книге «Некрасов в школе» (М., 1960) учитель-методист В. В. Голубков посвятил разбору этого стихотворения специальную статью.

Мною и поныне это стихотворение воспринимается как поэтический очерк, как рассказ. правда, страстный, эмоциональный, насыщенный одновременно и лиризмом, и трагизмом, очень впечатляющее повествование, каждая строчка которого кажется немудреной, прозаической, любовой, но дивным образом врезается в память, волнует и магически будоражит.

Конечно, это политическая лирика, агитационная, поданная в блестящей драматургической форме. Внут-

ренний накал стихотворения, основанный на противоречивых, непримиримых взаимоотношениях трех социальных сил той эпохи – крестьянства, дворянства и наглой буржуазии – захватывает читателя любой общественной формации. Я ловлю себя на мысли, что стихотворение «Железная дорога» звучит актуально во все времена, пока существуют нищета, неравенство, голод, подневольный труд, грабеж, насилие. До мифического благословенного времени, когда по казахской неистребимой мечте «жаворонок вьет гнезда в густой шерсти барана», мы никак не доживаем, несмотря на все социальные катаклизмы и спасительные, казалось бы, философские системы, сулящие многострадальному человечеству вожденный рай на земле, а потому страстная суть некрасовского творения и поныне затрагивает самые сокровенные струны истомленного по счастью и вольному труду многоязычного человеческого рода.

Разумеется, в конце прошлого века, сто с лишним лет тому назад, это некрасовское стихотворение воспринималось совсем по-иному. Его эмоциональное воздействие на читателя было другое. Но страстная разговорная речь, декламационный накал, повествовательный сказовый строй, напряженность диалога и гуманистический его пафос не оставляют равнодушным и нынешнее поколение.

Поделюсь своим восприятием. Я учился в казахской аульной школе, и «Железную дорогу» мы проходили в девятом классе. Наша «русистка» Мария Петровна Его-

рова, ссыльная, «чесирка» («член семьи изменника родины»), бывшая преподаватель Ленинградского педагогического института им. Герцена, читала нам это стихотворение особенно выразительно, бледнея лицом и дрожа голосом, и вколачивала каждую строку в наши восприимчивые, открытые души с такой силой, что я, например, и поныне помню «Железную дорогу» почти всецело наизусть. Вечно голодные сироты-интернатцы с особым нажимом внушали друг другу:

В мире есть царь, этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

И в их глазах стояли боль и скорбь.

Измученные тоской, горем серые глаза нашей бедной учительницы, насильно отлученной от мужа и сыновей, оплывали слезами и бесцветные губы ее дрожали, когда она с обреченным пафосом произносила:

Вынес достаточно русский народ.

А песня мертвецов, бегущих вдоль железнодорожной насыпи, нами, аульными детьми, только что пережившими военное лихолетье, воспринималась как безутешный, скорбный плач-жоктау женщин, так и не дождавшихся своих мужей, братьев, сыновей с войны с проклятым «Керманом».

Позже, став студентами, мы по несколько дней давились в смрадной толчее общих вагонов и, стоя в тамбуре и часами взирая на монотонное однообразие безмол-

вных и бескрайних казахских степей. шептали про себя некрасовские строки из «Железной дороги»:

Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою.

II

В одномтомном сборнике произведений Ильяса Джансугурова (1958) помещен перевод «Железной дороги» на казахский язык под названием «Шойын жол» («Чугунная дорога»). И когда я приступил к сравнительному анализу оригинала с переводом, я еще не знал, что существует еще один вариант перевода, выполненного Ильясом Джансугуровым. Об этом варианте речь пойдет дальше.

Как известно, «Железной дороге» предпослан эпиграф – разговор в вагоне Вани и Папаши. (Автором указано: «Посвящается детям», но посвящение это понадобилось, понятно, для того, чтобы сбить с толку цензуру, ибо идейный пафос стихотворения отнюдь не для детского восприятия). В скобках замечено, что Ваня в кучерском армячке, а папаша в пальто на красной подкладке. Эти детали были весьма важны в некрасовское время. Ныне они и русскому читателю мало о чем говорят. Ильяс Джансугуров, конечно, понимал, что для казахского читателя эти данные и вовсе ничего не означа-

ют. Поэтому он их просто опустил, и большого греха я в этом не вижу. Но почему «Разговор в вагоне» переведен как «Слово в вагоне» («сөз»), для меня не совсем ясно и убедительно. Предпочтительнее, думается, было бы «әңгіме». Правда, и «әңгіме» имеет оттенок «рассказа». Так что, может, переводчик в данном случае и прав.

Повествовательно-сказовая тональность стихотворения не представляет особой трудности для переложения его на казахский язык, чей поэтически-образный строй весьма высок и богат. Особенно для поэта такого уровня и масштаба, как Ильяс Джансугуров.

Начинается стихотворение с описания природы. Вслушаемся и сравним перевод первых стрóf.

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит.
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит.

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор! –
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Еще не заглядывая в перевод, я всматриваюсь в оригинал, повторяю про себя запомнившиеся со школьных времен слова и прикидываю, какие слова и выражения трудно передаваемы на казахском языке. И никаких

каменной преткновения для переводчика не нахожу. Все понятно и доступно. Все прозрачно, ясно, всему можно найти достойный адекват. И ритм, и рифмы вполне естественно ложатся в стихию казахской версификации. Имея представление о переводческой технике и навыках Ильяса Джансугурова, я прихожу к выводу, что и здесь он наверняка прибег к столь испытанному и надежному, соответствующему духу оригинала вольному и просторному, как казахский чапан, традиционному одиннадцатисложнику («он бір буынды кара өлең»). Именно к этой форме располагает интонационный, повествовательный размер «Железной дороги».

Но мои предположения на этот раз не оправдались. Ильяс Джансугуров переложил стихотворение в форме семи-восьмисложника с перекрестной рифмой. Решение это мне кажется неверным. Таким образом строки при переводе получились даже визуально короче, чем в оригинале. Значит, думаю, переводчику пришлось поневоле усекать какие-то слова и жертвовать кое-какими деталями, изобразительными средствами в угоду избранной ритмомелодике. Впрочем, вчитываемся в казахский текст, помня оригинал:

Әуе таза. Па! Қоныр күз
Ширайды жан шаршаған,
Су бетінде кабыршық мұз
Секерше еріп қаусаған.

Мамық төсек тоғай маңы
Тынығасың, тыныш, кең.
Тотықпапты жапырақ әлі,
Жатыр таза сар кілем.

Что обращает на себя внимание в этих двух строфах? Я заметил, что «ауа» (воздух) переводчик употребил в форме «әуе». Такое в казахском языке встречается. А вот что «шекер» (сахар) употреблен как «секер» для меня вновь: видно, локальная окраска.

И еще: если в оригинале сказано открытым текстом, что «листья поблекнуть еще не успели», то переводчик это выразил более поэтически : «Листья еще ржой не покрылись», «листья еще не поржавели» .

Определение «славная» (осень) передано междометием «Па!». выражающее восторг, удивление, одобрение. Получается, что в переводе все прилично, все приемлемо, все в норме. И все же что-тостораживает. А именно – несоответствие размера, ритма, дыхания оригинала.

Читаем сравнительно дальше:

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою.

Уа, коңыр күз, сукай түндөр,
Айык, жуас, күндүз ай.
Табиғатта бар ма міндер?
Түбір, томар, сазды сай.

Бәрі де әсем ай нұрында,
Толған орыс жол үсті,
Келем заулап шойын жолда
Ойлай-ойлай ой түсті.

Опытная рука переводчика, конечно, чувствуется. Описывая осенний пейзаж, он употребляет редкие (по крайней мере, для меня) слова «сукай» (морозные), «айык» (ясные). И то, что железная дорога названа чугунной, не вызывает возражения. А вот строка «Всюду родимую Русь узнаю» обрела, на мой взгляд, странное, спорное решение. «Толған орыс жол үсті» – «Сплошь русские на дороге», «Одни лишь урусы по всей дороге», «Родимая Русь» – все же не «одни урусы». И лексически, и стилистически, и эмоционально далеко не то. И почему Ильяс Джансугуров пошел по явно неверному пути, мне объяснить трудно. И как поэт, и как переводчик он отличается большой чуткостью к смысловой, интонационной, экспрессивной значимости слова. Здесь же явный ляпсус.

III

В основе «Железной дороги» лежит реальный факт: постройка Петербургско-Московской железной дороги. Жизнь и труд крестьян, согнанных со всей России в начале 60-х годов XIX столетия, – основная тема стихотворения. Композиционно оно построено четко и упруго. Композиция состоит из нескольких ярких картин. Сначала описывается сжато и энергично природа («Славная осень»), потом звучит тема царь-голода («Водит он армии, в море судами / Правит; в артели сгоняет людей...»); тему царь-голода резко сменяет фантастическое видение («Чу, восклицанья послышались грозные. / топот и скрежет зубов»); затем звучит песня мертвецов («Грабили нас грамотей-десятники»); за ней следует реальная картина («Не ужасайтесь их пения дикого!»); далее – спор с генералом-антагонистом поэта-демократа; и – заключительная реалистическая сцена («Кажется, трудно отрадней картину нарисовать, генерал?»). Каждая картина имеет свою эмоциональную окраску, каждое действующее лицо – свой индивидуальный язык. А песня мертвецов стилизована под народный плач. Часто меняется и интонация: восторг, скорбь, боль, страдание, сочувствие, издевка, сарказм, насмешка, ласкательные суффиксы, разговорная речь, декламация. Трудно переводить не слова, не содержание, а все эти многочисленные оттенки.

IV

Посмотрим, каким образом переведен на казахский язык сам разговор.

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Ой, әкесі-ау, жас Ваняні
Қамау мұнда мүмкін бе?
Сырласайын, бұл Ваняға
Айтам шынын бұл түнде.

Переведено, как мы видим, скупое, скомканное, с досадными потерями, с усечениями, ужатиями, приблизительно. Чтобы все было более-менее ясно, приведу обратный дословный перевод:

«Ой, вы, папаша, молодого Ваню / Держать в неведении (в заточении) возможно ли? / По душам поговорю с этим Ваней, / Расскажу правду в эту ночь»).

Исчезло: добрый (папаша), умный (Ваня), лунном сиянии, приглушено «обаяние», плохо срифмовано: «Ваняні – Ваняға». И опять же: ритм, ритм, прыг-скок, частушечный.

Далее следует несколько вполне приемлемых строф. Так сказать, более-менее в духе контекста. Читаем дальше:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Жол түп-түзу, ені кытык,
Рельсі, көпір, діңгектер.
Ол не? Ваня! Жатыр быкып,
Жол жағалай сүйектер.

Лексическое соответствие довольно высокое. К первым двум строкам вообще трудно придаться. Все на месте, все наличествует. А следующие две строки настораживают. «Косточки русские» превратились в просто «косточки». «Сколько их!» – крик души – передано глагольной формой «жатыр быкып», означающей «множество», «уйма», «навалом», «тесно», «плотно», «битком». «Ванечка, знаешь ли ты?» – тут и изумление, мольба о сочувствии, и ужас, сложная интонационная окраска. «Ол не? Ваня!» – конечно же, не передает всю гамму чувств оригинала. «Что это? Ваня!» – никак не покрывает: «Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?» По смыслу, по словесному составу, может, все и приемлемо в переводе, однако интонационные потери налицо.

Далее, как известно, у Некрасова описываются мертвецы, которые «то обгоняют дорогу чугунную, то сторонами бегут», и слышно пение: «В ночь эту лунную любо нам видеть свой труд». И автор устами мертвцов рассказывает, в каком аду они, божи и ратники, мир-

ные дети труда строили железную дорогу. «мерзли и мокли, болели цингой». И меня удивило и озадачило то, что в переводе эти шесть строф (24 строки) полностью отсутствуют.

Трудностей для перевода здесь нет. Такой поэт, как Ильяс Джансугуров, несомненно, справился бы с некрасовским текстом, для него это не составляло особого труда. Или песня мертвецов для казахской ментальности слишком неудобна, несуразна, кощунственна? Не знаю, не знаю... Думаю: либо этот кусок где-то затерялся, либо это произвол редактора и составителя. Либо вообще весь этот перевод – заготовка, черновик, проба, вариант. По-другому объяснить не могу. Уж больно нехарактерны, нетипичны подобные пропуски для чуткого и щепетильного казахского поэта. Вспомним перевод «Евгения Онегина». Не такие преграды он с честью преодолевал, никакие, казалось бы, непереводимые детали его не страшили, не сворачивали с пути.

И продолжается повествование со строфы: «Стыдно робеть, закрываться перчаткою».

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колена стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах.

Қалдын үсіп, бетті баспа!
Сескенбе, сен, кой ұят!
Анау тұрған ақ орыс па,
Безгек сорған түсі тат.

Қансыз ерін, өңсіз, қу жак,
Білек ісік, мандам дерт,
Өміріне шыт-шыт сирак,
Бітік шашы сірке, бит.

Лексически вроде как все адекватно. Правда, рифма «мандам дерт» – «сірке, бит» для казахского слуха слишком уж приблизительна. А главная загвоздка: колтун в волосах. Уж коли казахи, как правило, обривали головы, «колтуна» могло и не быть. Переводчик прибег к описательному выражению: «обросшие (густые) волосы в гнидах и вшах». Конечно, это близко, но не совсем «колтун». С остальными деталями все в порядке.

Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Ел еңбегін ардақтай жүр
Мұжығынды жүр сыйлай.

Нормально, приемлемо.

Вынес достаточно русский народ.

Орыс көнбіс, ит жанды.

То есть, «русский покладист, живуч, как пес». Может, даже образнее оригинала.

Вот что получается в цифровом выражении. Первая часть в оригинале состоит из 4 строк, в переводе тоже 4 строки. Вторая часть – 18 строф, в переводе – 12. Третья

и четвертая части в оригинале и переводе по количеству строк полностью совпадают. Значит, в переводе опущено 24 строки.

V

Видел, папаша, я сон удивительный,
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков.

Әке-ау, көрдім бір қызық
Деді Ваня, – көп мужық.

Даже синтаксис оригинала сохранен при переводе. Правда, «тысяч пять» превратилось в просто «много». И это очень по-казахски. О количестве душ казах предпочитает точно не говорить, чтобы не услышал враг человеческий – шайтан. Даже неохотно скажет казах, сколько у него детей. Он ответит приблизительно: «Э, бегают тут пятеро-шестеро чумазеньких, черноглазеньких» .

Русских племен и пород представители
Вдруг появились – и он мне сказал:
«Вот они – нашей дороги строители».
Захотел генерал!

Қаптада орыс жер-көкті алған
Деді ол маған, – міне, олар,
Міне осылар жолды салған!"...
Күлді қарқ-қарқ генерал.

Не только лексика, но и синтаксический строй предложения выдержан и воспроизведен в переводе. Даже звуковой эффект адекватен. Вслушайтесь:

За-хо-хо-тал генерал.   Қарк-қарк күлді генерал.

То есть, по-казахски генерал захохотал еще звучнее, наглее, глумливей. Точно сытая ворона на суку – карк, карк.

Далее следует строфа, объясняющая надменный, дерзкий смех генерала. Говорит сам генерал:

Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана.
Что же... все это народ сотворил?

Здесь перед переводчиком стояли серьезные проблемы: как передать по-казахски, чтобы было доступно и понятно, Ватикан. Колизей, святой Стефан, Вена. Говорят ли эти наименования что-нибудь казахскому слуху? Особенно в середине 30-х годов XX века? Как все это втиснуть в строку и зарифмовать? Не будет ли это пустым звуком? И переводчик, наверняка поразмыслив и так, и сяк, прикинув все доводы, решил вообще все это опустить, т. е., жертвовать географическими названиями, неведомыми степняку. Получилось:

Батыстағы бай елдерде
Болдым, көрдім көп күмбез
Соларды да жасаушы ел ме?
Болып па екен сол да сөз?

Вот дословный обратный перевод:

«На Западе в богатых странах / Побывал я, видел много куполов
/ Их что, тоже построил народ? / Что еще за разговор?!»

Очевидно, это облегченное решение. Явное упрощение. Потери неоправданы, жертвы неуместны.

Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать – разрушать мастера.
Варвары! Дикое скопище пьяниц!...
Впрочем, Ванюшей заняться пора.

По-казахски идейная позиция, идеологическое кредо генерала прозвучали таким образом:

Неміс, Сакс, Славян
Түзеуге емес, бұзуға
Мастер, бұзык, мас антурған
Керек Ваняға ұғуға.

В обратном переводе получается:

«Немец. Сакс. Славян / Мастер не создавать – разрушать / Бузотеры. пьяницы, негодники, / Нужно разуместь Ване».

Тут есть повод для рассуждений.

Обратите внимание на первую строчку перевода – Неміс, Сакс, Славян. В строке всего пять слогов, а в избранном переводчиком стихотворном размере должно быть семь или восемь. Следовательно, Сакс и Славян по закону сингармонизма произносились и читались переводчиком на казахский лад – Сак/ы/с, /Ы/славян.

Непонятно, почему переводчик остановил свой выбор на русском слове «мастер», когда есть казахский аналог – шебер, ұста?

Диалог генерала и спутника-поэта разбивается в последней строфе III части и в начале строфы IV части. Для казахской версификации это нетипично, непривычно, особенно для поэзии 20-30-х годов. Возможно, потому переводчик (а может, составитель или редактор) слил третью и четвертую части воедино, что, конечно, тоже неоправданно.

И вот опять сложное место:

В синем **кафт**ане – почтенный лабазник.
Толстый, **присади**стый, красный, как медь,
Едет **подрядчик** по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Подчеркнутые слова трудны для перевода. Что же сделал Ильяс Джансугуров?

Көк шекпенді жуан пыс-пыс...
Беті қызыл мыстайын.
Келе жатыр біткен жұмыс
Подрядчик жолдайын.

«Шекпен» хотя и напоминает чекмень, но в казахском понимании это просторная верхняя одежда наподобие халата или чапана. Так что за русский кафтан в конечном счете сойдет. Большая смысловая и образная нагрузка падает на двойное словосочетание («қос сөз») пыс-пыс. Пыс-пыс – так отдувается, лоснясь, созревший

дородный раздобревший жирняк. «Пыс-пыс» в какой-то мере вбирает в себя определение «присадистый». Но подрядчика в казахском языке нет. Потому переводчик оставил русское слово, добавив понятное, но тоже искаженное по-казахски кожайын (хозяин). «Қожайын» и графически, и орфоэпически казаху очень привычно. Возможно, потому, что кожá по-казахски, с одной стороны, ходжа, а с другой означает – владелец, хозяин. В казахский язык это слово вошло давно и прочно.

В заключительных четырех строфах при переводе обнаруживается ряд огрехов и сомнительных, спорных мест. А именно:

Празднѳй народ расстѳпается чинно... Жүрт именіп, кол береді
Пот оттирает купчина с лица. Сүртіп беттен терлерін.

То есть, в обратном переводе:

Народ, смущаясь, руку протягивает,
Вытирая пот с лица.

Акценты смещены. Ведь «пот оттирает» как раз купчина, а не народ. Определение «празднѳй» тоже при переводе исчезло. Народ, завидев купчину, расстѳпается чинно. А в переводе народ почему-то купчине протягивает руку. Предполагаю, что у автора, видно, было «жол береді» (а не «кол береді»), ибо «жол береді» означает уступает дорогу, т. е. расстѳпается. Возможно, это огрехи редактора.

И говорит, подбоченясь картинно: Кодырайып сөйленеді
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!... Пәлі! Жігіт-ерлерім!

Глагольная форма «кодырайып» в данном контексте находка. Богатое оттенками слово. Оно включает такие семантические нюансы, как напыщенно, важничая, хорохорясь, самовлюбленно, и таким образом передает смысл «подбоченясь картинно». Ну, а простонародные словечки самодовольного наглеца-купчишки – «Ладно... Нешто. Молодца!» – конечно, по-казахски не передашь. Переводчик решил обойтись восклицательно-восторженно-одобрительным междометием «Пәлі» и хвалебной оценкой «Жігіт-ерлерім», т. е. «мои джигиты-герои».

С богом, теперь по домам, – проздравляю!
(Шапки долой - коли я говорю!)

В этих строках весь облик хамоватого хозяина, который «пррроздравляет» нищих, ободранных, обворованных, загнанных мужиков и сопровождает свое мило-стиво-высокомерное «пррроздравление» грозным окриком «шапки долой!»

Слова эти заключают психологическую характеристику хама-лабазника. В переводе эти тона приглушены, значительно смазаны.

Ал, кайтсандар, енді тарал!
(Алсандаршы бөркінді)

В обратном переводе:

Ну, раз возвращаетесь, теперь расходитесь!
(Снимите же шапки).

Это уже не властный окрик, а как бы укор, просьба, упрек. То, что не свойственно краснорожему лабазнику.

Последующие две строфы переданы, можно сказать, вполне прилежно.

И вот заключительная строфа. Приглядимся:

Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком «Ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадной картину
Нарисовать, генерал?

Сильнейший аккорд! В этих строках отразились и рабская покорность русского мужика, благодарящего своего угнетателя, и боль за народ, и укоризна, и почти безысходность. Вот перевод:

Жүрт ат жекті, жолға түсті
Байды басты уралар...
Бұдан артық қуанышты
Көре алмассыз, генерал”

К двум последним строчкам, пожалуй, можно не придираться. В смысловом и словесном выражении они вполне соответствуют оригиналу. А вот первые две строчки вызывают нарекания. Сделаем обратный перевод: «Толпа (народ, сборище) запрягла лошадей, отправилась в путь / Покрыла бая криками ура... (Или: Бая захлестнуло множество «ура»).

Неужели «выпряг народ лошадей» переводчик понял как «запряг»? Вроде бы не должно было быть. Кажется, Ильяс Джансугуров был достаточно искушен в тонкостях русского языка. Суть-то как раз в том, что народ выпряг лошадей и сам запрягся в рабском ликовании и помчал лабазника по дороге с криком «Ура». В переводе этот важный штрих явно переиначен, и потому лишился драматизма и трагичности. Ну, а то, что лабазник-подрядчик назван баем, в общем-то логично и приемлемо.

При всех отдельных достоинствах перевода, меня, читателя, все же не покидает чувство неудовлетворенности, все кажется, что данный перевод всего лишь поэтическая проба на пути к новому варианту...

VI

... И можете себе представить, гипотетический читатель, мою неожиданную радость, когда я, листая пяти томное собрание сочинений Ильяса Джансугурова (1960–1961 гг.), натолкнулся на совершенно новый, оригинальный перевод некрасовской «Железной дороги». По первой же строчке я понял, что переводчик на этот раз прибег-таки к традиционному казахскому одиннадцатисложнику, то есть, изменил размер, который, действительно, больше соответствует повествовательной тональности оригинала.

Прошу читателя вспомнить первую строфу оригинала, которую я привел в начале этюда. еще раз прочесть первый, семи-восьмисложный вариант, а потом вчитаться в этот перевод:

Па! Көркем күз! Сергек, сау, байсалды күз!
Әлдендірер саф науа адамды әлсіз,
Әлі бекіп қатпаған өзендегі
Қанттайын еріген қабыршық мұз.

Одиннадцатисложник обладает широким дыханием, дает возможность полнее, без потерь передать словарь оригинала. блеснуть щедростью казахского поэтического речестроя. Семи-восьмисложник с рифмой абаб заставляет часто чем-то жертвовать, что-то опускать.

Снова отсылаю читателя ко второй строфе оригинала – к пейзажному описанию – и прошу сравнить с поэтическим перекладом на казахский язык:

Мамык майда төсектеіі тоғай маңы,
Тыныштық. кең – ширатар шаршағанды;
Әлі мүлде жапырақ тотықпаған,
Көркі көркем кілемдей жана, сары.

Ничего не опущено! И ритмомелодика вполне соответствует оригиналу. Одно дыхание!

Более того, одиннадцатисложник дает переводчику возможность что-то уточнять, дополнять, вставить нечто свое, конечно, в рамках контекста.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...

Па, көркем күз. Тымырсық суқай түндер
Айқып, айық, тап-таза, қоңыр күндер...

Убедитесь: у автора ночи имеют одно определение («морозные»), у переводчика – два (тымырсық, суқай); в оригинале дни тихие, ясные: у переводчика – ясные, светлые, чистые, ласково тихие.

Оригинал перечисляет: «и кочи, и моховые болота, и пни»: переводчик расширяет: «мүк басқан саз» (моховые болота), «төмпешік» (холмики). «томар» (кочи), «түбір» (пни).

Можно сказать, на такое легкое творческое самоволье, на расширение, добавление провоцирует переводчика выбранный им размер одиннадцатисложника с традиционной рифмой ааба. Но и при этом плотный, упругий, насыщенный текст оригинала не лезет, не помещается в заданный размер. И тогда переводчик прибегает к дополнительным строчкам. Вместо четырех строк при перекладе на казахский язык получилось шесть. Правда, в данном стихотворении это случилось всего один раз. Вот этот случай.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели стоняет людей.
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Разбивка фразы в строках очень непривычна для казахской поэтики: она предполагает законченность фразы в строке. Именно это обстоятельство и заставило переводчика «удлинить» стих.

Әмір шашқан ол өзі, әскер, сайлар,
Адамдарды артельге тығады айдап;
Кемелерді жүргізер теңіздегі;
Соқалардың соңына түсер жайлап,
Өрмек тоқып, тас қашап жатқандардың
Желкесінде тұрады тісін қайрап.

Даже «на глазок» видна явная объемность перевода по сравнению с оригиналом. Строфа получилась шестистрочной с рифмовкой аабава. Для большей ясности приведу обратный перевод: «Он власть свою распространяет, избирает армии: / Людей в артели сгоняет силой; / Водит корабли в морях; / Плетется за плугами. / За теми, кто узоры ткёт, камни тешет./ В затылке стоит, точка зубы.»

Обратим внимание на пение мертвецов, на те 24 строки, которые были опущены в первом варианте. (Я называю его первым условно, ибо он первым попался мне на глаза и был опубликован в однотомнике 1958 года. А этот вариант, взятый из второго тома пятитомника Ильяса Джансугурова 1960 года издания, я называю вторым, хотя и не знаю точно, какой из них родился первым).

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение? «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Кейде озып кетеді темір жолдан,
Кейде жарыс салады оннан, солдан;
Құлағың сал әніне, не дейді олар?
“Еңбек қызық нұрлы айда сокқан колдан.

В этом варианте переводчик предпочел словосочетание «темір жол» – «железная дорога». И данный перевод называется именно так. В первом варианте стихотворение, напоминая, называлось «Шойын жол» – «Чугунная дорога». А во втором варианте даже там, где стоит в оригинале «дорогу чугунную», переводчик пишет «темір жолдан», тем более, что силлабическая структура стиха не нарушалась бы, ибо оба слова двух-сложные.

Мы надрывались под зноем, под холодом
С вечно согнутой спиной.
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Белімізді өмірге жазбай бүгіп,
Суыкка тоңып, ыстыкка жүрдік күйіп;
Алпарыстық жер үйде аштыкпенен
Үсіп, жүдеп, сарп боп дертке ұрындық.

На мой взгляд, трудные для перевода ключевые слова: «божии ратники, мирные дети труда». Но переводчик нашел точный аналог: «Құдай құлы, еңбектің момын ұлы». Вот еще трудный момент для перевода:

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого –
Это все братья твои – мужики!

Жырларынан шошыма қауып қылып!
Волхов, Ока, ене-Еділ мұнда ағылып,
Жиылғандар мемлекет жан-жағынан
Бәрі бауырың осында толған – мұжык.

Переводчик, кажется, с легкостью обошел и преодолел всевозможные препятствия, не потеряв ничего.

Из заключительной части в первом варианте недостаточно выразительным в переводе прозвучала строфа:

С богом, теперь по домам – проздравляю!
(Шапки долой – коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И – недоимку дарю!..

Строфа эта во втором варианте перевода прозвучала значительно точнее, хотя меня и смущают в казахском тексте «бочке», «недоимке», но что делать, если таковых нет в казахском языке. (Впрочем, «недоимку»,

думается мне, можно б было заменить семантически близкими словами «қарыз», «берешек»).

Құттықтаймын! Қайтыңдар үйлеріңе,
(Берік алыңдар – демедім бе мен көбіңе!)
Жұмыскерге сыйладым бір бочке арак...
Недоимке қалғанын кештім мүлде.

А заключительная строфа во втором варианте звучит так:

Доғарылды ат – уралап байға бұлар
Жолды бойлай жүгірді жұмысшылар.
Бұдан артық мәз-мейрам көріністі
Суреттеуге, генерал, қиын шығар...

Здесь «выпряг народ лошадей» понято и переведено правильно: «доғарылды ат».

Словом, второй вариант предпочтительнее первого: он точнее, без купюр, ближе по ритму, по тональности. В содержании второго тома есть пометка: «Переведено в 1936 году». Особенно плодотворный год поэта и переводчика Ильяса Джансугурова. Через год его арестуют...

Видно, вот этот вариант и есть главный перевод на казахском языке «Железной дороги» Н. Некрасова и, выполненный почти семь десятилетий тому назад, он и теперь звучит по-современному.

Сентябрь 2000 года

ИЛЬЯС ДЖАНСУГУРОВ – *переводчик Генриха Гейне*

Поэзию Генриха Гейне на казахский язык переводят с 30-х годов XX века, и за эти почти семь десятилетий переводили немецкого поэта многие, в том числе и отдельные его лирические стихи, и крупные поэмы. Издавались, помнится, целые сборники в переводе на казахский язык. Скажу сразу: я не думаю, что Генрих Гейне прозвучал по-казахски достойно. Его лиризм, сопряженный с сарказмом, его насмешливость, колкие намеки, мнимая внешняя простота и кажущаяся доступность, его неутолимая, необоримая боль и легкая ранимость, все разнообразие его поэтической палитры, отравленные тоской строки, непримиримость и дерзость, катастрофальный разлад с миром и с самим собой, презрение к ханжескому, филистерскому обществу, к приземленности бытия, нетерпимость ко лжи и патриотической патетике, мишуре, словом, все, что составляет его сущность, редчайшее явление по имени Хайнрих Хайнэ, по моему убеждению, не обрели еще адекватно-

го, достойного воплощения на казахском языке. Открытие мира Генриха Гейне для казахов, вероятно, еще впереди.

2

Впрочем, и русские критики относятся к русскому Гейне весьма строго и сдержанно. И это при том, что на русский язык Гейне переводят много и увлеченно еще с 20-х годов XIX столетия. И в числе его переводчиков такие звучные имена, как Ф. Тютчев, М. Лермонтов, М. Михайлов, П. Вейнберг, А. Плещеев, А. Майков, Д. Минаев, А. К. Толстой, Л. Мей, А. Фет, Ап. Григорьев, А. Блок. А среди поклонников-пропагандистов его творчества следует назвать Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Тургенева, Герцена, Писарева.

Из переводчиков Гейне более позднего периода следует упомянуть Ю. Тынянова, Г. Шенгели, М. Лозинского, Л. Пеньковского, В. Левика, Е. Книпович, А. Дейча, О. Румера, Л. Гинзбурга, С. Маршака, Е. Витковского.

Какие имена! Какое блистательное созвездие!

«Ни один высокий зарубежный поэт не переводился на русский язык так много, как Генрих Гейне», — замечает переводчик и критик Евг. Витковский (ИЛ, 1973, № 2).

Александр Блок, переведший двадцать три стихотворения Генриха Гейне, с сожалением констатировал:

«Русского Гейне. несмотря на два полных собрания и множество отдельных переводов. не существует, есть только либеральный суррогат».

И еще писал Александр Блок: «Все это приводит к выводам жестоким: всю работу над Гейне надо начинать сызнава. Перед работающими не просто чистая доска, но доска. исчерканная, исштрихованная скрипучим грифелем, надо сначала мыть, скоблить, счищать».

Тот же Евг. Витковский дополняет список переводчиков Гейне на русский язык: А. Оношкович-Яцына, В. Водовозов, В. Костомаров, Заезжий, М. Волошин, В. Коломийцев, С. Рубанович, Миллер.

Литературовед Франц Петрович Шиллер в своей монографии «Генрих Гейне» ссылается еще на ряд переводчиков немецкого поэта: В. Зоргенфрей (его переводы высоко ценил Блок), В. Гиппиус, Т. Сильман, Вс. Рождественский, В. Клюева.

Бывший наш соотечественник, ныне проживающий в Германии Роберт Лейнонен написал серьезный труд «Лирика Генриха Гейне на русском языке» (см. альманах «Феникс», №№ 24, 25, 26), в котором он приводит список известных ему переводчиков Гейне на русский язык. Перечислив 86 (!) фамилий, он замечает: «Я уверен, что многие переводчики в этот список не вошли, прошу меня великодушно простить!»

Об этом я говорю так подробно, чтобы убедить читателя в том, как это трудно и сложно переводить настоящего поэта с языка на язык.

180 лет живет в русском языке поэзия Генриха Гейне, и воссоздание его творений все еще продолжается. Я же лично очень ценю переводы Вильгельма Левика, которые, начиная с 1935 года, выдержали несколько десятков изданий.

3

Каждый крупный поэт – загадка (помните у Абая: «Я человек-загадка?»); творчество его – тайна, колдовство, магия.

Гейне эту истину подтверждает с лихвой. Популярность его в немецкой среде поражает. Даже в немецких деревнях довоенного Поволжья (я это помню!) «Лорелею» пели и стар, и млад. Моя мать старательно выпевала эту балладу на тягучий, печальный мотив до глубокой старости, убежденная, что это народное предание («aus uralten Zeiten»), старинная народная песня. Тетушка Ирма, успевшая до депортации окончить пять классов немецкой школы, упоенно декламировала по памяти: «Wir weben, wir weben!».

С годами, прочитав горы литературы о жизни и творчестве Генриха Гейне на немецком и русском языках, я нередко задавался вопросом: «В чем его магия? В чем же трудность его перевода?»

Ведь стихи так доступны, так понятны. И так он просто изъясняется. Иногда даже кажется, что стихи его несколько неряшливы: то рифма хромает, сплошь и рядом рифмуются лишь вторые и четвертые строки, в

иных строчках явно, на слух, не хватает слога, и его ради размера, ритма хочется чем-то заполнить, то о сокровенном, печальном вдруг говорится неуместно иронически, даже ернически, то самое интимное ввергается в нарочитую банальность, обыденность, в насмешку.

Этот простой Гейне очень уж не прост. В его самой задушевной лирике явно резвится чертенок, который строит рожи, насмешничает, издевается, грустит, тоскует, двойится, щекочет душу и разбивает сердца.

С другой стороны, Гейне удивительно органически вобрал в себя германский дух, немецкую ментальность, так близок к истокам незамутненной народной поэзии, к фольклору, что это его свойство, должно быть, также сбивает с толку его исследователей и переводчиков.

Видно, именно эта бьющаяся в глаза особенность гейневской лирики волновала и смущала многих.

Наиболее точно, кажется мне, выразил это Александр Дейч в большом своем труде «Поэтический мир Генриха Гейне»: « Все творчество Гейне в целом – и стихи и проза – отличается раздвоенностью, разорванностью восприятия и постоянными поисками новой формы, строящейся на ироническом разрушении романтических форм» (А. Дейч, «Судьбы поэтов». М., 1987. С.140).

Лев Гинзбург для названия своего исповедального, интимного романа-эссе взял гейневскую строчку – «Разбилось лишь сердце мое». В нем я встретил очень верную характеристику творчества великого герман-

ского поэта: «Гейне открыл закон относительности ценностей в расколотом, разорванном мире. Он установил и другое: великая мировая трещина проходит через сердце поэта» (Л. Гинзбург. «Разбилось лишь сердце мое». М., СП, 1983, с.71).

Задавался Лев Гинзбург (кстати, я его знал, встречал и слушал на московских переводческих семинарах) и сакраментальным вопросом воссоздания поэзии Гейне на другом языке: «Как преодолеть языковой барьер? Как истолковать подлинник по своему разумению, оставаясь, однако, исполнителем авторской воли? Как сделать перевод явлением своей литературы, своего языка, сохраняя при этом, как того требовал Вильгельм Гумбольдт, едва заметный оттенок чужого? И какова допустимая здесь мера?» (Там же. С. 65).

«Nur mein Herze brach...» – «Разбилось лишь сердце мое»... Точнее и выразительнее, пожалуй, не скажешь об истинном поэте в этом мире.

Таков Гейне. И я говорю об этом с одной единственной целью, чтобы как-то уяснить причины хотя бы для себя, почему до сих пор не имеется у нас казахского Гейне.

А сам-то Гейне цену себе знал. Но выразил это опять-таки в свойственном ему ироническом ключе:

Дитя, я поэт немецкий,
Известный в немецкой стране,
Назвав наших лучших поэтов,
Нельзя не сказать обо мне.

На фоне вышесказанного казахские поэты, переводящие время от времени, спорадически Гейне исключительно опосредованно, через русский язык, никак не должны быть в обиде, если я утверждаю, что аул Гейне находится от Казахстана еще слишком и слишком далеко. Уж коли в начале XX века А. Блок считал русского Гейне суррогатом, то казахский Гейне, скорее, суррогат суррогата. В идеале Гейне по-казахски может звучать достойно лишь тогда, когда конгениальный ему казахский поэт начнет переводить его непосредственно с оригинала.

Знаменателен и достоин гордости тот факт, что одним из первых среди казахов к Гейне обратился Ильяс Джансугуров, переведший три его стихотворения, и одно из них – «Тоқушылар» – является серьезным предметом для обстоятельного разговора.

Но сначала несколько слов об истории «Силезских ткачей». Стихотворение, как известно, посвящено реальному историческому факту – восстанию силезских ткачей в 1844 году. Событие это прогремело по всей Европе и считалось первой ласточкой в германском рабочем движении. Считается, что Гейне написал это стихотворение едва ли не под влиянием идейных воз-

зрений Карла Маркса, с которым поэт находился в дружеском контакте. Во всяком случае, Маркс высоко отозвался о «Песне ткачей», а Ф. Энгельс перевел его на английский язык и опубликовал в одной английской газете. А о самом стихотворении Гейне Ф. Энгельс сказал так: «В немецком оригинале является одним из самых сильных поэтических произведений, известных мне» (цит. по книге Ф. И. Шиллера «Генрих Гейне». М., 1962. С. 282).

Известно также, что на это событие откликнулись многие немецкие поэты того времени – Фрейлиграт, Бек, Пюттман, Дронке, Веерт, но самое выразительное по форме и содержанию, по идейно-политической целенаправленности, по эмоциональному заряду, по мировоззренческой глубине и агитационной мощи является стихотворение Г. Гейне «Силезские ткачи». Возмущение, боль, ненависть к угнетателям, отчаяние рабочих, изнуренных голодом и непосильной работой, обрели в стихотворении лапидарную гневную, обличительную форму, словно под аккомпанемент ткацких станков и ритма одуряющего труда.

6

Итак, в данном этюде речь пойдет о «Силезских ткачах» Г. Гейне в переводе Ильяса Джансугурова. Рассуждая на эту тему, мне придется оперировать примерами из трех языков, что затрудняет восприятие и может отпугнуть так называемого широкого читателя,

но я надеюсь на терпение, любопытство, любознательство тех, кому не чужды филологические изыскания и пути достижения истины на разных языках. Ради предметного разговора я вынужден чуть подробнее проанализировать хотя бы одну-две строфы оригинала.

Im dustern Auge keine Träne.
Sie sitzen am Webstuhl und fletschen die Zähne;
Deutschland, wir weben dein Leichentuch,
Wir weben hinein den dreifachen Fluch –
Wir weben, wir weben!

У стихотворения тяжелая, натруженная поступь; от него веет мраком и холодом. Ропот рабочих, доведенных до отчаяния, все нарастает, слышится все явственней. Ткачи ткут саван для Германии и вплетают в него тройное проклятие. Форма рифмовки – аабб. И каждое четверостишие (а в стихотворении всего пять строф) завершается сурово, жестко, грозно речитативом, имитирующим работу ткачей, – «Wir weben, wir weben!» – «мы ткем, мы ткем» или – если сохранить трехтактный, трехслоговый ритм – «и ткем мы, и ткем мы».

Первое проклятие ткачи шлют самому Богу, которому напрасно и тщетно молились и в зимнюю стужу, и в голод, и в нужде. Они больше не желают, чтобы Бог их дурачил.

Еще одно проклятие они вплетают в саван, адресованное королю, королю богачей, готовому затравить их, как псов.

И третье проклятие они шлют фальшивому Фатерланду, лживому отечеству – царству насилия, злобы и коварства, стране, где гибнут цветы, где гниль и смрад плодят червей.

Челнок бежит, станок скрипит, ткачи ткут и день, и ночь, они прилежно, терпеливо, усердно ткут саван для старой Германии /«Altdeutschland»/ с тройным проклятием.

«И ткем мы, и ткем мы», – звучит пятикратный рефрен.

Таково содержание стихотворения, таковы его композиция и внешняя форма.

Для большей убедительности приведу последнюю строфу оригинала:

Das Schiffchen fliegt, der Webstuhl kracht,
Wir weben emsig Tag und Nacht –
Altdeutschland, wir weben dein Leichentuch,
Wir weben hinein den dreifachen Fluch–,
Wir weben, wir weben.¹

7

Я не могу с уверенностью сказать, чьим русским переводом пользовался Ильяс Джансугуров, перелагая

---

¹ Цитирую по: Heinrich Heine, Ein Lesebuch für unsere Zeit, Volksverlag Weimar, 1960, S. 63.

«Силезских ткачей» на казахский язык. Переводов на русском языке имелось немало *уже* в 30-е годы, когда особенно активно переводил казахский поэт. Но одно очевидно: переводил он с добротного русского перевода, ибо бережно донес и лексический состав стихотворения, и ритмику, и версификационный рисунок, и грозное дыхание рефрена.

Но чтобы читателю было возможно сравнивать и сопоставлять, я приведу первую строфу стихотворения в переводе на русский язык, выполненном Вильгельмом Левиком:

Угрюмые взоры слезой не заблещут,
Сидят у станков и зубами скрежещут.
«Германия, саван тебе мы ткем,
Вовски проклятье тройное на нем.
Мы ткем тебе саван!

В лексическом плане отклонения от оригинала крайне незначительные: **“fletschen”** – скалить зубы, Левик прибег к другому глаголу – «скрежещут». Первая строка в буквальном переводе с немецкого означает: «В угрюмых глазах ни слезы». Ну, и «вовски» в оригинале отсутствует, хотя к тройному проклятью оно вполне приложимо. У Левика принципиально по-иному звучит рефрен: вместо трехслогового – шестисложный «мы ткем тебе саван!» Правда, в подлиннике рефрен звучит дважды, у Левика – по одному разу после каждой стро-

фы. И таким образом, формально размеры соотносимы. Но «**wir weben, wir weben!**» энергичней, грозней, зловещей, чудится мне. Поэтому «мы ткем, мы ткем», или: «И ткем мы, и ткем мы» для меня лично предпочтительней.

И прежде, чем представить читателю перевод Ильяса Джансугурова, я посчитал целесообразным привести заключительную строку в нескольких русских вариантах, дабы дать побольше нюансов для размышления.

Перевод В. Ключевой:

Челнок летит, станку невмочь,
Мы ткем усердно день и ночь.
Германии старой саван мы ткем.
Тройное проклятье туда вплетем.
И ткем мы, и ткем мы!

Мне это кажется почти идеальным переводом, настолько все близко к оригиналу по всем внешним признакам и внутреннему содержанию.

Перевод Г. Шенгели:

Станок скрипит, челноку не лень:
Мы ткем неустанно ночь и день,
Германия старая, ткем саван твой,
Тройное проклятье ведем каймой, -
Мы ткем, мы ткем!..

В предыдущем варианте рифма была притянута к «ночь»/невмочь/ здесь «день» спровоцировал рифму «не лень». Но «не лень» снижает трагизм и горечь, настраивает на другую тональность. И «кайма», думаю, не годится. Ткачи свое тройное проклятие не каймой вышивают, а именно вплетают («Weben hinein») его в саван. Остальное лексически и версификационно, ритмически приемлемо.

Перевод В.Левика:

Мы вечно ткем, скрипит станок,
Летает нить, снует челнок.
Германия старая, саван мы ткем,
Вовеки проклятье тройное на нем.
Мы ткем тебе саван!

«День и ночь» («Tag und Nacht») Левик заменил «вечно». Образовалась брешь – и переводчик заполнил ее: «Летает нить». Наверно, это допустимо, ибо технологически верно. И в четвертой строке снова звучит «вовекки». Оно прозвучало в первой строфе, а поскольку две последние строчки первой и пятой строфы почти полностью лексически повторяются (разница только в том, что в первой строфе «Deutschland», а в заключительной «Altdeutschland» – старая Германия; деталь, которую чутко учли все переводчики), то это возражения не вызывает, хотя «вечно» и «вовекки» в одной строфе производят впечатление перебора.

Впрочем, перевод, особенно поэтический. – вечная борьба потерь и обретений. и самый строгий судья – чувство меры и таланта – редко когда срабатывают идеально.

8

Приведу полностью перевод Ильяса Джансугурова.

ТОҚУШЫЛАР

Түнжыраған көздерінде жасы жоқ,
Тісін қайрап өрмекте отыр осы топ.
Арқауына үш лағанат қосып біз
Германия, кебініңді тоқимыз!
Тоқимыз, тоқимыз!

Аязда да, аштықта да жалбардық,
Ол алдады, бос үмітпен сандалдық.
Ол қорлады, күттік, бізді қылды ақымақ,
Біз табынған құдайға бір лағанат!
Тоқимыз, тоқимыз!

Жарлымызға рақымы жоқ зарлаған.
Жалғыз тиін ақшамызды жалмаған.
Жарлығымен итше бізді деген “ат”
Бай королі, корольге бір лағанат!
Тоқимыз, тоқимыз!

Маскаралық, сұмдық мүлде жайылған
Әргүл онда көтерілмей жайраған.
Шірік қаптап, өңезденген нас, ылас
Жалғаншы, арам отанға бір лағанат!
Тоқимыз, тоқимыз!

Қылыш зыр-зыр, өрмек дір-дір етеді,
Біз тоқимыз күндер-күндер өтеді.
Арқауына үш лағанат қосып біз,
Германия, кебініңді тоқимыз!
Тоқимыз, тоқимыз!

Еще раз повторю: мне неизвестно, по чьему русско-му переводу воспроизвел Ильяс Жансугуров «Die Schlesischen Weber» Генриха Гейне. Нет у меня оснований утверждать, что перевел он по немецкому тексту. Но можно допустить, что он вглядывался в ритмический рисунок оригинала, или, быть может, консультировался со знатоком немецкого языка. Ибо его перевод поразительно созвучен оригиналу, точно производит не только лексический материал, но – что главное – его дух, размер, ритм, дыхание, поступь, гнев, эмоциональный заряд. Сразу видно, что стихотворение Гейне не оставило равнодушным его казахского переводчика, он захвачен, взволнован им, и переложил его на казахский язык прочувствованно и вдохновенно.

Медеубай Курманов, германист, переводчик «Фауста» на казахский язык, делая пространный обзор-анализ казахским переводам немецких поэтов, пишет так: «Неміс жұмысшыларының Гейне жасаған образдары қаһарлы, түсі суық. «Тоқимыз! Тоқимыз!» – деп үнемі қайтала-нып отыратын қайырма ескі тәртіпті жоюға жасалған берік байлам, жинақталған зор күшті танытқандай. Илияс Жансүгіров өлеңнің осындай ерекшеліктерін терең түсініп, шебер аударған» (М. Құрманов, «Өмір, қандай тәтті едің», А., «Жазушы», 1994, 141-142-беттер).

Полностью согласен с авторитетным мнением своего покойного друга.

Однозначно высоко оценивая перевод Ильяс Джансугурова, хочу тем не менее поделиться некоторыми наблюдениями и суждениями.

Разумеется, обращает на себя внимание некоторое синтаксическое переконструирование строф в казахском переводе. Раскрывая направленность, «адресат», содержание и аргументацию тройного проклятия, Гейне четко и точно заявляет об этом в первой же строке каждой строфы:

- «Ein Fluch dem Gotte...» (проклятие Богу).
- «Ein Fluch dem König ...» (проклятие королю).
- «Ein Fluch dem falschen Vaterlande» (проклятие фальшивому Отечеству).

Лишь после такой заявки далее раскрываются причины, объяснения, смысл каждого проклятия в отдельности.

Ильяс Джансугуров построил строфы по-иному, как бы с конца, выкладывая в начальных строках причины, определения, доказательства и завершая строфу хлестким, как удар камчи, проклятием:

- «Біз табынған құдайға бір лағанат!»
- «Бай королі, корольге бір лағанат!»
- «Жалғаншы, арам отанға бір лағанат!»

В этом есть своя логика и выразительный эффект. Грозное «Проклятие!», звучащее трижды в конце каж-

дой строфы. впечатляет, усугубляет гнев и ненависть восставших ткачей.

Адекватен оригиналу и рефрен – «Токимыз! Токимыз!», точно, соразмерно и убедительно воспроизводящий немецкий «Wir weben. Wir weben».

Обратил я внимание и на то, как переводчик воспроизвел по-казахски «Das Schiffchen fliegt», «der Webstuhl kracht» – «Челнок летит», «Станок скрипит» – «Қылыш зыр-зыр, өрмек дір-дір». Вот эти звуко- и действовообразительные двойные слова («қос сөз»), чем так богат и выразителен казахский язык, здесь уместно употреблены и с лихвой покрывают семантическое значение аналогов-глаголов.

А вот некоторые нарекания в переводе вызывают три момента.

а) Мне, например, непонятно, почему переводчик ограничился лишь частью названия стихотворения («Тоқушылар» – «Ткачи»), опустив определение «Силезские». Тем самым он как бы смазал конкретное историческое событие, являвшееся основой данного стихотворения «Силезские ткачи».

б) В первой строфе Гейне обращается к Германии, в заключительной строфе подчеркивает: «Старая Германия». Это важно, ибо речь идет о саване для старой Германии, а не Германии вообще или, тем более, для нарождающейся новой. В казахском переводе определение «старая» отсутствует, что, на мой взгляд, является существенным упущением.

в) Немного необычно прозвучало для моего слуха слово «лағанат» которым завершаются три строфы. А всего оно употреблено в переводе пять раз. С аульных, со школьных моих времен я слышал это слово в форме «лағнет». Так и я его произношу и поныне. В редких случаях – «лағнат». С учетом закона сингармонизма допускается вариант «лағынет» – в такой форме я встретил это слово у Джамбула. Но графическое изображение «лағАнат» встречаю впервые. Может, так говорят в семиреченском краю? Может, так произносил сам переводчик? Может, этот «а» посередине он поставил произвольно для большей созвучности рифмы?

Заглянул в «Орфографический словарь казахского языка» (1963) – написано: «лағынет».

Заглянул в «Казахско-персидский толковый словарь» Н. Ондасынова (1974). Приведены варианты: «ләғнәт», «лағынет», «лағнат».

Заглянул в «Арабско-персидские заимствования казахского языка» Е.Б. Бекмухамедова (1977). Читаю: «лағынет», «ләғнат».

Заглянул в «Русско-казахский словарь» (т. II, 1981): проклясть – лағынеттеу, лағынет айту; проклятие – лағынет.

Довольно! Нигде формы «лағанат», как у Ильяса Жансугурова, так и не встретил. Ну, мало ли что? Так тому и быть! Поэт имеет право. В конце концов понятно и созвучно, и этимологически близко. Писали же в 20-х годах «адабият», «маданият» вместо нынешнего «әдебиет», «мәдениет», к чему мы привыкли.

Очевидно одно: перевод «Силезских ткачей» Генриха Гейне на казахский язык – творческая удача Ильяса Джансугурова.

Заслуживает несколько слов и перевод гейневского «Гимна», выполненный Ильясом Джансугуровым.

Это своеобразное стихотворение в прозе. Оно и печатается во всех книгах Гейне в форме прозы. И на русский язык переводилось многожды как проза. Написанное предположительно в 1840 году, оно по своему экспрессивному накалу, по внутренней энергии, по отдельным синтаксическим повторам, по своей ритмической организованности и воспринимается как стихотворение и, должно быть, потому Ильяс Джансугуров, поэт по призванию и романтик по натуре, перевел его в стихотворной форме.

Это – программное стихотворение поэта-бунтаря Генриха Гейне. От него веет упоение битвой, борьбой, идеей борца, неукротимого, отчаянного, готового на гибель, но не сдающегося. Революционное общество России XIX века, можно сказать, воспитывалось на идейных установках этого произведения.

«Я – меч! Я – пламя!» – воодушевленно произносило не одно поколение борцов против рабства и насилия.

«Навязчивый образ у Гейне – «*Entfant perdu*», боец, который, не выпуская оружия из рук, все же гибнет», – замечает Лев Гинзбург в романе-эссе «Разбилось лишь сердце мое».

Произведение это (по объему оно на полстраницы) иногда печатается без названия, иногда под названием

«Я – меч! Я – пламя!», случается, под названием «Гимн». Ильяс Джансугуров назвал его по-казахски «Салауат» – так оно опубликовано и в одготомнике, и в пятитомнике его сочинений. Это редкое слово. В «Казахско- русском словаре» его нет. Слово, как я уяснил, арабского происхождения с религиозным оттенком. Означает оно – «Благословение пророка Мухаммеда аллахом, молитва, милость божья». И. Джансугуров, думаю, вкладывал в это понятие смысл «Благословение». (Кстати, Абай употреблял это слово в смысле «молитва»).

Вот как звучит начало гейневского «Гимна» в оригинале:

«Ich bin das Schwert, ich bin die Flamme.

Ich habe euch erleuchtet in der Dunkelheit, und als die Schlacht begann, focht ich voran, in der ersten Reihe».

А вот русский текст в переводе П. Карпа:

«Я – меч! Я – пламя!

Я светил вам во тьме, а когда начался бой, я сражался впереди, в первом ряду».

И заканчивается «Гимн» теми же гордыми, призывными словами:

«Я – меч! Я – пламя!»

Тональность торжественно-патетическая, героическая, окрашенная трагизмом, неукротимой волей, верой в конечную победу. Что-то бетховенское чудится мне. Именно этот дух и передал по-казахски Ильяс Джансугуров.

Мен кылыш, мен жалын!
Алғашқы түнгі соғыста,
Алдымен отты мен жакқам,
Алдымен мен ем айқасқан,
Алдымен окты мен атқам.

Айналам өлі жусаған
Жолдастарым сүйегі.
Бірақ біз жеңдік жау,
Жеңуін жеңдік-ау,
Жусаған өлік айналам,
Жолдастарым сүйегі.

Шырқалған жеңу жырында,
Күңіренгендей көр шуы.
Өлі ерте күнде жан тынар,
Қуануға жөні жоқ,
Тағы да дабыл даңғырар.
Тағы да майдан қансырар...
Мен кылып, мен жалын.

По-моему, энергично, упруго, мощно, лексически, синтаксически, ритмически адекватно.

Думаю, и этот перевод заслуживает одобрения. К отдельным «блошкам» не хочется придираться. Лучших переводов на казахском языке этих двух произведений Генриха Гейне мне по крайней мере читать пока не довелось.

Сентябрь 2000 г.

«ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ» М. ГОРЬКОГО

в переводе Ильяса Джансугурова

Знаменитое это произведение Максима Горького, написанное сто лет тому назад (1901) и опубликованное впервые в журнале «Жизнь» (что впоследствии послужило поводом для его закрытия), всюду и неизменно печатается как проза, хотя текст «Песни» ритмически строго организован и при чтении легко дробится на стиховой размер – четырехстопный хорей. Размер этот четко угадывается, прослушивается с первых же двух предложений: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный».

Трудно даже представить, сколько тысяч раз печаталось это произведение на разных языках мира за одно столетие. Сколько поколений учащихся (особенно в советскую пору) знали эту песню наизусть. Строки ее цитировали везде и всюду. Их растаскали на эпиграфы. Их трактовали, анализировали на все лады. Их поневоле разбивали при чтении, при декламации на чет-

кий ритм. И получалось пафосно, патетически, величаво торжественно. Песня неизменно воспринималась как смелый, открытый и гордый призыв к борьбе. Победная героиня на фоне яркого пейзажа захватывала дух, манила, прельщала, будоражила, волновала. Повышенная эмоциональность кружила голову. Сама ритмика речи, афористичность стиля, внутренняя энергия, обилие метафор, неожиданные сравнения, повторы, образность, лиризм пленяли читателя, воодушевляли, настраивали на порыв. Отсутствие рифмы и подача текста в форме прозы не мешали восприятию его именно как песню – «Песню о Буревестнике».

XXX

Маленькое по объему это произведение (чуть больше одной книжной страницы) композиционно четко делится на три части, границы которых можно, пожалуй, определить так:

Первая часть завершается словами: «Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем».

Вторая часть начинается со слов: «Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем».

Третья часть начинается мощно, патетически: «Ветер воеет. Гром грохочет...»

Переводчик Ильяс Джансугуров все это прекрасно понимал и чувствовал.

Еще не успев ознакомиться с текстом казахского перевода, я про себя решил, что «Песня о Буревестнике» должна великолепно прозвучать по-казахски, но именно как песня, то есть, в стихах – свободных, вольных, раскованных. Сама стихия оригинала, весь его динамизм, страсть, напор, высокий слог отменно ложатся на казахский язык, от природы эмоциональный, красочный, богатый образностью и внутренней энергией. И как я обрадовался, убедившись, что именно таким путем пошел казахский поэт, точно ощутив поэтический строй и смысловой, патетический заряд горьковского произведения, уловив наиболее оптимальную форму его воспроизведения на казахском языке!

И, приступая к анализу перевода, я в нарушение традиции вынужден дробить горьковский текст на естественные, напрашивающиеся сами по себе ритмические, стихотворные строки. Тогда и казахский перевод будет смотреться убедительней.

Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает.
Между тучами и морем
Гордо реет Буревестник
Черной молнии подобный.
То крылом волны касаясь,
То стрелой взмывая к тучам,
Он кричит, и – тучи слышат
Радость в смелом крике птицы.

Все это удивительно ладно и складно ложится на казахский речестрой. В казахском языке богатый лексический арсенал для передачи динамизма, экспрессии оригинала, тревоги, предошущения бури, смуты и ярости необузданной стихии, ее буйства, грома, грохота, упоения страсти и борьбы. Вот на таком дыхании, в таком стиховом ключе Ильяс Джансугуров это произведение и перевел. Перевел вдохновенно, раскованно, не рабски, не подражая, а как бы соревнуясь, состязаясь с оригиналом.

Вот как звучат начальные строки на казахском языке:

Телегей тегіс теңіздің
Көкше бурыл айдынын
Сапырды дауыл, сапырды.
Сол айдынга бұлытты
Иірді дауыл, жапырды.
Тулаған теңіз үстінде
Қайнаған бұлт астында,
Жай оғындай жалтылдап,
Қағады канат Дауылпаз
Дауылдай даусы саңқылдап.

Строки эти свидетельствуют о богатой поэтической палитре переводчика, о мощи его поэтического словаря и таланта, о чутком слухе и умении артистически воссоздавать дух оригинала. Стихи льются естественно, без натуги, пожалуй, даже вольней, раскованней, чем в оригинале. Они кажутся более песенными, мелодич-

ными. Переводчик прибегает к столь милому антуражу казахской поэтики, к аллитерациям («телегей тегіс теңіздің», «қағалы қанат», «жай отындай жалтылдап», «дауылды дауыс»), к экспрессивным полнозвучным рифмам («жалтылдап – саңқылдап», «сапырды – жапырды»), к глагольным повторам («сапырды дауыл, сапырды»), к обилию глагольных форм, нагнетающих стихию (сапырды, ірді, жапырды, жалтылдап, қағалы, саңқылдап).

Стихи обрушиваются горным водопадом, без препятствий, широко, вдохновенно.

В этом крике – жажда бури!
Силу гнева, пламя страсти
И уверенность в победе
Слышат тучи в этом крике.
Чайки стонут перед бурей, –
Стонут, мечутся над морем
И на дно его готовы
Спрятать ужас свой пред бурей.

Дауыс – аңсап дауылды!
Ызалы куат, күш қысқан.
Құмарлы жалын от шашқан,
Жау женуге сенім мол, –
Бұлыт тындай дауыстан.
Шыңғырады шағала.
Жалп-жалп ұшып теңізде
Жете алмастай жағаға.
Оларды қауып қуғындап
Тыққандай теңіз түбіне
Зар қылып баспанаға.

Владеющий казахским языком наверняка замечает кое-какие отклонения в стилистическом плане от оригинала. Переводчик немного расширил горизонт картины перед бурей, добавил от себя несколько строк, чтобы создать адекватный эмоциональный и концептуальный заряд. Например: «И на дно его готовы спрятать

ужас свой пред бурей» в обратном переводе звучит так: «Как будто не могут добраться до берега. их опасность преследуя, словно загоняет на дно моря, заставляя тосковать о жилье».

Однако по-казахски все звучит складно, все в тональности, в духе подлинника и воспринимается естественно, достойно.

Все мрачней и ниже тучи
Опускаются над морем,
И поют, и рвутся волны
К высоте навстречу грому.

Манаї мұнар, сұр, күнгірт,
Құшақтады теңізді
Аударылды аспан, бұлт,
Көк жөтеліп күрк-күрк-күрк...
Өкіреді, жылайды
Жайға ұмтылып жоғары,
Толкын серпіп тулайды,
Теңіз қайнап бүрк-бүрк-бүрк...

Что сразу бросается в глаза? Большой объем лексического материала, использованного переводчиком. Передавая содержание оригинала, переводчик не удерживается от искушения посостязаться в образности, картинности, выразительности описываемого события. Его захватывает игра стихии, ему хочется еще больше ее расцветить, добавить свои краски, нанизывать определения, глаголы, что-то попутно зарифмовать, прибегнуть к звукоподражательным словам, которым так богат вольный казахский язык. У него тучи не только «мрачней и ниже», но «вокруг пасмурь, серо, тускло», тучи не только опускаются над морем, а обнимают море,

заключают его в свои объятия, и небо опрокидывается, надрывно кашляет – «күрк, күрк, күрк», рычит, плачет, и волны кидаются ввысь, на берег, волнуясь, упруго бьются, и море вскипает-бурлит – «бүрк, бүрк, бүрк». Вот за счет таких деталей «Песня о Буревестнике» («Дауылпаз») как бы расширяет свои горизонты. Я не вижу (в данном, конкретном случае) тут греха. Ибо вся эта «отсебятина» вполне в контексте оригинала, и по-казахски все звучит органически, эффектно, живо.

Вчитываемся в текст дальше.

Гром грохочет. В пене гнева
Стонут волны, с ветром споря,
Вот охватывает ветер
Стаи волн объятьем крепким
И бросает их с размаху
В дикой злобе на утесы,
Разбивая в пыль и брызги
Изумрудные громады.

Күркірейді аспан, көк,
Арпалысып дауылмен.
Ашу – көбік, ыза – кек,
Арсылдайды толқын сок...
Теңіз дауыл жекпе-жек
Алыскандай жұлқысып,
Палуан күшті жел білек,
Қушақтады толқынды
Алыптайын ашумен
Жел тасқа алып сокты кеп,
Тасқа ұрылған тау толқын
Шашты быт-шыт меруерт.

Ей-ей, мне казахский текст кажется предпочтительней: он «живей», напористей, мускулистей, образней, красочней; это действительно песня – упругая, динамичная, яростная, ее цементируют рифмы – көк – кек – сок – жек – білек – кеп – меруерт; ее динамизируют глаголь-

ные формы -- күркірейді (грохочет, громыхает), арпалысып (схлестнувшись, борясь), арсылдайды (неистово лает, рычит), құшақтады (обнял, заключил в объятия), алып соқты (бросил, швырнул), шашты (разбрызгивал). Схватка неба, волн, моря, ветра предстают перед глазами казахского читателя как гимн яростной, ликующей, безумствующей стихии, величавой, неукротимой бури. Они точно сшибаются в поединке, все вокруг грохочет, стонет, бурлит, клокочет, рычит, колобродит, ветер хватает волны в объятия и, точно борец-палуан, остервенело, иступленно швыряет на глыбы камней, и горы волн, опрокидываясь на утесы, дробятся взрывом («быт-шыт») на жемчужные осколки, брызги. Великолепно! И в оригинале мощно выражена сшибка могучей стихии, и перевод, как мне кажется, ни в чем не уступает, а, скорее, выигрывает в деталях, в ритмомелодике, в пластике, в пружинистой зарифмованности, энергичной выразительности. Такое ощущение, будто пара лихих скакунов, запряженных в колесницу, мчатся-несутся вольным степным ветром по простору наперегонки с шальным вихрем. И не скажешь, какой скакун лучше – русский или казахский. Они мчатся ступь в ступь, ухо в ухо, хвост в хвост, в необузданном азарте, и созвучное лопотанье их копыт разносится далеко вокруг.

XXX

Мне подумалось: вероятно, на Демоне переводчик споткнется. Других преград вроде бы нет. Вчитываюсь в текст:

Вот он носится, как демон,
Гордый, черный демон бури, —
И смеется, и рыдает.

Ол дәу пері желде ұшқан,
Дауылдын дәу карасы.
Күңіренеді. Күледі.

Как и все мои сверстники, со школьных времен знаю эту Песню наизусть. Бесконечно раз читал и декламировал. И каждый раз ловил себя на том, что вот на этом месте – «и смеется, и рыдает» – я бледнею, сердце подсакивает к горлу, странное состояние, как перед прыжком с крутояра Ишима в черный водоворот внизу, охватывает меня, дыхание срывается. И смеется, и – пауза, ужас, восторг смятение – рыдает. И опять через паузу, переводя дыхание, как разрядка смятенных чувств:

Он над тучами смеется,
Он от радости рыдает!

Интонационно выделяются «над тучами» и «от радости».

Полагаю, нечто подобное испытывал и переводчик. Испытывал чутко, потрясенно, потому решил это место чуть-чуть развернуть, дополнить, расширить:

Күніренеді. Күледі.
Бұлыттарды сыкактап,
Қайсар сак-сак күледі.
Қуаныштан күніреніп,
Күніренеді, күледі.

Вот как это звучит в обратном дословном переводе:

«Он тоскует. Он смеется. /Он высмеивает тучи./ Смелый, громко он хохочет. /От радости печалится/. Тоскует и смеется».

Примерно так. Переводчик как бы педалирует чувства, нагнетает экспрессию, «дожимает». Қайсар – мужественный, упорный, решительный, смелый, настойчивый и т.д. Вот как определяет переводчик Буревестника. Он смеется над тучами, над их тщетной потугой скрыть солнце, он не просто смеется, а насмехается, высмеивает, издевается, не смеется – хохочет, хохочет громко, «сак-сак», т.е, по-хо-ха-тывает, скалит зубы, хохочет от души, и опять печалится, тоскует, предается унынию и одновременно смеется. Мне это переводческое решение кажется убедительным.

XXX

Здесь я должен сделать небольшое отступление и поделиться одним личностным ощущением, признаться в субъективной странности или слабости, причуде, не знаю, как лучше объяснить.

С малых лет для меня не было ничего красивее, потрясеннее, заманчивее дикой природной стихии. Гроза, буря, метель, буран, ливень, град, смерч меня диковинным образом манили, ужасали, потрясали, восхищали всегда. В Северном Казахстане, в Приишимье, где я вырос, летом, бывало, неистовствовали грозы, молнии раскалывали небосвод, ударяли по одиноким деревьям, разнося их в щепки, поражали скот, дома, гром сотрясал землю, ливень лил потоками. «как из ведра» – слишком слабое сравнение, просто обрушивался водопад, вмиг образовывая пузырящиеся лужи, пробежать по которым было высшим мальчишеским наслаждением, в такую бурю тихий, ласковый Есиль пенился, бурлил, выходил из берегов, зимой метель играла свою самозабвенную круговерть неделями, буранило так, что скрипел-стонал деревянный сруб пятистенок, срывало крыши, ломало деревья, наметало сугробы поверх приземистых домишек. В такие дни родители с трудом удерживали меня дома. Я норовил в непогоду уйти подальше из аула в степь, укрыться в чащобе перелеска или в тальнике тугая, найти укромное местечко в овраге, закутаться в просторный отцовский брезентовый плащ или в тулуп и наедине, замерев от ужаса и восхищения, часами наблюдать за упивавшейся своим неистовством разгульной стихией. Я испытывал при этом неопиcуемый восторг и кричал, как безумный, исступленно, размахивал руками, подзадоривал небо, готовое вот-вот обрушиться на вздыбленную землю.

Примерно так же воспринимал я и «Песню о Буревестнике». Мне не было дела до ее школьной трактовки, что она, мол, призывает к революции, к революционной буре и т.п. Для меня важна была сама буря, описание бури и одинокий Буревестник, черной молнии подобный. Одиночка и буря – вот что меня неизменно прельщало, волновало, будоражило, подстегивало волю, дерзость, притягивало, манило, пугало и восторгало.

Жизнь и годы, понятно, выбили из меня эту детскую дурь, но «Песня о Буревестнике» я и поныне воспринимаю через призму тех далеких ощущений.

XXX

Вернемся, однако, к тексту.

Ветер вост... Гром хохочет...
Синим пламенем пылают
Стаи туч над бездной моря.
Море ловит стрелы молний
И в своей пучине гасит.
Точно огненные змеи,
вьется в море, исчезая,
отраженья этих молний.
– Буря! Скоро грянет буря!

Өкіреді көк дауыл,
Шатырлайды найзағай
Түпсіз терең теңізде
Қошқыл қара жалынмен
Жалындайды бұлт кезбе...
Телегей төсі теңіздің
Тулап, аунап бір кезде
Көктен оғын атса жай
Қақшып жұтып телегей
Сөндіреді ілезде.
Теңіздегі сәулесі
Ажағайдың оғынан,
Ойнақтайды от, шок жылан,
Дауылпаздың дауысы:
– Дауыл, кезің соғатын!

И здесь даже визуально заметно, что перевод длиннее оригинала. Все бережно передано: и стрелы молний, и огненные змеи, и пучина, и «вьется в море», но переводчик воспроизвел все основательней, подробнее, с повторами, с пояснением, что «Буря! Скоро грянет буря!» – это голос Буревестника. Мое внимание привлекло слово «ажағай» – молния. В литературном казахском языке употребляется в этом значении форма «найзағай». «Ажағай» я встречал у И.Джансугурова неоднократно, в такой форме я нашел это слово и в 10-томном Толковом словаре казахского языка. Я подумал: может, это семиреченский диалект? Но в Словаре такая пометка отсутствует. В «Песне о Буревестнике» переводчик употребляет обе формы – и «найзағай», и «ажағай».

Вот заключительные строки «Буревестника»:

Это смелый Буревестник
гордо реет между молний
над ревушим гневно морем,
то кричит пророк Победы:
Пусть сильнее грянет буря!

Арсылдаған ашулы
Түпсіз теңіз үстінде
Қайтпай қағад қанатын,
Ол дауылдың дабылы
Даусы дауыл шақырад.
Жау теңіздің жаршысы ол,
Ер Дауылпаз етті шаңқ:
– Соксын дауыл қаттырақ!

Оригинал бережно сохранен, но за счет большего лексического материала. «Голос его кличет бурю», «Он предвещает грохот бури» – посчитал нужным добавить переводчик. «Пророк Победы» – «Глашатай победы над

врагом». Но меня, как читателя, как аналитика, это особенно не смущает. Все вполне в контексте оригинала. В конце концов перетаскивать слова из языка в язык – не главная миссия переводчика. У него более значительная задача: передать дух, эмоциональный заряд подлинника.

А смущают два момента – я противник употребления усеченной формы глагольных форм в письменной литературе. Считаю это прерогативой устной или диалектной речи. Ильяс Жансугуров часто прибегает и в своем творчестве, и в переводческой практике к подобным формам. В данном отрывке: «шақырад» вместо нормативной «шакырады», «қағад» – вместо «қағады». Да еще эта усеченная форма «қағад», «шағырад» рифмуется с «катырак». Мне это кажется нелучшим решением. Все же у орфографии и орфоэпии нередко разные нормы и функции. И они не всегда совпадают и в русском, и в казахском, и во многих языках.

Автор и в начале песни, и в конце применяет словосочетание «гордо реет». «Гордо» – здесь очень важная деталь. А в переводе «гордо» отсутствует. И в чем тут дело – я так и не уяснил. Правда, из подробного описания умозрительно можно понять и допустить что Буревестник реет гордо, но само понятие, адекват почему-то отсутствует. Допускаю, что весь синонимический ряд для обозначения слова «гордо» в казахском языке прозвучал для чуткого слуха Поэта неуместно, неточно, грубо, нехарактерно.

Кто знает?...

И вот еще одна неожиданность: знакомясь с пятитомным собранием сочинений Ильяса Джансугурова, я обнаружил в четвертом томе (1962) другой – прозаический – перевод «Песни о Буревестнике». Как это характерно для выдающегося казахского поэта! И в своем оригинальном творчестве, и в переводческой практике он, оказывается, нередко создавал по два варианта. В этом мы убедились, анализируя перевод «Железной дороги» Некрасова. По свидетельству Мухтара Ауэзова (т.17. 1985), «Ильяс поначалу переводил один отрывок романа (речь идет об «Евгении Онегине» – Г.Б.) по разным образцам». Ф.Габитова утверждает, что пьеса Ильяса Джансугурова «Исатай-Махамбет» также имела два варианта: первый, прозаический, затерялся бесследно, а второй, написанный в жанре либретто, сохранился. В двух вариантах оказался и перевод «Песни о Буревестнике» .

Для чего это сделано – ясно: для большей точности и выразительности, для максимальной близости к оригиналу – и по букве, и по духу. О том, как получился стихотворный вариант, мы уже говорили выше. Чтобы убедиться в достоинствах и особенностях прозаического перевода «Песни о Буревестнике», достаточно привести два-три примера в сопоставлении с подлинником, и читатель сам во всем разберется.

«И гагары тоже стонут. – им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни, гром ударов их пугает».

«Гагар үйректөр шырылдайды. Оларға – гагарларға өмірдің майданында серуендеуге болмайды. Ажағай екпнінен оларда үрей жоқ.».

Или:

«Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому».

«Кәрі күңгірт бұлт аударылып теңізді құшақтайды. Күркірейді. Ән салады, жоғары қарай ажағайға қарсы толқындар тулайды».

Что мы видим? Исчез четкий ритм оригинала, синтаксический строй предложений не соответствует, не созвучен, ритмизованная, взволнованная проза уступила место плоской, констатирующей прозе, и лексическая выразительность явно обеднена («им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни» – «им, гагарам, нельзя прогуливаться на бренном поле жизни»), весь перевод «Песни» больше смахивает на корявый, приблизительный подстрочник. Не чувствуется огня, порыва, страсти. Осталась лишь бледная тень. Перевод на уровне варианта, пробы, прикидки, упражнения.

«Вот он носится, как демон, – гордый, черный демон бури, – и смеется и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!»

“Әні, ол дәуеріше ұшады. Қайсар дауылдың дәукарасы күледі, күңіренеді. Ол бұлттарды ажуалап күледі. Ол қуаныштан күңіренеді, күңіренеді”.

Переклад слов есть. перевода, можно сказать, нет. Нет ритмической организованности, внутреннего напора, энергии, эмоциональной напряженности. Нет «Песни», есть ее прозаический отзвук, отблеск.

Словом, меня этот вариант не волнует, не «греет», он по всем художественным параметрам заметно уступает первому, поэтическому, переводу. Прозаический перевод кажется мне менее привлекательным, симпатичным и состоятельным.

Сентябрь 2000 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

- 5 Альхисса-Зачин
- 21 «Евгений Онегин»
в переводе Ильясa Джансугурова
- 81 Лирика Пушкина
в переводе Ильясa Джансугурова
(Заметy на полях)
- 138 Поговорим о странностях любви.
«Гавриилиада»
в переводе Ильясa Джансугурова
- 162 Лермонтов
в переводе Ильясa Джансугурова
- 192 «Железная дорога» Некрасова
в переводе Ильясa Джансугурова
- 219 Ильяс Джансугуров –
переводчик Генриха Гейне
- 240 «Песня о Буревестнике» М. Горького
в переводе Ильясa Джансугурова

БЕЛЬГЕР ГЕРОЛЬД КАРЛОВИЧ

**ЭТЮДЫ О ПЕРЕВОДАХ
ИЛЬЯСА ДЖАНСУГУРОВА**

Редактор – *С.-Г. Байменов*

Художник – *О. Шиленко*

Художественный редактор – *Е. Корешков*

Верстка *Л. Корешковой*

Подписано в печать 28.11.2001. Формат 70x108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Уч.-изд. л. 9,5.
Усл. п.л.9,6. Тираж 900. Заказ 12.

Издательство «Фалым»
480091, г. Алматы, ул. Тулебаева, 98.

Отпечатано в типографии "Print-S"

Герольд БЕЛЬГЕР

Переводчик, прозаик, публицист, эссеист. Родился в 1934 г. в г. Энгельс Саратовской области.

Перевел с казахского и немецкого языков на русский более 200 произведений художественной прозы. Опубликовал на русском, казахском и немецком языках более 800 статей. Автор 20 прозаических, исследовательских, литературно-критических книг, изданных в Москве, Алматы, Берлине. Лауреат премии Союза писателей Казахстана им. Б.Майлина (1988), заслуженный работник культуры Республики Казахстан (1987), лауреат Президентской премии мира и духовного согласия (1992), лауреат Казахского международного ПЕН-клуба (1996). Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Республики Казахстан (1984), орденом «Парасат» (1994). Был депутатом Верховного Совета Республики Казахстана XIII созыва. Живет в г. Алматы.